

ISBN 978-601-270-562-1

Пак Нелли Сергеевна – доктор филологических наук, профессор им. Абылай хана. Автор 4 монографий: «Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы». Алматы, 2005; её перевод «The Korean Language in Kazakhstan: Problems and Perspectives» Published by LINCOM GmbH, München, 2021; «Проблемы миноритарных языков в полиэтничном Казахстане». Алматы, 2011; «История развития востоковедения в Казахстане» (в соавт.). Алматы, 2016; «Корейские топонимы российского Дальнего Востока» (в соавт.). Алматы, 2017.

Автор 90 статей по различным проблемам общего и частного языкознания (индоевропеистики, германистики, корееведения), соавтор «Учебника корейского языка для казахстанцев» (1-6 уровни) как участник международного проекта Корейского фонда.

Участник проектов по исследованию диалектов корейского языка СНГ: (грант «Организации по исследованию общественных наук» США и Британской Академии), (грант «Корейского исследовательского фонда», Кореи).

Приглашенный ученый в исследовательских центрах: SOAS Лондонского университета (1993), Института языкознания им. М.Планка, Берлин, Германия (1995), Университета Британской Колумбии, Ванкувер, Канада (2002);

Лауреат гранта и медали Министерства образования Республики Казахстан «Лучший преподаватель вуза 2010 г.», Почетной грамоты и медали Президента Республики Корея Ли Мен Бака за «Вклад в развитие корееведения за рубежом 2011 г.».

ПАК Н.С.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО КОРЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

ЦЕНТР КОРЕЕВЕДЕНИЯ КАЗУМОИМЯ ИМ. АБЫЛАЙ
ХАНА

Пак Н.С.

Избранные труды по корейской лингвистике

Алматы, 2022

УДК 81–26
ББК 81.2/81.8
П13

Рецензенты:

д.ф.н., профессор КазУМОиМЯ им. Абылай хана

В.У. Махпиров

д.ф.н., профессор КазНУ им. Аль-Фараби Э.Д. Сулейменова

д.ф.н., профессор КазНПУ им. Абая Д.Д. Шайбакова

Рекомендовано

Ученым советом Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (протокол № 2 от 21.10.2022 г.)

Автор: доктор филологических наук, профессор Пак Нелли Сергеевна

Избранные труды по корейской лингвистике: сборник/ Н. С. Пак. — Центр Корееведения КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, 2022. – 285 с.

ISBN 978-601-270-562-1

Настоящий сборник представляет научные труды известного казахстанского ученого, доктора филологических наук, профессора Н.С. Пак, изданные в разные годы. Они распределены по трем разделам корейской лингвистики. Первые два раздела посвящены проблемам языка корейской диаспоры, проживающей на постсоветском пространстве. Впервые приводится наиболее полное описание диалекта юкчин в сравнении с сеульским стандартом корейского языка. Смешение исконных диалектов на территории СНГ привело к возникновению варианта корейского языка – коре мар. Рассматриваются перспективы его дальнейшего существования. В современной лингвистике отсутствуют работы, посвященные процессам взаимодействия диалектов одного языка (койнезации) в условиях иноязычного

окружения и формирования новой коммуникативной системы. Третий раздел содержит статьи по социолингвистической проблематике в корееведении.

Публикация данного сборника актуальна тем, что в научный оборот вводятся языковые факты малоизученного и неопisanного языка корейской диаспоры – коре мар и его составной части – исчезающего диалекта юкчин.

Книга адресована специалистам, интересующимся проблемами функционирования миноритарных языков в полиэтническом обществе. Сборник представляет интерес для лингвистов, аспирантов, студентов филологических факультетов университетов, а также для всех, кто интересуется корейским языком.

“This work was supported by the *Core University Program for Korean Studies* of the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service at the Academy of Korean Studies (AKS-2021-OLU-2250007).”

ISBN 978-601-270-562-1

© КазУМОиМЯ им. Абылай хана

© Пак Н. С., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
РАЗДЕЛ 1. ДИАЛЕКТ ЮКЧИН ЯЗЫКА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН	11
ЯЗЫК - ВАРИАНТ ЯЗЫКА - КОЙНЕ – ДИАЛЕКТ	11
ДИАЛЕКТ ЮКЧИН В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ	18
육진(六鎭)방언의 특징	27
СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДИАЛЕКТОВ КОРЕ МАР ¹	35
СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДИАЛЕКТА ЮКЧИН ...	42
О ПРОСОДИКЕ ДИАЛЕКТА ЮКЧИН КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА.....	51
BESONDERHEITEN DER KASUS FORMEN DES YUKCHIN- DIALECTES DES KOREANISCHEN IN KAZACHSTAN.....	62
КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ДИАЛЕКТЕ ЮКЧИН КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА	75
KOREAN KINSHIP TERMINOLOGY	84
DIVERGENT PROCESSES IN LANGUAGE DEVELOPMENT (YUKCHIN DIALECT)	99
РАЗДЕЛ 2. КОЙНЕЗИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ ЯЗЫКА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН – КОРЕ МАР	107
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕ МАР	107
ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	121

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ	129
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	136
СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ СТРАН СНГ НА ХАНГЫЛЬ	142
ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КОРЕ САРАМ «ПРЕДАНИЕ О СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ».....	163
РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОРЕЕВЕДЕНИИ.....	182
ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА В КАЗАХСТАНЕ	182
ВАРИАТИВНЫЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВ МИРА ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ	191
Е.Д. ПОЛИВАНОВ И КОРЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	201
다민족국가 카자흐스탄의 언어 상황과 정책	209
ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ ВЫМИРАЮЩИХ ЯЗЫКОВ	220
О ТЕОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ ПРИ БИЛИНГВИЗМЕ.....	229
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОЙ ВИТАЛЬНОСТИ (ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ).....	240
О РАБОТЕ НАД СОСТАВЛЕНИЕМ «РУССКО- КОРЕЙСКИХ РАЗГОВОРОВ» И «ОПЫТА КРАТКОГО РУССКО-КОРЕЙСКОГО СЛОВАРЯ», ИЗДАННЫХ ПРАВОСЛАВНЫМ МИССИОНЕРСКИМ ОБЩЕСТВОМ В КАЗАНИ В 1904 Г.	248

О КОРЕЙСКОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТНОЙ ЛИТЕРЕ	256
ВКЛАД ПРОФЕССОРА КО СОН МУ В РАЗВИТИЕ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ.....	262
СУДЬБЫ ПОТОМКОВ ПЕРВЫХ КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	270
ОБ УНИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

В латинской пословице говорится: *habent qua fata libelli* «Книги имеют свою судьбу». Еще в большей степени эти слова относятся к языкам. О судьбе одного из них, а именно – корейского языка в Казахстане, читатель может познакомиться, прочтя эту книгу.

Судьба языков малочисленных народов занимает особое место в науке о языке, изучение которых в силу определенных исторических причин началось относительно недавно. Известно, что на земном шаре в настоящее время существует более 5 тысяч языков. Может создаться впечатление, что эти тысячи языков и диалектов существуют со дня сотворения мира и до наших дней. Однако уже при ознакомлении с древнейшими текстами можно легко убедиться в том, что многие народы вместе с их языками и культурой навеки исчезли с лица земли. Так, например, в Библии, у отца истории Геродота встречается много наименований народов, о которых мы практически ничего не знаем. И это происходит, главным образом, потому что мы не знаем, на каких языках они говорили, а язык – это один из основных этнопоказателей, поскольку он является не только средством общения, но и отражает историю и культуру данного народа, его образ жизни и картину мира.

В Библии, например, упоминаются маовитяне, филистимляне и другие этносы, которые бесследно исчезли, и мы не знаем, что это были за люди, каковы были особенности их материальной и духовной жизни. Даже о таких крупных, но бесследно исчезнувших народах, как скифы, которые сыграли важную роль в истории человечества (о них много пишет Геродот), известно очень мало. Их потомки – саки жили до 10 века нашей эры на территории Западного Казахстана. Но что мы о них знаем?

Таким образом, мы видим, что на протяжении истории человечества исчезали целые народы вместе с их языками и культурами. Это тупиковый путь глоттогонического процесса.

Вместе с тем есть и другой путь исчезновения языков, когда в результате взаимодействия одного языка с другими возникает новая коммуникативная система. Если взять,

например, историю романских языков (французский, испанский, португальский, румынский и др.), то легко можно убедиться в том, что их возникновение связано не с распадом единого праязыка, а с процессами койнезации, слияния латинского языка с языками других народов. Так, французский язык – это латинский язык в устах кельтского населения Галлии, а румынский – результат взаимодействия латинского с языком фракийского населения Северной Дакии. В настоящее время латинский язык стал мертвым, исчезли языки галлов и фракийцев, а французский, румынский и другие романские языки занимают важное место на языковой карте современного мира.

Имеется еще и третий путь исчезновения языков (он наиболее характерен для языков малочисленных народов), когда в силу экономических и социокультурологических причин представители миноритарных этносов переходят на язык более многочисленных народов в условиях централизованного государства.

Итак, мы видим три типа глоттогонических процессов, связанных с исчезновением одних, со смешением других или с возникновением третьих языков. Можно подумать, что такие процессы происходили только в прошлом, однако жизнь показывает, что данные проблемы и сейчас актуальны как никогда. Если рассматривать язык не только как средство интеграции всех этносов в единое целое, как средство внутриэтнической коммуникации, но и как отражение образа жизни, исторического опыта и специфической картины мира, то исчезновение любого языка, независимо от количества его носителей, представляет собой невосполнимую потерю для всего человеческого рода. Эта потеря больше, чем потеря какого-то редкого животного или растения, занесенного в «Красную книгу». Ясно, необходимо что-то предпринять, чтобы и малочисленные народы могли сохранить свою культуру и язык, свой накопленный тысячелетиями жизненный опыт.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть несколько, как нам кажется, важных моментов этой общей проблемы.

1. Объектом исследования Н. Пак являются не самостоятельные языки, а диалекты (территориальные

варианты) корейского языка в условиях дезинтеграции. Естественно, возникает вопрос: позволяет ли жизнь диалектов исследовать общелингвистические процессы отмирания языков? По нашему мнению – да. Дело в том, что диалект с точки зрения своей структуры (наличие трех уровней: фонологического, лексического и грамматического и двух планов: синтагматики и парадигматики), а также с точки зрения выполняемых общественных функций (средство общения) ничем не отличается от любого естественного языка как системно-структурного образования. Следовательно, диалект – это полноценная коммуникативная система, на материале которой можно изучать любые частно- и общелингвистические проблемы.

2. Первейшей задачей в изучении отмирающих миноритарных языков и диалектов является их документирование. Для этого необходимо иметь соответствующие тексты (что встречается довольно редко) либо отдельных, оставшихся еще в живых, носителей данного идиома. Относительно диалекта юкчин все эти источники информации о диалекте оказались в наличии. Будучи сама носителем этого диалекта, Н. Пак успела сделать магнитофонные записи живой речи носителей юкчин. Это позволило ей дать относительно краткое, но репрезентативное описание структурных особенностей диалекта в условиях новой родины на самой конечной стадии увядания.

3. Исследуя структурные особенности варианта корейского языка в синхронном и отчасти в диахронном планах, автор приходит к обоснованному выводу о том, что причиной исчезновения диалекта юкчин являются не его структурные особенности или структурная ущербность, а чисто социальные факторы. Диалект юкчин изменялся на протяжении истории, как и любой другой язык, демонстрируя свою витальность и способность приспосабливаться к новым социальным условиям, сохраняя при этом свой статус быть полноценным средством общения для своих носителей. Роль социальных факторов в жизни диалекта особенно ярко проявилась после насильственного переселения части корейского народа в 1937 г. в Среднюю Азию и Казахстан, в

новые климатические и социально-демографические условия. Сюда были депортированы носители двух корейских диалектов – юкчин и менчхон, которые из естественного чувства интеграции к самосохранению создали новую коммуникативную систему в условиях диаспоры – коре мар как результат процесса койнезации двух родственных диалектов. Таким образом, исследование Н. Пак убедительно показало, что и в наше время могут исчезать отдельные языки и рождаться новые.

Н. Пак убедительно показала, что проблема сохранения миноритарных языков является комплексной. Она связана с решением ряда вопросов социально-политического, этнографического, образовательного и лингвистического характера. Настоящая работа – первый серьезный шаг в правильном направлении.

А.Карлинский

РАЗДЕЛ 1. ДИАЛЕКТ ЮКЧИН ЯЗЫКА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

ЯЗЫК - ВАРИАНТ ЯЗЫКА - КОЙНЕ – ДИАЛЕКТ

Введение

Одной из интереснейших проблем в современном языкознании является вопрос функционирования языков, носители которых проживают длительное время вдали от своих метрополий, в иноязычной среде. Чтобы приблизиться к решению данной проблемы необходимо ответить на следующие вопросы: 1) каков статус этих языков; 2) какова степень изменений в этих языках; 3) факторы, влияющие на языковые изменения; 4) степень взаимного понимания носителей стандарта и койне; 5) каковы тенденции их развития; 6) перспективы этих языков. В данном сообщении мы коснемся лишь первого вопроса - статуса языков, функционирующих в иноязычной среде.

Данный вопрос как отдельная проблема в лингвистике не ставился. Хотя он в современном мире чрезвычайно актуален. Сам по себе вопрос не нов. Он изучался и изучается в контексте проблем языковых контактов. Сошлемся на фундаментальные труды А.И. Домашнего и др.

Новый подход к изучению языков, находящихся в иноязычной среде, заключается не только в их описании как целостной системы, но и нахождения форм для придания им стандартных норм с целью сохранения самобытности языка и его полноценного функционирования в пределах этнической среды.

Кроме того, в настоящее время в обществе стали определяться новые ценностные ориентации по отношению к своему, "домашнему", языку. Все более становится очевидным тот факт, что утрата языка влечет за собой разрушение самобытной культуры этноса. Интерес к "домашнему языку" наблюдается еще и в связи с тем, что "приходит осознание угрозы природе и той ответственности, которая имеется перед последующими поколениями" (1,

Радтке, 1976). "Природным сырьем" называет И. Радтке диалект, который является не только языковым и социальным, но и культурным фактором в жизни общества (там же с. 16).

Одним из главных аргументов в пользу данной концепции служит то, что языки на земном шаре катастрофически быстро исчезают и значительная их часть находится под угрозой вымирания. Именно к ним относится язык, на котором говорят корейцы стран СНГ.

О терминах *коре мар*, *коре сарам*

Самоназвание советских корейцев *коре сарам* не является исконно корейским по своему происхождению, т.е. данный этноним не был перенесен с полуострова. Этимологией рассматриваемых терминов (откуда они появились, когда и как) никто практически не занимался. Хотя начинать познавать самих себя, как мне представляется, следует именно с того, как мы себя называем и почему мы так себя называем.

Данные термины впервые употреблены в учебниках и учебных пособиях, изданных в России в 1920-30 годах.

Полагаем, что самоназвание советских корейцев "коре сарам" и языка "коре мар" представляет собой кальку с русского. Эквивалентом словосочетания *коре сарам* служит в русском языке универб *кореец* (прилагательное *коре* означает корейский, а существительное *сарам* — человек), т.е. этноним советскими корейцами воспринят через русский язык, в котором название *Корея* появилось после открытия страны европейцами. При этом сами носители произносят не [корё], а [коре] из $\text{고려} + \text{이} = \text{고려이}$ (в *коре мар* все существительные оканчиваются на 이). Так, *паб-и*, *чиб-и* и др.)

В настоящее время в мире существует более 6000 языков и диалектов, на которых все еще говорят люди. По оценкам Хале (2. Халле, 1992), только 10% из них уцелеют к концу следующего столетия, т.е. менее 1000. На данный момент около десятка языков вымирает каждый год. Разнообразие языков быстро сокращается. Процесс этот тревожен и прискорбен для человечества, так как он, по словам К. Лемана (3. Леман, ВЯ, 1996, 2), с необходимостью влечет обеднение культурного разнообразия и потерю источников интеллектуального вдохновения.

Более того, есть еще неописанные языки, которые находятся под угрозой вымирания. Документирование и описание их является также одной из неотложных задач лингвистики.

В этом контексте статус языка, функционирующего в любом этническом обществе, является ли он самостоятельным языком, вариантом языка или диалектом, вопрос менее актуальный и существенный, чем вопрос сохранения и документирования его.

Для говорящего на той или иной языковой разновидности, как отмечает Д.И. Эдельман, не существует вопроса, представляет ли она собой язык или диалект. Он просто владеет определенной языковой системой, называя ее языком, поскольку она отличается от другой системы.

Примером попытки сохранения языка служит язык инуитов в Канадской Арктике (см. 4. Дорэ Л.-Ж. ВЯ. 1992. №4, с. 60).

Язык инуитов рассматривается сейчас как полноправный язык и преподается в большинстве школ. Он имеет статус официального. Как следствие, большинство официальных документов, касающихся инуитов, переводится на инуктитут и используется во время обсуждений в законодательной ассамблее и др. правительственных заседаниях. Инуктитут стал т.о. символом этнической самобытности. Однако он не стал пока главным средством обучения, ему обучают только в первых 3-4 классах. Прилагаются большие усилия для подготовки квалифицированных учителей-инуктитута,

Точно также рассматривается фламандский язык в Германии – как полноправный язык – и преподается в школе.

В свете рассматриваемой проблемы одним из сложных вопросов классификации языков является определить: говорят ли два языковых общества на разных языках или на двух диалектах одного языка.

Проблема языковых разновидностей, степень их самостоятельности относительно друг друга возникла сравнительно недавно. Хотя для синхронного описания системы конкретных языков противопоставление "язык или диалект" нерелевантно.

Но прежде для определения статуса того или иного языка обратимся к понятиям язык – диалект, язык — вариант языка, язык - койне.

Рассмотрим лингвистические критерии разграничения языка и диалекта, языка и варианта языка. Вопрос этот достаточно сложный ввиду отсутствия ясных критериев разграничения понятий "язык" и "диалект".

ЯЗЫК – ВАРИАНТ ЯЗЫКА

Вариант языка – разновидность литературного языка, образующаяся в территориально обособленном коллективе вследствие длительного государственного разобщения, т.к. речь каждого из обособившихся объединений с течением времени приобретает свои специфические черты. Язык может создаваться исторически в результате образования литературной формы на основе других диалектов, в отличие от общенародного литературного языка. Так, в Америке, Канаде, Австралии формируются варианты английского языка. В Бельгии, Канаде, Швейцарии формируются варианты литературного языка, отличающиеся от языка Франции лексико-грамматическими и фонетическими особенностями.

ЯЗЫК – ДИАЛЕКТ

Диалектом (от греч. *диалектос* - разговор, говор, наречие) называют разговорный вариант данного языка, которым пользуется ограниченное число людей, связанных общностью территории, в постоянном и живом общении друг с другом (5. Русская диалектология. М., 1990). При этом носителем определенного диалекта всегда является определенный коллектив.

Приведем критерии, на которые опираются для определения понятий язык и диалект в советском языкознании. Так, Л.И. Баранникова под языком понимает "определённую систему коммуникативных средств, используемых в данном этническом коллективе. Под диалектом понимается один из территориальных вариантов общезыковой системы коммуникативных средств, которые используются частью этнического коллектива и характеризуются определённой функциональной ограниченностью" (6. Баранникова Л.И., Русские народные говоры в советский период. Саратов. 1967). Таким образом, в

основу разграничения языка и диалекта положены три признака: социальный, функциональный, территориальный. Первый признак проявляется в том, что язык обслуживает весь коллектив, все слои общества, диалект - его часть. Согласно второму признаку у языка отмечается многообразие функций, у диалекта - ограниченность. По третьему признаку язык обслуживает всю этническую общность, проживающую на данной территории, диалект - территориально ограничен.

Рассматривая взаимоотношения общенародного языка и его территориально дифференцированных диалектов, В.М. Жирмунский, считает, что "местные диалекты общенационального языка являются результатами его дифференциации в условиях ослабленного общения. При дальнейшем уменьшении или прекращении общения, обычно связанными с распадом общественного коллектива, дифференциация диалектов приводит к распадению общенародного языкового коллектива, т.е. к превращению диалектов в самостоятельные языки" (7. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. Л., 1956). Согласно В.М. Жирмунскому, основным условием, ведущим к появлению различий в языке, является локальное разобщение. Именно территориальная разобщенность привела к расхождению групп родственных диалектов, как например, славянские, германские и ряд других, которые с течением времени становятся самостоятельными языками.

Диалект ограничен не только территориальными, но и социальными и иными границами. Диалект древнее литературного языка, он служит памятником исторического состояния языка и материалом для реконструкции его.

Если литературный язык представляет собой культурную, нормативную, по преимуществу письменную форму существования языка, то диалект – только в устной форме.

В действительности язык представляет собой определенную совокупность различного рода диалектов, иногда весьма сходных и потому объединяемых в одну диалектную группу (наречие), иногда весьма далю к их и различающихся между собой настолько, что их можно было бы признать разными, хотя и близкородственными языками.

Таким образом, "языком мы называем и отдельный диалект (лит. язык) и совокупность всех диалектов данной народности, основываясь при ее выделении не только на данных языковых, но и на данных историко-этнографических, в частности, - этнонимических (8. О.П.Суник. Тунгусо-маньчжурские языки//Сб. Младописьменные языки Народов СССР. М.-Л.-Изд-во АН СССР. 1959, с.336).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И КОЙНЕ

Литературный язык - основная наддиалектная форма существования языка. По своему культурному и социальному статусу литературный язык противостоит территориальным диалектам, разным типам обиходно- разговорного койне.

Койне (от греческого "койне диалектос" — общий язык) представляет собой смешение нескольких диалектов и говоров, образующего наддиалектную форму языка, которая рассматривается как самостоятельная система. Это "функциональный тип языка, используемого в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков" (9. ЛЭС, с.231).

Если обратиться к истории возникновения термина, то напомним, что койне в лингвистике употреблялся лишь по отношению к общегреческому языку (4-3 вв. до н.э.). В настоящее время койне понимается "как любое средство общения, обеспечивающее постоянную коммуникативную связанность некоего региона" (там же, с. 231).

Таким образом, койне понимается в современной лингвистике шире и занимает промежуточное положение между диалектом и общенациональным литературным языком. Сфера же его существования ограничивается устной речью. Однако койне может служить предпосылкой формирования и письменного языка.

Рассмотренные формы существования и функционирования языков позволяют определить совершенно однозначно статус языка, на котором говорят корейцы СНГ – статус коре мар. Он представляет собой региональное койне. Таким образом, коре сарам могут владеть

двумя языковыми кодами: региональным койне и стандартным литературным языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Radtke I. Drei Aspekte der Dialektdiskussion: Einführende Bemerkungen zum vorliegenden Band/Grundlagen einer dialektorientierte Band. Weinheim; Basel, 1978.
2. Hale K. Endangered languages//Languages V.68.1992.
3. Ломан К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания//ВЯ. 1996, 2. С. 191.
4. Дорэ Л.-Ж. Возрождение или вымирание языка в Канадской Арктике//ВЯ. 1992. №4. С.60.
5. Русская диалектология. М., 1998. С. 5.
6. Баранникова Л.И., Русские народные говоры в советский период. Саратов. 1967.
7. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. 1955.
8. Суник О.П. Тунгусо-маньчжурские языки//Сб. Младописьменные языки народов СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1959. С.336.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мат. 1-ой Казахстанско-корейской международной конференции в Алматы. Сеул, 2001. Вып.2. С. 275–284

ДИАЛЕКТ ЮКЧИН В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

В данном сообщении даются обзор и анализ письменных источников диалекта юкчин (ДЮ) языка корейской диаспоры Казахстана коре мар (КМ).

В качестве источников привлечены тексты, переведенные на корейский язык слушателями учительской семинарии, обучавшихся в Казани в начале 20 века - словари, разговорники и пособия для обучения корейскому языку. Эти источники представляют особую ценность для изучения диалектов, функционирующих за пределами Кореи - в Казахстане и странах СНГ. Составлялись они, главным образом, для общения с корейцами, живущими в Приморском крае Российского Дальнего Востока. Вследствие этого они содержат все особенности речи корейцев, переселившихся в Россию из Северного Хамгена Кореи.

Опишем кратко эти источники.

М.П. Пуцилло. Опыт русско-корейского словаря. С. - Петербург, 1874. Названный словарь был одним из первых двуязычных словарей корейского языка, составленный чиновником при Генерал-губернаторстве Восточной Сибири М.П. Пуцилло. Информантом и помощником был Лян Николай Михайлович. Словарь содержит несколько тысяч слов, написанных корейским шрифтом и кириллицей с переводом на русский язык. Ценность словаря заключается в том, что он отражает диалектную лексику более чем 150-летней давности. Что касается фонетической стороны и грамматических форм, то в нем представлены не всегда дифференцировано диалектные и литературные варианты. Много неточностей в переводе с русского языка на корейский.

Среди первых учебных пособий, словарей и справочников отметим лишь некоторые: **А.В. Старчевский.** "Наши соседи". Справочная книжка. СПб., 1890. (2) Его же. "Русский морской переводчик". СПб., 1892. (3) **А.И. Тайшин.** "Русско-корейский словарь". Хабаровск, 1898. **Н.П. Матвеев.** "Справочная книга г. Владивостока". Владивосток. 1900. **М. Хлыновский.** "Русско-японско-корейский военный

переводчик". Иркутск 1904. **Г.Ф. Яшинский**. "Материалы к составлению корейско - русского и русско- корейского словарей". Владивосток. 1903. (См. Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. М., 2001). В это же время были составлены и изданы учебники и учебные пособия по корейскому языку. **Н.Д. Кузьмин**. "Элементарное пособие к изучению корейского языка с грамматическими правилами и упражнениями". Хабаровск, 1900.

Но наибольший интерес для нас представляют пособия по практическому изучению корейского языка, составленные с помощью слушателей учительской семинарии Казанского университета, приехавшие на учебу из Приморского края. Они являлись потомками первых переселенцев из Кореи на российский Дальний Восток. Пособия были подготовлены Православным миссионерским обществом и изданы в Казани. Они называются "Казанскими материалами". Рассмотрим их подробнее.

1. Первоначальный учебник русского языка для корейцев. 1901. (10)

2. Азбука для корейцев. 1902. (11)

3. Опыт краткого русско-корейского словаря. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1904. (12)

4. Русско-корейские разговоры. Издание Православного Миссионерского общества. Казань, 1904. (13)

5. Слова и выражения к русско-корейским разговорам. 1904. (14). "Азбука для корейцев" явилась одной из самых используемых в училищах для корейцев учебников, по которым обучались русскому языку.

В сборник "Азбука для корейцев" вошли 91 рассказ из книги Л.Н. Толстого "Новая Азбука", переведенные на корейский язык слушателями Казанской учительской семинарии: Хан Никита Петрович, Кан Константин Фомич, Шегай Глеб Павлович. Все они выходцы из Посьетского района Приморской области и происходят из семей, переселившихся из северной части Корейского полуострова. Двое из них Хан и Кан - из поселка Тизинхе, а Шегай - из Сидими. Это поселения, куда мигрировали первые корейские переселенцы из региона Юкчин. Мы уже упоминали, что позже в эти регионы стали переселяться и жители других

районов Северохамгенской провинции. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что двое из составителей - переводчиков рассказов Толстого Хан и Кан - выходцы из семей, переселившихся приблизительно в 1872 году из региона Юкчин (Хан - из Гёнвона, а Кан - из Гёнхына), а Шегай – из сешьи, покинувшей город Кильчу около 1880 г. Отметим, что говоры Генхын и Гёнвон имеют наибольшие сходства. В основу изданных рассказов положено произношение, на котором говорил Кан, т.е. переводные тексты отражали диалект Юкчин. Тексты сказок отражают состояние языка начала 20 века прошлого столетия, функционировавшего в России, т.е. до массовой миграции корейцев на российский Дальний Восток. Этим обстоятельством объясняется исконность черт диалекта юкчин в этих текстах. Хотя происходило смешение с другими диалектами.

Заметим, что один из авторов "Азбуки" Шегай был носителем диалекта Менчхэн и вполне естественно, что он произносил вместо звука *к* звук *ч* в позиции перед *и*. Однако данные случаи были единичными, поскольку на тот период переселенцев Менчхэн было меньшинство. Поэтому в комментариях к "Азбуке" такие случаи были отнесены к неправильностям. Напомним, что в основу произношения данного источника было положено произношение одного из авторов перевода из Гёнхын (ДЮ) Кана Константина Фомича.

Для периода написания "Азбуки" уже встречалось чередование *к/ч*, но они причислялось к неправильностям. Это было начало мутационного процесса. Не было устойчивости в применении звука *к*, и он часто заменяется на *ч*. С течением времени по мере увеличения числа переселенцев из Менчхэн и Кильчу смена звука *к* на *ч* стало нормой, вошла в систему коре мар и стала явлением диффузии. Перечислим примеры из источника: *кина* - *чина* 'мимо', *кидургуэшиэ* - *чидургуэшиэ* 'ждали', *кинйиэ* - *чинйиэ* 'совершили (обряд)'.

Словарь "Опыт краткого русско-корейского словаря" составлен на основании "Новой Азбуки" Л.Н. Толстого. В него вошли слова из сборника "Азбука для корейцев", а также слова, не вошедшие в него, но наиболее употребительные. В

предисловии к словарю отмечается, что он может быть достаточным только при чтении русских книг, написанных наиболее простым языком. Пособие составлено при участии шестерых воспитанников Казанской учительской семинарии: Константина Фомича Кана, Никиты Петровича Хана (оба из Тизинхе), Глеба Павловича Шегай (из Сидими), Василия Васильевича Огая (из Фаташи), Андрея Абрамовича Хана (из Тизинхе), Андрея Константиновича Хана (из Нижнего Янчихе). В основу записи звуков корейского языка положено произношение последнего. Все они жители первых корейских поселений на российском Дальнем Востоке. При печатании словаря и предисловия принимал участие Моисей Павлович Лян (из села Нагорне Янчихенской волости). Он внес несколько слов, относящихся к Сеульскому наречию и аффикс *-ак* в конструкции *шиджак хаги* 'начать ч.-л. делать'.

Другим источником послужили "Русско-корейские разговоры", представляющий собой сборник диалогов на военные темы. Составлены "Разговоры" К.Ф. Каном при участии других воспитанников 3 класса Казанской учительской семинарии. Он происходил из семьи, переселившихся в Россию их города Гёнхын. Звуки корейской речи в этой книжке записаны также Каном на основе его произношения.

Рассмотрим письменные источники, отражающие ДЮ прошлого века, и сравним их с параллельными текстами на современном коре мар. Сравнение их позволит выявить те изменения, которые произошли за период, отделяющий нас от времени написания сказок, т.е. за 100 лет. Данные тексты переработаны мной с ориентацией на нормы современного коре мар.

Приводим оригиналы текстов «Азбуки» на ДЮ, а также параллельные тексты на современном коре мар.

Текст источника. Цуидөр гуа су-кон'я (11, 20–21)

Цуидөркэ сарги т'от'ан'э су-кон'аллә. Нар мадиры турина сөина цаба мөгө. Модашө хан боны цуидери коньд'а хагира шыҗаҗиры хя, өтти кон'агэшө сара нарккагу. Коьнуну ора хяашөду амугөт ту куьниры мот хя нашө.

Хан цви мар хагиры:

"На нөдөры ниргө цума, өтти кон'әгешө сара нарккө. Ури өпшәугинын кыгә өны тта уригэры онынцуру моругиллә өпшаумни. Кон'а могацә паңуру тараса ссыгәссо цөлләнгәрир'әры. Кы ттәнын пән мадань кыгә ури кац'әби исыыр ттә тыккигәшө, ури кы ттә ц'ы хау."

"Кыгә т'ок'әтта," ныргын цуи мар гәшө, "кырәна кон'ә могацәда нуиги паңуру тарасә ссыгәтта. Куньниры цар гә нәтта, кырәна паңуру конә могацәда тарара, кыр'әмун ури нөры ашымтх'ант[агу хама."

Текст на коре мар. Цвидэр - гва су-кхоня

Цвидэри су-кхонялләшә сарги чотхәникхи твәссо. Нар мада цвидэры турина сәина цаба мэгәссо. Хан поныны цвидэри модашә коньдя хагиры шиджагиры хә, этти конягешә сара нарккагу. Коньдя ора хәшәду аму куньниры мот хә нәссо.

Кыра цви ханья мар хагиры: "На нэдэры ниргә цума, этти конягешә сара нарккә. Эттә ури цуньнуньга хани коня ури иннындеры эны ттә онынцуры моругиллә. Коня могадже пауры тараса ссыгәссо цөлләнь гәрирәри.

Кы ттәнын пән мада кыге кацхәби исырттә тырккивашә ури кыгтә цхее нао."

"Кыге чокхәтта," ныргын цви мар хәәшә, "кырәна коня могаджеда нуги пауры тараса ссыгәтта. Куньниры цар хә нәәтта, кырәна пауры коня могаджеда тарара, кырамы ури нэры асымчхәнитхагу хама."

Мыши и кот. Лев Толстой.

Стало мышам плохо жить от кота. Что ни день, то двух, трёх заест. Сошлись раз мыши и стали судить, как бы им от кота спастись. Судили, судили, ничего не могли вздумать. Вот одна мышка и сказала: я вам скажу, как нам от кота спастись. Ведь мы потому и гибнем, что не знаем, когда он к нам идет. Надо коту на шею звонок надеть, чтобы он гремел. Тогда всякий раз, как он будет от нас близко, нам слышно станет и мы уйдем.

Это бы хорошо, сказала старая мышь, да надо кому-нибудь звонок на кота надеть. Вздумала ты хорошо, а вот навяжи - ка звонок коту на шею, тогда мы тебе спасибо скажем.

Мы стремились сохранить по возможности графическое представление букв оригинала. Однако в тех случаях, когда технически сделать это было невозможно, буквы заменялись. Например: вместо согласного со знаком [-] над ним мы писали удвоенные согласные. Собственные имена в тестах заменены корейскими.

Поясним некоторые знаки оригинала. Поскольку русский алфавит не передает всех звуков диалекта, то введены дополнительные знаки. Так, знак /' / после согласной буквы указывает на мягкость согласного звука, знак /' / означает придыхательность глухого согласного. Составители четко различают *ч* и *ц*, что не свойственно Сеульскому стандарту. Причем, для записи звуков в положении между гласными использовались специальные знаки [дж] и [дз]. Буква *г*, заменяющая *к* и *х*, дополнена для обозначения звука, который встречается в положении между гласными или после сонорных (вместо мар хагиры - мар гагиры). Графически разграничиваются звонкие и глухие согласные. Глухой обозначается буквой *к*, а звонкий - буквой *г* с точкой над ней.

Сравнение письменных тестов диалекта юкчин и его переложения на коре мар показывает результаты диахронических изменений ДЮ. Мы опишем те факты мутационных изменений, которые стали элементами койнезированной разновидности корейского языка.

Следует отметить, что переводчики, передавая оригинал, сохраняли в ряде случаев черты, свойственные русскому языку:

1) порядок слов предложении *Хан цви мар хагиры* (Одна мышка сказала ...) отражает закономерности, свойственные русскому языку. В корейском языке возможен только следующий порядок слов: *Цви ханнй мар хагиры*.

2) Глагольное управление. В предложении *Цундөркэ сарги т'от'ан'э сукон'ялла* (Стало мышам плохо жить от кота) дополнение стоит в дательном падеже, в то время как в корейском языке должно быть в именительном.

3) Местоимение ури 'мы' не может оформляться аффиксом направительного падежа в слове *уригеры* в значении 'к нам' (идти). В корейском языке названная форма

может быть выражена сочетанием *ури иннындеры* 'там, где находимся мы'.

В тексте представлены все фонетические, морфологические, лексические особенности ДЮ. Сравнение текстов показывает значительные расхождения на фонетическом и морфологическом уровнях. Назовем их.

1. В оригинале текста ДЮ употреблено сочетание *нар мадиры* 'каждый день', в современном коре мар используется форма *нар/нальмада*.

2. Лексема *сукконя* 'кот' употребляется в коре мар так, как отражено в "Азбуке". Хотя в речи носителей диалекта Юкчин в Казахстане отмечен сохранившийся исторический *х* в слове *сух-коня*. Остается лишь догадываться, что, возможно, авторы перевода произносили *х*, но не отразили в транскрипции. Либо уже произошло выпадение этого звука.

3. Формы конечной предикации представлены аффиксами *-э, -иэ* в глаголах *мэгэ, нэйшэ, хя*. По сути, это деепричастные формы, выполняющие обычно функцию неконечной предикации, однако в диалекте они выполняют функцию конечной предикации. В современном коре мар произошла четкая дифференциация финитных и нефинитных форм. В качестве финитных выступают формы на *-со, -мду, -гио* и др, а нефинитными могут быть только деепричастные формы.

4. В сочетании *конънуну ханда* "обсуждать" произошла в коре мар смена лексем: вместо *конънуну- конъдй (конъдй ханда)*.

5. В тексте " Азбуки " отражен неологизм *кунъниры ханда* "думать", который вошел в коре мар и сегодня активно употребляется в речи.

6. Лексема *ашимтхэнитха* " благодарить " является также элементом коре мар, вошедшим через диалект, поскольку он не известен стандартному языку. Однако под влиянием ДМ слово изменило свое звучание произносится [*асымчхэнитха*].

7. Местоимение *кыге* 'он' употребляется в ДЮ и коре мар по отношению к одушевленным и неодушевленным существительным. В стандарте используется только по отношению к неодушевленным существительным.

8. В источнике образована каузативная форма от глагола тыллында

"слушать" *тыкки хэшэ*. Тенденция к выпадению *р* прослеживается в рассматриваемом примере, где вместо *тырки* ДЮ употребляется *тыкки*. Отметим, что здесь должна быть употреблена не каузативная, а пассивная *тырккивашэ*. В коре мар употребительны обе формы: *тыкки ханда* (каузатив), *тыккивашэ* (пассив).

9. Сравнение двух текстов показывает ярко смену элемента *т* - типичной черты ДЮ на *ч* - свойства ДМ : *тётха* - *чотха* 'хорошо', *конъдэ* - *конъджа* 'обсуждение, совет'.

10. Конечнослоговой сонорный *нь* представлен в источнике особым знаком *ң* (*паңуру* 'колокольчик'). В реальности ослабленный сонорный передает свою назальность предшествующему гласному, и он едва уловим. Его можно с трудом услышать у некоторых носители ДЮ, и он имеет тенденцию к исчезновению в коре мар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пуцилло М. Опыт русско-корейского словаря. С. - Петербург, 1874.

2. Старчевский А.В. Наши соседи. Справочная книжка. СПб., 1890.

3. Его же . Русский морской переводчик. СПб., 1892.

4. Тайшин А.И. Русско-корейский словарь. Хабаровск, 1898.

5. Матвеев Н.П. Справочная книга г. Владивостока. Владивосток. 1900.

6. Хлыновский М. Русско - японско-корейский военный переводчик. Иркутск, 1904.

7. Ящинский Г.Ф. Материалы к составлению корейско - русского и русско корейского словарей. Владивосток. 1903.

8. Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. М., 2001.

9. Кузьмин Н. Элементарное пособие к изучению корейского языка с грамматическими правилами и фразами для упражнений. Хабаровск, 1900.

10. Первоначальный учебник русского языка для корейцев. 1901.

11. Азбука для корейцев. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1902.

12. Опыт краткого русско-корейского словаря. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1904.

13. Русско-корейские разговоры. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1904.

14. Слова и выражения к русско-корейским разговорам. Казань, 1904.

15. Лев Толстой. Полное собрание сочинений. Серия первая. М., 1957.

*Материалы международной конференции,
посвященной 90-летию со дня рожд. проф. А.К. Канатина. -
Алматы, 2004. С. 121–127.*

육진(六鎭)방언의 특징*

1. 카자흐스탄에 있어서의 언어 상황

1) 고레 사람에 대한 연구사

구소련에 살고 있는 고레 사람에 대해서는 지금까지 외국인들에게 거의 알려져 있지 않았다. 고레 사람에 관한 최초의 논문은 1974 년에 한국어로 강주진에 의해서 발표되었고, 1984 년에는 고송무 교수의 논문이 나왔다. 나중에 이 책은 한국어와 영어로 번역되었다. 그 이전에도 여러 언어로 고레 사람에 대한 개개의 논문이 나온 것이 있었다.

그러나 페레스트로이카와 더불어 국경이 개방되면서 고레 사람과 고레 말에 대한 관심이 커졌다. 그 후 구소련과 외국에서도 많은 논저가 나왔다. 소련에서 러시아어로 출판된 가장 유명한 논저만을 본다면 게오르기 강이 1995 년에 쓴 '카자흐스탄의 고레 사람에 대하여', 보리스 박이 1993 년에 쓴 '제정 러시아에 있어서의 고레 사람' 등이 있다. 이러한 논문들은 이주 자체, 이주의 자유 그리고 새로운 곳에서의 고레 사람의 적응을 쓴 글이다.

2) 고레 사람과 고레 말이란 술어에 대하여

고레 사람과 고레 말에 대해서 간단히 말하겠다. 고레 사람과 고레 말에 대한 술어는 러시아에서 출판된 문법에 관한 논저에서 이미 1920·30 년대에 사용되었다.

'고레'란 단어는 'КОРЕЙСКИЙ (Korean)'이란 러시아어로부터의 번역이다. 즉 고레 사람과 고레 말은 러시아어를 통해서 정착된 것이다. 고려란 술어는 한국 역사의 어느 한 시기를 나타내는 것이므로 소련에서 고려라고 말하는 것은 옳지 않다고 할 수 있다.

3) 카자흐스탄의 고레 사람에 대하여

고레 사람은 구소련의 모든 지역에 살고 있다. 고레 사람은 약 45 만 명에 달한다. 그들은 우즈베키스탄에 약 20 만 명이 살고 있으며 그 다음은 카자흐스탄에 11 만 7 천만이 산다.

* 이 글은 비교문화연구소 29 화(1997 년) 집담회 발표자료임.

그리고 그 외 지역인 러시아, 카프카스, 우크라이나 등에 살고 있다.

카자흐스탄에서의 고레 사람에 관한 문제는 이미 독립된 국가인 다른 지역에서의 상황과 대체로 비슷하다. 그렇지만 카자흐스탄에는 하나의 특수성이 있다. 카자흐스탄에는 약 120 여 민족이 살고 있다. 그 중에서 카자흐인이 40%로 가장 많고 러시아인이 40%, 기타 민족 20%이다. 인구수를 보면 카자흐스탄의 고레 사람이 러시아인, 우크라이나인, 독일인 다음으로 많다. 그러나 최근 이러한 관계는 변화하고 있다.

4) 고레 사람은 어떤 말을 사용하는가?

고레 사람이 사용하는 언어는 코이네이다. 즉 방언들이 혼합된 결과로 생긴 언어이다. 고레 사람들은 이 언어를 고레 말이라고 부른다. 고레 말은 기본적으로 함경도의 두 개의 방언, 즉 명천·길주 방언과 육진 방언이 혼용된 것이다.

우리 말의 문법 체계에 대해서는 고영근 교수님이 나무 그림으로 표시하였다. 그 그림에 따르면 고레 말의 기본은 문화변종과 방언변종으로 구성되었다.1)

두 가지 방언 중에서 육진 방언은 방언학 자체의 연구뿐만 아니라 한국어의 역사, 어원학에서도 일정한 의미가 있다. 왜냐하면 이 방언은 다른 방언과 구별되는 음성적, 문법적, 어휘적 특성을 가지고 있기 때문이다. 고레 사람들은 이미 오래전부터 한반도에서 러시아 땅으로 이주할 때(1861-1863년)부터 다른 역사적 상황이나 언어적 상황 하에서 살고 있었다. 그리고 또 육진 지역에서도 지리적으로 중심지와 멀리 떨어져 있는 곳일수록 중세 언어의 특성이 강하게 유지되었다. 잘 알다시피 이 곳은 15세기 조선 시대에 육진을 개척하기 위해서 남쪽에 살고 있던 주민들을 이주시켰던 지역이다. 이 지역의 언어가 지금 한국어의 모든 방언 중에서 일곱 번째 독립된 방언으로 인정된다.

고레 말 습득 정도

고레 말을 습득한 사람 즉 고레 말을 이해하고 말하는 사람은 나이가 많은 노령 세대로 60세 이상이다. 40세 이상인 사람은 다음과 같이 구분할 수 있다.

농촌에 살고 있는 사람은 고레 말을 이해하고 조금은 말한다. 젊은 세대는 부모가 이미 언어를 모른다면 대개 말하지도 못한다. 그러나 집에 고레 말을 서투르게 하는 할머니가 있다면 젊은이들은 조금은 이해한다.

이중언어 병용, 러시아어와 고레 말 병용, 그외 다른 언어들

러시아어와 고레 말도 잘 습득한 사람은 얼마 되지 않는다. 일반적으로 고레 사람은 러시아어를 잘한다. 또 카자흐 말을 잘하는 사람도 있다. 이것은 카자흐스탄의 사회적 환경에 기인한다. 그러나 이것은 다민족사 회에서 나타나는 전형적인 현상이다.

예를 들면 고레 사람 환경에 어떤 민족이 산다면 그들은 고레 말을 잘한다. 서울에서 있었던 해외 동포 다큐멘터리 영화제에서 손 감독의 영화가 상영되었는데 거기에서는 고레 말을 터키인, 러시아인, 우즈베크인이 말하고 있으며 게다가 젊은 사람은 고레 사람보다 더 잘한다.

이 문제는 카자흐스탄 전 지역에 대한 조사가 필요하다. 그리고 이 문제는 민속언어학, 사회언어학을 통해 해결할 수 있다. 그런 연구를 진행하고 있지만 아직 체계화되지 않았다. 특히 카자흐스탄 국립대학 대학원생인 손은 고레 말과 러시아어의 이중언어 생활에 관한 학위 논문을 쓰고 있다. 이 논문을 구성하는 양케이트는 고레 말 발전의 기본적인 경향, 고레 말과 다른 언어와의 상호 영향을 밝히는 것을 도와줄 것이다.

2. 육진 방언의 특징

1) 음성·음운론적 특징

(1) 한 명사 내에서 두 자음이 결합될 때 육진 방언은 [ㄹ ㄱ], 표준어에서는 [ㄹ]이다.

갈기	- 가루
놀가지	- 노루
잘기	- 자루
실기	- 시루

그러나 동사는 피동형에서 육진 방언은 [ㄹ ㄱ]인데, 표준어는 [ㄹㄹ]이다. 대응 관계는 다음과 같다.

놀기운다	- 놀린다
------	-------

들군다	- 돌린다
걸긴다	- 걸린다
(싸움) 말긴다	- 말린다

(2) 육진 방언에서는 ㅂ 불규칙 활용의 경우, 두 모음 사이에서 규칙 활용한다.

서분하다	- 서운하다
불부다	- 부럽다
더버서	- 더워서
치마서	- 추워서

(3) 육진 방언에서는 비음[h]이 [i] 모음을 선행할 때 탈락한다. 그러나 어떤 경우에는 [h]이 탈락하지 않는다. 비음 [h]이 단어 경계에 그대로 보존되어 있다.

따이	- 땅집이
코이	- 콩갈기
자이	- 장물이
바다이	- 바당물이
사이	- 상보이, 상발이

(4) 육진 방언에서는 [š]라는 발음을 많이 한다.

세사 [šeša]	<세상>
순대 [šundä]	
서울이 [šeuri]	

(5) 중세 국어의 /스, 즈, 츠/가 표준어에서는 /시, 지, 치/로 발음되나, 육진 방언에서는 그대로 유지되었다.

[sidžip]	<시집>
[sinibi]	<시누이>

그런데 어떤 경우에는 [스]가 [š]로 발음된다.

[šihnæ]	<승냥이>
[šidžægiri handa]	<시작한다>

(6) 육진 방언에서는 [u, o] 모음의 Umlaut 과정이 진행되지 않았지만, [a, ɔ] 모음의 경우에는 [ɛ, e]로 진행되었다.

고기	
죽이다	
애기	<아기>
애비	<아비>
에미	<어미>

2) 문법적인 특징

(1) 형태적인 특징

육진 방언과 표준어 격조사의 차이는 다음과 같다. 이 문제에 대해서는 R. King 과 연재훈이 발표한 논문 '중앙아시아 한인들의 언어 - 고레 말'에서 분석되었다. 그러나 여기에서는 위 논문에서 언급되지 않은 것을 발표하려 한다. 고레 말은 주격에 '가' 와 '께서'가 존재하지 않는다.

날씨 좋다. <날씨가 좋다.>
 선생님이 떠났다. 선생님께서 미국으로
 떠났다.>

대격의 경우에는 '르/으'가 표준어의 '를/을'에 대응된다.
 우리 조카 길으 <우리 조카가 길을
 잃었다.> 잃었다.>

아바니 <아버지께서
 큰아바니께 돈으 할아버지께 돈을 드렸다.>
 디렸다.

육진 방언의 몇몇 특수 조사와 어미는 표준어와 다른 형태적 특징을 보인다.

내마 더 크다. <나보다 더 크다.>
 늦두라 <늦도록>

(2) 대명사

단수		복수	
육진 방언	표준어	육진 방언	표준어
I 나/내	나/내	우리(덜)	우리(들)
	-	-	저희(들)
	저/제		
II 너/네	너/네	덜	너희(들)
저/제	자네	저덜	자네들
당신	당신	당신	당신들
	-	-	댁들
III 가/자	아이	가/	아이
	/애	자덜	들

D-사름이	D-사람	D-사름덜이	D-사람들
D-냥반이	D-냥반덜이	분들	
분			

3) 어휘 · 의미적인 특징

육진 방언은 부분적으로 어휘 · 의미적인 특징을 가지고 있다. 예를 보이기로 하겠다.

어휘적인 특징

새아가	<소녀>
선순아	<소년>
닭아리	<계란>
우티	<옷>
자그배	<혼혈아>
해개먹음	<일식>
애기서리	<임신>
동삼이	<겨울>
헐하다	<쉽다>
떡이	<빵>
도수가	<체온계>
당판이, 장판이	<바닥>
한닐	<일평생>
혼세	<결혼>
도독배리	<맹장>
서방재	<신랑>
새애기	<신부, 처녀>
부술기(불+수레)	<기차>

의미적인 특징

떠든다	<싸움한다>
가끔	<지금>
고집하다	<겸손하다>
바뿌다	<힘들다>
머리	<골>
고리	<머리>

까지	<까지(to)>
꺼지	<까지도(too)>
가깝다	<가깝다(관계)>
가깝다	<가깝다(거리)>
켄다	<켄다(성냥)>
썬다	<썬다(전기)>

Honorific

안질	눈이
새일날이	생진날이
해로바한다	않는다
시다하다	배고프다
낭매하다	자빠진다

단어의 구성

덧사리	<남에게 붙어서 사는 사람>
만티재물이	<빵용 증조>
서탑재물이	<가루비누>
장난꾸레기	<장난꾸러기>
건달척이	<공짜로, 무료로>
개똥불이	<반딧불>
절두배기	<절름발이>
술낭기	<소나무>
헝거치	<헝겂>
팔매원	<판매원>

단어 결합

사람 골랐다	<사람(을) 뽑았다>
자리르 차질했다	<자리를 잡았다>
정신 춘다	<정신을 차린다>
사 가춘다	<상
차린다>	

REFERENCES

* 이 글은 비교문화연구소 29 화(1997 년) 집담회 발표자료임.

1. 고영근,1993, '우리 말의 총체 서술과 문법 체계', 서울, 1993, p. 203

'비교문화연구' 제 11 집 2 호(2005)

'비교문화연구' 제 11 집 2 호/2005 년

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДИАЛЕКТОВ КОРЕ МАР¹

Фонетические различия диалектов корейского языка, в том числе диалектов Менчхэн (ДМ) и Юкчин (ДЮ), более значительны, чем различия морфологические и лексические. Именно эти различия создают звуковое своеобразие того или иного диалекта. Однако расхождения в звуковом оформлении слова в названных диалектах в основном не препятствуют общению.

При описании звукового строя коре мар (КМ) мы сопоставляем его диалектные формы с литературным стандартом корейского языка, что позволяет эксплицитно представить фонетические изменения, произошедшие в звуковом строе в результате конвергентного развития языка полуострова и его диалектных вариантов в условиях миграции. При этом принимаем во внимание то, что в одном звуке литературного языка могут совпадать в результате конвергентного развития исторически различные звуки, дифференцирующиеся в диалектах коре мар.

Система гласных фонем литературного языка достаточно полно

описана в ряде работ как зарубежных, так и советских лингвистов [2]. Что же касается языка корейской диаспоры в странах СНГ, то некоторые его особенности изучались О.М. Ким [3]. Специальному исследованию гласные в диалектах коре мар не подвергались.

В корейском языке на протяжении небольшого отрезка времени

произошли и происходят не только качественные, но и количественные изменения гласных звуков. Рассмотрим их.

Количественные изменения в диалектах коре мар

Система гласных фонем (монофтонги) диалекта Юкчин выглядит следующим образом:

и	ы	у
е	э	о
ä		а

В диалекте Юкчин помимо названных имеются носовые гласные а, о, у, е в конце слова, а также перед гласными как следствие падения конечнослогового носового /нь/. Они отмечены у лиц старшего поколения.

В диалекте Менчхэн, также у представителей старшего поколения,

отмечены еще /ё/ и /и/.

Таким образом, в Юкчин насчитывается 8 гласных фонем, а в Менчхэн – 10 фонем.

и	ы	у
		ÿ
е	э	о
		ё
ä		а

(см. 4. Тянь Л.А.). Наличие исконных монофтонгов /ÿ/ и /ё/ является специфической особенностью диалектов Менчхэн, отличающие его от диалекта Юкчин. Однако данный вопрос требует дальнейшего

экспериментального и статистического исследования.

Представленные системы гласных основаны на интегральных и дифференциальных признаках, характеризующиеся по открытости-закрытости, подъему и ряду.

Наряду с гласными в диалектах, как и в литературном стандарте (в дальнейшем ЛС), корейского языка, выделяются дифтонги и дифтонгоиды.

К дифтонгоидам относятся:

1) ряд, состоящий из краткого /й/ и гласных, т.е. йотированных гласных:

йа, йо, йе, йэ, йу, йä

2) ряд, состоящий из краткого /у/, напоминающий английский w, и гласных: ва, ве, ви, вä

К дифтонгам относят /ый/. В происхождении данного дифтонга, функций его в современном корейском языке нет единства мнений и в данной работе мы не рассматриваем различные точки зрения по данному вопросу. Отметим лишь, что дифтонг /ый/ в диалекте Юкчин произносится в начале слова /ы/, а в конце слова - /е/. Относительно дифтонга /ый/ необходимы также экспериментальные исследования.

Следует отметить, что число гласных у носителей Сеульского диалекта колеблется от 7 до 10: у старшего поколения от 60 лет и старше отмечено 10 гласных звуков (и, ы, у, ү, е, э, о, ё, ä, а); от 40 до 60 лет

- 8 звуков, а у поколения младше 30 лет – 7. Последние не дифференцируют звуки ä и е (5, см. Квак Чхун Гу).

Для характеристики гласных фонем диалекта Юкчин приведем их соответствия с ЛС. Различия могут быть объяснены не только специфическими чертами, свойственными каждому диалекту, но и

произошедшими изменениями фонетического строя в процессе исторического развития языка.

Качественные изменения гласных в диалектах Юкчин и Менчхэн.

Назовем некоторые исторические изменения в составе гласных фонем.

1. Исчезновение краткого /a/ - один из достаточно хорошо изученных процессов, повлекших за собой разнообразие звучания в различных диалектах: либо он развился в /a/, либо становится гласным заднего ряда /ы/ или /э/.

В диалекте Юкчин краткий /a/ во втором слоге дал /ы/ или /э/, в Сеульском диалекте только /a/. В силу этого в ДЮ различаются два /ы/: один – исконно /ы/, другой, произошел исторически из краткого /a/.

<u>ДЮ</u>	<u>ДМ</u>	<u>ЛС</u>	<u>значение</u>
ы	ы	а	
сарым	сарым	сарам	человек
парым	парым	парам	ветер

Иногда краткий /a/ дает в коре мар /ы/, а в ЛС /э/
 тасыши тасыши/тасыси тасэт пять

В следующих примерах краткий /a/ дал в ДЮ и ЛС /ы/, а в ДМ /у/

ханури	ханури	ханыль	небо
менури	менури	мйэныль	невестка

В ДМ есть оба варианта /у/ и /ы/, в ДЮ /ы/, а в ЛС - /у/.

пиныри	пинури	пину	мыло
сымыри	сымыри	сымуль	двадцать

В последнем примере в слове двадцать в ДЮ и ДМ сохранился краткий /a/, отмеченный в памятниках 15 века.

2. Исторический /й^/ дал ЛС /йэ/ , в северных и южных диалектах /йа/,

в КМ /a/.

чэнаги	чэнаги	чэньэк	вечер
сэбаги	сэбаги	сэбйэк	рассвет
караптта	караптта	карийэптта	зудит

3. Процесс редукции

Конечный /у/, в том числе и в морфемах –гу, -ду в КМ в 15 веке был /о/, давший в 18 веке и в Сеульском диалекте в результате редукции /у/.

самцхуни	самцхуни	самцхон	дядя
на-ду	на-ду	на-до	я тоже
ха-гу	ха-гу	ха-го	сделав

В современном литературном языке в устной речи наблюдается

тенденция употребления -гу, -ду.

Для диалектов КМ характерна редукция дифтонга /ый/ в анлаутной позиции, который под ударением переходит в /и/, а в ауслаутной позиции – в /е/.

Частным случаем редукции является падение гласных в форме апокопы и элизии.

Явление апокопы – падение гласных в ауслаутной позиции.

Мури маным тйотха – Если воды много, хорошо.

Тырэ га! – Заходи!

В первом примере с слове манымы отпал звук –ы, а во втором примере в тырэ отпал –э.

В ДЮ гласный /у/ характеризуется как гласный верхнего подъема, заднего ряда. В отличие от стандарта и других диалектов, в ДЮ при произнесении /у/ язык поднят не к средней части неба, а к задней.

Гласный /у/ произносится почти как /ы/ носителями ДЮ старшего поколения (теми, кому за 70 лет), однако в современном Юкчин он стал более передним.

Явление элизии наблюдается в ДЮ на стыке двух слов. В результате взаимодействия последнего гласного первого слова и первого гласного второго слова происходит стяжение

звуков. Иногда это приводит к образованию качественно нового звука.

Например: кадйянитха (кади-ани-йетта) – не ушел.

В результате стяжения звуков /и/ и /а/ образовался качественно новый звук /йя/.

4. Гармония гласных наблюдается в ДЮ, как и в ЛС, при образовании форм прошедшего времени.

Пханда – пхаратта (продавать – продал), нэмнында – нэмэтта (перелиться через край, преодолеть к.-л. препятствие)

Сочетаемость гласных основы с аффиксом или с гласным основы второго компонента в ДЮ не ограничивается по признаку ряда, как это имеет место в ЛС.

<u>ДЮ</u>	<u>ДМ</u>	<u>ЛС</u>	<u>значение</u>
Пхарвэрттари	пхарвэрттари	пхарвэрттари	август
Швеге	согйэнь		слепой
Йешвин	йесун	йесун	60
Кокшэги	коксэги	кокшик	зерновые

5. Умляутизация - процесс смягчения, предшествующего гласного под влиянием последующего /й/ или /и/. Из двух диалектов КМ Менчхэн

подвержен умляутизации в большей степени, чем Юкчин. Рассмотрим примеры.

<u>ДЮ</u>	<u>ДМ</u>	<u>значение</u>
Корыми	корими	гной
Сон-гыми	сон-гимми	линии на ладони
Цугинда	чигинда	убивать
Ццоккинда	ччеккинда	быть гонимым

Отметим случаи, когда умляутизация является сопутствующим средством образования каузативной формы глагола. При этом умляутизация одна из отличительных особенностей КМ.

<u>ДЮ</u>	<u>ДМ</u>	<u>ЛС</u>
<u>значение</u>		
Мэньнында- кормить	мегинда	мегинда мэгида
Цамнында-цапхинда пойманным	цапхинда	цапхида

6. Стяжение гласных наблюдается в обоих диалектах КМ. Выявлено, что данный процесс коснулся КМ в двух позициях:

1) в корне слова, где произошло стяжение /йэ/ в /е/. В 15в. в корейском языке было /йэ/, преобразовавшееся в 19 в. в /е/ в ряде диалектов, в том числе и в ДЮ, и ДМ (йэ – йе – е). Однако данный процесс не коснулся ЛС.

<u>ДЮ</u>	<u>ДМ</u>	<u>ЛС</u>	<u>значение</u>
Менури	менури	мйэнури	невестка
Мецхыри	мецхыри	мйэцхыль	сколько дней;

2) в конце слова у существительных при сочетании гласного основы слова и аффикса именительного падежа.

Камä	камä	кама	котел
Чарä	чарä	чара	черепаша

В данных примерах наблюдается своеобразная элизия, взаимодействие конечного /а/ с аффиксом /и/.

1. Явление эпентезы наблюдается во всех диалектах корейского языка

и в этом смысле диалекты КМ не являются исключением. Преимущественно добавочные гласные вставляются при стечении двух и более согласных в заимствованных словах.

Примеры: пиджиккä – спички, кэрымани – карман.

Фонетические явления, свойственные диалектам языка корейской диаспоры в Казахстане, не ограничиваются обнаруженными и

описанными нами в данном сообщении. Есть еще немало отличительных черт в сфере звукового строя коре мар, которые требуют тщательного диахронического анализа и интерпретации.

ВЫВОДЫ

1. The purpose in this article has been to show the Vowelsystem of the language of Korean diaspora in CIS.

2. The YD consists of 8 Vowels, the MD – 10 Vowels. The Vowelsystem YD is as follows.

и	ы	у		
		е	э	о
		ä		а

The Vowelsystem of MD is as follows.

и	ы	у		
			ï	
	е	э	о	
			ё	
	ä		а	

3. Qualitative changing of KM Vowels in historical development process and reflecting of phonetic processes on Vowelsystem in YD and MD is considered.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коре мар – язык корейской диаспоры бывшего СССР.
2. Зиндер Л.Р. Гласные корейского языка//Советское языкознание. М., 1953. С. 3.
3. Мартин С. Справочник по грамматике корейского языка. 1991. (на англ.яз.)
4. Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. М., 1951, с. 39-52.
5. Ким О.М. Особенности русской речи корейцев Узб.ССР (фонетико-морфологический очерк). АКД, Ташкент, 1964.
6. Тянь Л.А. К спектрографическому анализу гласных в диалекте Юкчин коре мар//Материалы 1-й научно-методической конференции, посвященной памяти М.М.Копыленко «Мир языка». Алматы, 1999. С.146-149.
7. Квак Чхун Гу. Фонология диалекта Юкчин провинции Северный Хамген. Сеул, 1991 (на кор.яз.).

*Вестник ун-та Ахмета Яссауи. №5(41). Туркестан,
2003. С. 28-33.*

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДИАЛЕКТА ЮКЧИН

Состав согласных в диалекте Юкчин (ДЮ) может быть представлен в следующем виде: п, т, к, пх, тх, кх, пп, тт, кк, ч, чх, чч, с, сс, м, н, нь, л, х, = 19 фонем. Особые фонемы – в, й (вслед за 1, Квак Чхун гу; Ли Ги Гап, Ким Чу Вон, Тё Дон Чу, 2000).

По способу образования согласные делятся на шумные и сонорные. Шумные в свою очередь делятся на глухие слабые – звонкие (п/б, т/д, к/г), придыхательные (пх, тх, кх) и сильные (пп, тт, кк).

Смычно-щелевые делятся на глухие слабые (ц/ч), придыхательные (цх/чх) и сильные (щц/чч).

Щелевые делятся на глухие – звонкие (с/з), шумную (ш), сильные (сс/щ) и фарингальный (х).

Сонорные делятся на смычные м, н, нь и щелевые р/л.

Согласные п, т, к

Шумные смычные п/б, т/д, к/г образуют пары по признаку глухость – звонкость. При этом звонкие б, д, г в корейском языке представляют собой не самостоятельные, а варианты фонем п, т, к.

Согласный п

В начале и конце слога произносится глухий вариант коррелятивной пары п, а в положении между гласными и после л/р - звонкий вариант б.

Например: /kal'bi, tabi /.

Юкчин, как и современный литературный стандарт (СЛС), п/б реализует фонему м в позиции перед н. Напр. /камне /.

Переход р в т наблюдается и в старописьменном монгольском, бурятском и тюркских языках (2, см. Н. Поппе. Дагурское наречие. 1930. С.134).

Отличительные особенности. Чередование п/в

1. В ЛС (литературный стандарт) известны чередования *n/v* у ряда глаголов при образовании производных форм, когда конечный согласный основы *n* в положении между гласными дает *v*. Примеры: /тэвэсэ, нувэсэ эдывэсэ, каккавэсэ /. При этом в ЛС в двусложных словах возможно *-асэ /-эсэ* , а в трехсложных - только *-эсэ*. В диалекте же в обоих типах слов допускается и *-асэ* , и *-эсэ*.

В диалекте согласный *n* основы в названной позиции сохраняется.

Примеры. / тэбэсэ, нубэсэ, эдыбасэ, каккабасэ /.

Вопрос чередования *b/v* в положении между гласными в ЛС пока нельзя считать окончательно выясненным. Согласно реконструированной праалтайской системе консонантизма, *v* этимологически восходит к другому ряду смычных. Исконным для *v* согласно названной системе служит **v*² (3, см. С.Старостин. 1991. С.21), а исконным для *n* диалектного в позиции между гласными при таком рассмотрении является, по всей видимости, **v*¹ .

Отметим, что во многих монгольских наречиях *b* в положении между гласными дает также регулярно *v*. (4, см. Н.Поппе. Аларский говор. 1931. С.14). Возможно, однозначное решение данного вопроса следует искать на пути этимологического анализа возведением к праалтайскому состоянию.

Согласный т

Данный консонант не ограничен в своем употреблении позицией. Он встречается в начале, середине и конце слога. Озвончение наблюдается в позиции между гласными и после *л/р*. Примеры: *тарда, сорда, нади, моду*.

Отличительные особенности:

1. В позиции перед гласным *и* и йотированными в ДЮ и других северных диалекта *т, тт, тх* не подвергались палатализации, в отличие от ЛС и большинства диалектов. Палатализация *т* перед ц гласным дающая *ч, тт, чч, тх-чх*

началась на юго-западе и юго-востоке Кореи и продолжалась да 17 века, в Сеуле она произошла только на рубеже 17-18 вв.

Примеры:

ДЮ	ЛС
типхи	чипхи
тётха	чотха
тюе	чунье
кадаенитха / кади антха	качи антха

В диалекте в ряде слов релевантно противопоставление *т-ч*

а) тяньсе <i>торговля</i>	чаньса
чаньсе <i>погребение</i>	чаньса
б) тиунда <i>стирать (резинкой)</i>	чиунда
чиунда <i>взваливать груз</i>	чиунда

Примеры на *тх/чх*

катхи-качхи ‘вместе’, тхинда-чхинда ‘бить’, тхемени-чхемени ‘сознание’, ‘понимание’, тхйэнсимса-чхэнсимса ‘невнимательно’, нйэмтхе-нйэмчхе ‘совесть’.

2. В диалекте и в ЛС известны чередования конечнослогового *д* и *р*

кэдта ‘идти’ но *кэрэра* ‘иди, шагай’, *мудта-мурэра* ‘спрашивай’, *тыдта-тырэра* ‘слушай’, *тадта-тарара* ‘беги’. Как видим, чередование имеет место при появлении *д* в интервокальной позиции. При этом особенностью диалекте является то, что *д* чередуется с *р* и перед *н*.

диалект	ЛС		
тыд	тыллында	тыннында	<i>слушать</i>

муд	муллында	муннында <i>спрашивать</i>
кэд	кэллында	кэннында <i>идти</i>
тад	таллында	<i>бежать</i>

Приведем примеры омонимичных форм, которые не дают р в тех же позициях.

ттыдта	ттыннында	ттыннында <i>рвать</i>
тадта	таннында	таннында <i>закрывать</i>

Реконструируемой в проалтайском *т имел в протокорейском спирант *ɬ, наряду с т. (З, С.Старостин. С.16). В приведенных примерах различия можно объяснить тем, что согласно реконструкции, исконным для ряда тыллында служит, вероятно, спирант *ɬ. (4, См.также Г.Рамстедт. 1928. С.73)

Согласный к

В диалекте, так же, как и в ЛС, конечный к дает перед сонорными нь.

Каккнында (канънында), ток-рип (тонъ-нип)

Отличительные особенности

1. Диалектный к перед гласным и и йот дает ч в некоторых диалектах, в частности в регионах Менчон Северо-Хамгенской провинции

кирыми	чирыми
киргунда	чиринда
кинаенда	чинаенда

Релевантность к/ч в диалекте Юкчин.

кидургунда – ждать - чидургунда – придавить грузом

ккйэньчхи - пейзаж сэньчхи – политика

2. Лексемы с сочетанием согласных с г и их соответствия в ЛС.

карги, тсарги	кару, чару
нанъги	наму
норгачи, пэргэчи, сирги	нору, пэрэчхи, сиру

Примеры в диалекте отражают реконструированный в древнекорейском спирант *у . Спирант в конце слова в процессе развития дал гласный в СЛС. Диалект же сохранил древнюю форму (5, Г. Рамстедт. С.72-73).

Согласные ц/ч

Смычно-щелевые и щелевые шумные, кроме фарингального х, в диалекте Юкчин коррелируют по признаку «твердость-мягкость». Исторически *ц/чх* восходят к твердым *ч* и *чх*, а *ч/чх* – к мягким *ч* и *чх* (там же Г.Рамстедт). Сильные смычно-щелевые с фонологической точки зрения представляют собой сочетания, удвоения фонем *цц*, *чч*, с акустической – долгие *ц*, *ч*.

Согласный с/ш

Консонант *ч* претерпел в процессе эволюции различные модификации. Он встречается в анлауте и инлауте. В СЛС он произносится как *с*, и лишь перед йотированными и гласным *и* дает *ш*.

Отличительные особенности

1. В диалекте же во многих случаях ему соответствует *ш* как в анлаутной, так и в инлаутной позициях. В анлауте: *шабаги*, *шугэни*, *шэги* ‘секретарь’ ; в инлаутне: *андзашэ*, *сашэранда*.

Следует особо отметить, что согласный *ш* произносится очень мягко, мягче, чем русский *ш*, он произносится мягко как перед твердыми, так и перед мягкими гласными. Уточним, что щелевой глухой согласный *с* и щелевой шумный *ш* находятся в ряде случаев в оппозиции:

ттэги сэнда ‘хлеб не пропекся’, *ари шэнда* ‘беременная’, т.е. *с* и *ш* в данных примерах разные фонемы.

В Юкчин отмечается также другой древний щелинный *щ*, который следует квалифицировать как сочетания фонем *сс*.

Например: *шэнда* - *стоит*, *щэнда* – *зажигает свет*, *шимада* – *внимательно*, *щимада* – *зловредный*, *щаньсори* – *вульгаризм*, *щигаши* – *семена для посева*. Возможно, в древнекорейском языке существовала оппозиция пар щелиных по твердости – мягкости по *с-ш*, *сс-щ*.

2. Сохранение архаичного *с* ‘Δ’ в диалекте и *нуль* в СЛС.

В диалекте древний ‘Δ’ дал *с*, а в СЛС утратил вообще свойства консонанта и употребляется как немое «о». Некоторые примеры: куши *корыто*, касири *осень*, касеа *ножницы*. Важно отметить, что наблюдается регулярное соответствие: наличие *с* в диалекте и *отсутствие* его в ЛС.

3. Известно, что знак *с* с широко применялся в письменных памятниках 15 века в качестве вставки для раздельного чтения слов. В СЛ *с* исчез как аффикс генитива, но в сложных словах сохранился и служит для усиления последующего согласного.

Однако в некоторых словах КМ (Коре мар) *с* как соединительная согласная сохранилась: *хо-с-еми*, *хо-с-аеби*.

Согласный х

Отличительные особенности

В Юкчин из *х* перед *и* развился палатализованный *х*, который чередуется с палатализованным *с*. В отмеченной позиции встречаются параллельные формы.

Например: *хйэньними* – *шэньними*, *хйэвае* – *шэвае*, *химишими*, *хйунъгухада* - *шунъгухада* (опосредованно узнавать, расспрашивать), *хйэ-ще* (язык). Однако согласный *х* сохранился в Гёнгкидо и Пхёнгандо, в других диалектах дал *ш*, в том числе и в Юкчин. Типологически сходное явление отмечено в монгольских языках.

Согласный н

Переднеязычный смычной сонант наблюдается во всех позициях.

Отличительные особенности

1. В начальной позиции перед гласным *и* и *йотированными н* сохранился, так же как и в Пекинском стандарте, в то время как в Сеульском стандарте *н* отсутствует. Примеры: *нирында* – 1) *извещать*, – *отмывать камни мытьем из риса*, *ниппар*, *ниэдза*. Подобное явление отмечено в памятниках среднекорейского языка. Однако в ряде случаев действует закон аналогии. В некоторых источниках КМ до 1930 года, т.е. до утверждения унифицированной грамматики О Чан Хвана, встречается написание слов без начального *н*. Дело в том, что носители КМ были переселенцами различных регионов не только Хамгена. Среди них были выходцы из других регионов, в том числе из Пхеньяна и Сеула. Кроме того, среди переселившихся были лица, получившие образование в Сеуле, в речи которых в начальной позиции отсутствует *н*. Об этом пишет в своем исследовании Р. Кинг. Он отмечает, что в материалах КМ *н* во многих случаях встречается там, где она отсутствует в среднекорейском. Автор квалифицирует данный факт как вторичное развитие *н*. Действительно, *н* в названных позициях является результатом действия закона аналогии (б. см. Р.Кинг, 1991).

Приведем примеры релевантности *н* для диалекта Юкчин.

Отсутствие *н*

а) *игинда* – *побеждать*

б) *иргинда* – *создавать*

будить

Наличие *н*

нигинда – **месить**

ниргунда – *поднимать*,

2. Следует особо отметить, что в ДЮ неустойчиво употребление *н* и *д* в начале слова. Примерами могут служить: *нибури/дибури*, *ныпхи/дыпхи*, *нутхи/дутхи* и т.д.

Данное явление заслуживает более пристального внимания.

Смычно-носовой согласный нь

Данная фонема появляется только в конечной позиции, т.е. в конце слова или слога. Особенностью рассматриваемой фонемы в КМ является то, что в интервокальной позиции он подвергается ослаблению артикуляции и носовой сонант произносится слабо. Например: *ттай*, *ттауи*, *кхои*. В транскрипции он обозначается тильдой над гласным *а*. Или кы

чуге - *среди них*. На стыке слов сложного образования перед согласными носовой проявляется четко.

ттанъ – чиби, канъ – мури

Падение конечнослогового *нъ* в Кёёнъсанъдо произошло в 18 в., а в ДЮ наблюдается лишь ослабление назализации. Отметим, что существительные с *нъ* в винительном падеже имеют нулевую форму. При этом они сохраняют назализацию, хотя и ослабленную. Предшествующий гласный существительного произносится долго. Например: *тта, са, кхо*.

Согласные л/р

Отличительные особенности

1. Начальные *р/л* подобно монгольским и тунгусским языкам произносятся чаще как *н*, реже как *р* или *л*. *Л* наблюдаем у старшего поколения, а *р* у большинства коре сарам в заимствованных словах. Так, в слове *Россия р* произносится как *Лосия, Носия* и наконец *Росия*.

2. Фонема *р/л* в конце слога в КМ дает регулярное *р*, а в СЛС произносится */л/*. Звук *|р|* во всех позициях кроме перед *л* в КМ произносится как русский *|р|*. Остается неясным происхождение конечного *р* у коре сарам. Ряд исследователей допускают в этом влияние русского языка. Однако отмечено, что некоторые корейцы, живущие в Китае и не слышавшие русской речи, также произносят конечный *р*. В положении между гласными сочетания *р+n*, *р+r* дают */лл/*: солланъги *сосна*.

Особенности регрессивной ассимиляции

Известно, что в ЛС согласные *к, кк, кх* ассимилируются перед носовыми *н, м, л/р*. Примеры: *хан-гук-мар* [ханъкунъмар], *ккаккхында* [кканъында], тог-рип [тонънип].

В ДЮ имеет место подобная ассимиляция. Однако в диалекте возможна ассимиляция при обратной последовательности звуков, т.е. согласных *н, м, р* перед *к, кк, кх*, дают *нъ*, что невозможно в ЛС. Например: сочетание *н, м+г – нъ*.

Сим-гвэра (синъ-гвэ-ра), кырэнъге (кы-рэнъ-ге), ин\ге (инъ-ге)

В диалекте имеет место ассимиляция *н* перед *м* и перед *в*. При этом сочетания *н +м* дают [мм], а сочетания *н+б* дают [мб].

Примеры:

Син-муни [шим-муни], *нун-мури* [нум-мури], *элмае* [эммае]

Син-бари [шим-бари].

ЛИТЕРАТУРА

1. Lee Gi-Gap, Kim Ju-Won, Choi Dong-Ju, Youn Gyu-Dong, Lee Hoen-Jong. A Study of a Korean Dialect in Central Asia. Han-Geul, 247 (Mar. 2000).
2. Поппе Н.Н. Дагурское наречие. Л., 1930. с.14.
3. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
4. Поппе Н.Н. Аларский говор. Л., 1931. С.175.
5. G.J. Ramstetd. Remarks on the Korean Language. MSFOu. 1928.P.67-75.
6. J.R.P.King. Russian Sources on Korean Dialects. PhD Dissertation. Harvard University. 1991.

Материалы 1-й Казахстанско-корейской конференции. Алматы, 2001. С.275-284.

О ПРОСОДИКЕ ДИАЛЕКТА ЮКЧИН КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Введение.

Закон открытого слога и акцент

Акцент (ударение) является наиболее активно разрабатываемой областью исторической фонологии корейского языка. Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что в памятниках письменности среднекорейского языка прекрасно отражена акцентуация того периода. К сожалению, она не сохранилась в современном стандарте корейского языка и в центральных диалектах, что вызывает различное толкование значков, которыми снабжены письменные источники.

Однако древнюю акцентуацию хорошо сохранили некоторые диалекты, в частности диалекты Хамгенской и Кёнсанской провинций. обстоятельно описаны акценты диалектов Южного Хамгена и Кёнсан С.Рамзеем, Хэ Унгом, внесшие большой вклад в разработку данной проблематики. Так, анализ диалекта Южного Хамген дал возможность С.Рамзею установить, что тональная система названного диалекта близка к системе тонов среднекорейского языка (СрКЯ) (см. Рамзей С. Акцент и морфология в корейском языке. Сеул, 1976).

Наиболее же архаичный диалект, каким является юкчин (ДЮ), еще не подвергнут исследованию. Предполагается, что он в большей степени сохранил тоновую систему древнего корейского языка. Именно в этом, помимо ряда других свойств, заключается особая ценность данного диалекта. Он сохранил в большей степени восходящий тон, являющийся, по мнению лингвистов, ключом к реконструкции протокорейского состояния. Исследование его даст возможность воссоздать древнекорейскую акцентуацию, пересмотреть и дать новую интерпретацию многим историческим процессам корейского языка.

В данном сообщении выдвигается ряд положений относительно влияния тона на языковые процессы, функций тона, условий его появления, приводятся примеры, подтверждающие эти положения.

ДЮ свойственно тоническое (музыкальное) ударение. Каждый слог в слове или в соединении слова с безударными частицами - энклитиками и/или проклитиками - выделяется ударением, характеризующимся повышением или понижением тона (мелодии). Различаются три вида тонического ударения: с низким, высоким и восходящим тоном. Данные типы ударения были свойственны древнегреческому языку, в котором различались акут (высокий тон), гравис (низкий тон) и циркумфлекс (нисходяще-восходящий тон).

В англоязычном корееведении для обозначения тонового ударения употребляется термин “питч-акцент”, который позволит четче разграничивать тоновое ударение как свойство слога, и лексическое ударение как свойство слова. Одной из активно разрабатываемых проблем в фонологических исследованиях является в настоящее время фонетическая природа тона. Она обстоятельно изучена на материале тоновых языков, какими являются, как известно, китайский и многие языки Юго-Восточной Азии. Наиболее доказательной в настоящее время является гипотеза о возможности возникновения тонов в результате отпадения конечнослоговых согласных. Однако по поводу самой причины отпадения существуют различные, порой противоположные, точки зрения.

Одним из условий появления тона мы считаем действующий в ДЮ закон открытого слога, который привел к утрате конечных сонорных /р/, /ң / и количественному удлинению предшествующего гласного. Как следствие этого процесса менялась мелодия, просодический рисунок слова. Таким образом, исчезновение и отпадение тех или иных элементов имеет тенденцию к передаче смысловых различительных, а также грамматических функций тональным признакам. Тон в этом случае выполняет компенсаторную функцию.

В сообщении излагаются новые представления о функциях ударения, тона, выдвигаются гипотезы, позволяющие объяснить с акцентологической точки зрения некоторые исторические процессы, произошедшие в корейском языке.

Просодика диалекта юкчин корейского языка

В данном разделе рассматривается просодика диалекта юкчин корейского языка. К просодическим элементам относятся: долгота, ударение и тон. Ударение является в ДЮ характеристикой слова, а тон и долгота – слога. Рассмотрим их подробнее.

Ударение в ДЮ разноместное и выполняет смысловозначительную функцию. Пример релевантности ударения, в котором акцентное различие является средством дифференциации лексем, имеющих одинаковый фонемный состав. Пур щ'йэра! - *зажги свет!* Пур щйэр'а катта - *пошел, чтобы зажечь свет.*

Словесное ударение в ДЮ по своему характеру музыкально - динамическое. Оно совмещает высоту тона и силу звука.

Носителем ударения в ДЮ может быть гласный звук или часть гласного - мора. При этом ударение может падать как на первую, так и на вторую мору гласного.

Долгота бывает эмфатическая и смысловозначительная. Назначение эмфатической долготы - вызвать ту или иную эмоцию у слушателей. Наиболее ярко выражено эмфатическое удлинение гласных в корейском языке в образительных словах.

Примеры: ппаарган - *красный*, ккааматха - *черный*, кеегу - *эле-эле*, цашиим'и - *напрасно*, камаан - *потихоньку*.

Смысловозначительная долгота имеет фонематическое значение и выполняет смысловозначительную функцию. В ДЮ слог с долгим гласным может быть по качеству ровным и прерывистым. При прерывистой долготе слог как бы прерывается переломом тона. Приведем примеры, где гласный второго члена коррелятивной пары имеет ровную долготу: мудэнхада – *благородный*, мудээнхада - *быть уставшим*, норхоге ани хътта - *не "рассчитывал играть"*, ноорхоге ани хътта - *не рассчитывал, не собирался положить*. Данные примеры показывают, что при одинаковом фонемном составе только длительность гласного позволяет дифференцировать смысл.

Примеры прерывистой долготы:

<u>Прерывистая долгота</u>	<u>отсутствие долготы</u>
Суури <i>водка</i>	сури <i>ложка</i>
Паани <i>комната</i>	пани <i>половина</i>
Каами <i>отрез</i>	ками <i>хурма</i>
Чээтта <i>построил</i>	чэтта <i>быть побежденным</i>

Длительность гласных в моросчитающих языках принято измерять в морах. Мора – единица длительности, рассматриваемая как равная долготе краткого гласного, долгий гласный считают за две моры (Марузо 1). Краткие слоги одноморные, долгие – двуморные. Долгие гласные можно охарактеризовать не только с количественной стороны, но и с качественной. Если с количественной стороны долготу можно измерить в морах, то с качественной долгота сопровождается разными типами тонов, о чем мы будем говорить ниже. В качестве примера приведем из ДЮ два слова, тождественных по составу звуков, но различающихся тоном: сӕӕги - *девушка* и сӕги - *цвет*. Первый слог слова сӕӕги ударный, двуморный, в отличие от сӕги, где слог ударный, но одноморный. Двуморные слоги, большинстве своем, имеют восходящий тон.

Тон. В ДЮ каждый слог в слове или соединении слова с безударными частицами - энклитиками и/или проклитиками - выделяется ударением, характеризующимся повышением или понижением тона (мелодии). В зависимости от этого различаются три вида тонического ударения: с низким, высоким и восходящим тоном.

Примеры с низким и высоким тоном: п'ам'и - *ночь*, ч'ог'ӕ - *ракушка*, к'оньб'у - *учеба*. В приведенных двухсложных примерах просодический рисунок может быть представлен следующим образом: в первом примере высокий – низкий, в двух последующих низкий - высокий, п'ӕд'ар'и - *почтальон*, п'ар'ам'и - *ветер*, х'ӕг'ун'и - *моряк*. В трехсложных примерах, в первом случае - низкий-высокий-низкий, во втором - низкий-низкий- высокий и в третьем - высокий-низкий-низкий. Примеры с восходящим тоном к'ӕӕм'и - *фундук*, к'ор'аа'и - *борозда*. В первом случае восходящий тон имеет слог с гласным ӕ, во втором - восходящий тон имеет слог с а.

Восходящий тон может иметь любой слог, не зависимо от того, является он первым, вторым или третьим.

В англоязычном корееведении для обозначения тонового ударения употребляется термин "питч-акцент", который позволяет четче разграничивать тоновое ударение как свойство слога и лексическое, или словесное, ударение как свойство слова.

Акцентология является одной из наиболее активно разрабатываемой областей исторической фонологии корейского языка. Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что в книгах письменности среднекорейского языка (СрКЯ) отражена акцентуация того периода. К сожалению, она не сохранилась в современном стандарте корейского языка и в большинстве диалектов, что вызывает различное толкование значков, которыми снабжены письменные источники.

В этой связи следует коснуться проблемы "боковых точек", отраженных в памятниках письменности корейского языка. Вопрос этот остается до сих пор спорным и существует несколько точек зрения на данную проблему: тоновая концепция, концепция долготы и признание наличия и долготы, и тона, "питча". Боковые точки в тоновой концепции представляют различие тона, а в концепции долготы они являются признаком длительности. Традиция признание долготы за боковыми точками, идущая от Чу Си Гена (Чу Си Ген 2), поддерживается рядом современных лингвистов. Другую точку зрения поддерживают Коно Рокуро (Коно Рокуро 3), Хэ Унг (Хэ Унг 4), Рамзей (Рамзей 5, 264). И, наконец, третья точка зрения придерживаются Ким Йэнг Сэнг, Мун Хе Гын, Ким Енг Ман. Что касается третьей точки зрения, то она также не лишена основания.

На наш взгляд, концепция тона не противоречит точке зрения долготы, поскольку восходящий тон всегда сопровождается долготой. Историческая связь долготы и тональности в древнем корейском языке подчеркивается в работах многих авторов Чу Си Гён, Цой Хён Бя, Ким Ф.З., Концевич Л.Р.

Такой разброс мнений можно объяснить еще и тем обстоятельством, что применение боковых точек не носило

систематического характера и они проставлены не везде, от случая к случаю. Кроме того, к сожалению, не было и собственно грамматической теории, как скажем в древнегреческом, где было бы изложено акцентологическое учение. Эволюция взглядов на данную проблему достаточно полно изложена в работах Рамзея, Чэн Хак Сэк, Квак Чхун Гу, Ли и др., поэтому мы лишь вкратце коснулись данной проблематики.

Одним из путей решения проблемы «боковых точек», а вместе с ней и таких вопросов, как изменение тона в зависимости от фонологического окружения и природа питча, явились исследования тональных систем современных диалектов, где имеются тоновые различия, путем сравнения их со среднекорейскими тонами. Древнюю акцентуацию хорошо сохранили некоторые диалекты, в частности диалекты Хамгенской и Кёнсанской провинций. Обстоятельно описаны акценты диалектов Южного Хамгена и Кёнсан С.Рамзеем, Хэ Унгом, внесшие большой вклад в разработку данной проблематики. Так, анализ диалекта Южного Хамгена дал возможность С.Рамзею установить, что тональная система названного диалекта близка к системе тонов среднекорейского языка. Сравнение с данными Хэ Унга, полученными на материале диалекта Кёнсан, свидетельствуют о различиях тона, носящих регулярный характер. Данное явление автор объясняет, как смещение тона в диалекте Кёнсан. К сожалению, остается неясность в вопросе, наблюдались ли диалектные различия уже в древние времена или они изменились в процессе исторического развития.

Наиболее же архаичный диалект, каким является юкчин, сохранил в большей степени систему тонов, свойственной древнему состоянию корейского языка. Тоническое ударение было характерно для многих языков на ранней стадии развития, в том числе и для древнейшего состояния индоевропейских языков (Сохацкий 6). Однако специально тон на материале ДЮ пока никем не изучался и требует тщательного рассмотрения и монографического описания, что выходит за рамки настоящей работы.

Для ДЮ, функционирующего в Китае, также свойственны высокий и низкий тоны. Тон, согласно Чэн Хак Сэк (Чэн 7), исследовавший просодиду ДЮ, самостоятельный просодический компонент, независимый от финалей или инициалей, как это имеет место в китайском языке. При этом он отмечает, что изменение тона проявляется главным образом при слиянии корня и частицы, а в сложных образованиях - при слиянии двух корней. Отмеченное явление имеет место и в казахстанском ДЮ. Оно сопровождается восходящим тоном. И то, что автор называет изменением тона, на самом деле есть восходящий тон. Он может появляться в силу разных причин как исторического характера, так и морфологического в современных диалектах, в результате слияния морфем.

Одной из активно разрабатываемых проблем в фонологических исследованиях в настоящее время является фонетическая природа тона. Она обстоятельно изучена на материале тоновых языков, какими являются, как известно, китайский и многие языки Юго-Восточной Азии. В настоящее время сформированы новые представления о функциях ударения, тона, выдвигаются гипотезы, позволяющие объяснить с акцентологической точки зрения некоторые исторические процессы, произошедшие в языках. Наиболее доказательной в настоящее время является гипотеза о возможности возникновения тонов результате отпадения конечнослоговых согласных. Однако по поводу самой причины отпадения существуют различные, порой противоположные, точки зрения (см. Вяч. В. Иванов 8, 110-116).

В данной работе мы сделали попытку выяснить природу восходящего тона и условия его появления, одним из которых, как уже было отмечено выше, являются процессы, вызванные действующим в ДЮ законом открытого слога. Именно они привели к утрате конечных сонорных /р/, /н/ и количественному удлинению предшествующего гласного, которые привели к изменению мелодии и просодического рисунка слова. Приведенные примеры убеждают нас, что исчезновение и отпадение тех или иных элементов имеет тенденцию к передаче смысловых различительных, а также

грамматических функций тональным признакам, а тон в этом случае выполняет компенсаторную функцию.

Назовем компенсаторные функции восходящего тона:

а) Грамматические функции. Тон служит в приведенных ниже примерах дополнительным средством различения грамматических форм, в частности именительного и винительного падежей.

Стандартный язык (СЯ)

ДЮ

СЯ: Санъ *стол*

саи им.п. > саа в.п.;

СЯ: Чанъ *лист*

тйаи им.п. > тйаа

в.п.;

СЯ: Ттанъ *земля*

ттаи им.п. > ттаа

в.п.

б) Смыслоразличительные функции.

СЯ: Чэтта *быть побежденным* чээтта *построил*

СЯ: Метта *быть засоренным* меетта *взять, взвалить на плечи*

Как следует из приведенных примеров, восходящий тон в ДЮ есть вторичное явление, оно является результатом нескольких явлений:

1. Исторического падения **h** и **z**;

СрКЯ	<u>ДЮ</u>	<u>значение</u>
Nolh	наари	лезвие
Nwoh	ноои	веревка
Neyh	нэи	четыре
Twulh	туури	два
Seyh	сэи	три
Mwoyh	мәсани	гора
Ahoy	аа	ребенок
Syohoy	чое	бумага
Narah	нараи	страна
Nah	наи	возраст
Stah	ттаи	земля
wuh	уи	верх
kwoh	кхои	нос
sonahoy	сына	муж (пейор.)
z		
sozi-	сә	время, интервал

mozom	маами	душа
mozolh	цхами	сначала

2. Открытая слоговая структура ведет, как правило, к утрате сонорных звуков. Ослабление конечнослогового /нь/ и назализация предшествующего гласного приводит к удлинению и повышению тона.

<u>СрКЯ</u>	<u>ДЮ</u>	<u>значение</u>
pyeng	пееи	болезнь
cyong	чои	слуга
cwung	чуи	монах
paang-gan'l	паанъгани	помещение с баи
phyengphwung	пхйэньпхуи	складная перегородка из материи
phyengsang	пхйэньсаи	складной стол
cyungsoyng	цымсыи	животные
kwolang	корä	борозда
kwunyeng	кунä	отверстие
tung	тыи	холка на спине
skweng	ккои	фазан (см. Рамзей

9)

3. Стяжение двух гласных.

У существительных: роуам [п'ääми] *змея*, тоууамі [määm'и] *сверчок*, сочоууом [цацхеми] *чиханье*, тоуасі [määdжи] *теленок*, kahoi - kang - aci [käädжи] *щенок*, поуіл [nääri] *завтра*.

Стяжение деепричастной формы и отрицания ани: кадäänитха (кади + анитха) *не пошел*, tangäära (tanggi + year) *тяни!*, кеера (ki + yeera) *ползи!*

Сосуществование ударения и тона в пределах просодической системы одного языка признается часто нетипичным явлением и подвергается сомнению. Однако данное явление свойственно ДЮ. Они находятся не в отношении противопоставления, а во взаимосвязи. Зная место ударения, можно предсказать тональный контур всего слова. Так, если в двухсложном слове ударение падает на второй слог, то можно знать тон каждого из слогов (Касевич 10, 164).

Примеры :

<u>Слово</u>	<u>перевод</u>	<u>ударение</u>	<u>тон</u>
Мэри	шишка	м'эри	'мэ'ри
Мэри	волосы	мэр'и	'мэ'ри
Камджи	картофель	к'амджи	'кам'джи
Камджи	кор.напиток	кам'джи	'кам'джи
Мунда	платить	м'унда	'мун'да
Мунда	кусать	мунд'а	'мун'да
Коби	внутр.сало	к'оби	'ко'би
Коби	двойной	коб'и	'ко'би
Пхари	рука	пхар'и	'пха'ри
Пхари	муха	пх'ари	'пха'ри
суреп	к'аши	'ка'ши	колючка
каш'и	'ка'ши		макушка
к'амä	'ка'mä		котел

Приведенные примеры двухсложных слов свидетельствуют о том, что, если ударение падает на первый слог, то мы имеем тоновый рисунок: высокий-низкий, если ударение падает на второй слог, мы имеем: низкий-высокий. Противопоставление низких и высоких тонов происходит независимо от количества слогов.

Что касается восходящего тона, то ударение может не зависеть от него, т.е. оно может падать на слог с восходящим тоном, на слог перед ним после него. Каам'и - *отрез*, п'ои - *платок*, пу'э - *сова*, п'ääми - *змея*, пакк'ääми - *муравей*, ту'ури - *двое*, кор'ä - *борозда*.

Выводы

Ритмический рисунок слова в ДЮ составляет сочетание низкого, высокого и восходящего тонов. Восходящий тон имеет при этом вторичное происхождение, Он появляется в том случае, когда имеют место исторические процессы, связанные с утратой некоторых элементов (напр. в результате исторического падения *h* и *z*, ослабления конечнослогового *нь*, стяжения двух гласных). Тон в этом случае выполняет компенсаторную функцию. Он служит дополнительным средством различения грамматических форм, а также выполняет смысловозначительную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
2. Чу Си Ген. Избранные труды. Пхеньян. 1957.
3. Коопо Rakuroo. Chosen hoogengaku shikoo, Keijoo (Seoul). 1944.
4. Хэ Унг. Исследование диалектов. Сеул, 1972.
5. Ramsey S. Accent and morphology in Korean Dialects. The Society in Korean Linguistics. 1989, 264p.
6. Сохацкий В.М. К вопросу о тоническом ударении в шведском языке// Вопросы языка и литературы. Вып 1. М., 1959.
7. Чэн Хак Сэк. Исследования по фонологии диалектов провинции Хамген. 1993.
8. Иванов Вяч. В. Заметки по индоевропейской акцентологии // Историческая акцентология и сравнительно - исторический метод. М., 1989, сс. 110-116.
9. Ramsey S. Accent and morphology in Korean Dialects. The Society in Korean Linguistics. 1989.
10. Касевич В.Б. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.

Вестник КазУМОиМЯ. Алматы, 2003. №2 (6). С. 76–9

BESONDERHEITEN DER KASUS FORMEN DES YUKCHIN-DIALECTES DES KOREANISCHEN IN KAZACHSTAN

Allgemeines

Die Emigration der Koreaner von Koreanischen Halbinsel nach Rußland und später nach Kazachstan und Mittelasien fand nach offiziellen Angaben in der Mitte des 19. Jahrhunderts an. Die Historiographie über die Sowjetkoreaner - Kore saram (so nennen sich die Koreaner, die in der ehemaligen Sowjetunion leben) - beginnt nach der Deportation aus dem Fernen Osten durch die Monographien von Kim Syn Hwa, Dzarylgasynowa R., Ionowa Ü. u. a.¹ Unter den ausländischen Autoren nimmt die Monographie von Koh Song Moo "Die Koreaner in Mittelasien" einen besonderen Platz ein.² Dieses Werk gab den ausländischen Lesern eine vollständige Information über Kore saram als frühere Werke.³ Seit den achtzig Jahren unseres Jahrhunderts ist eine Zunahme der Werke zu diesem Thema in der SU und auch im Auslande zu bemerken (B.I Hand, W.S.Choj, B.D.Park) und "Koreanische Diaspora in Kazachstan und in Mittelasien" wird in folgenden Richtungen geführt: Geschichte, Soziologie, Ethnographie.

Was die Sprache anbetrifft, so war die Sprache der Sowjetkoreaner Kore mar bis jetzt noch nie die Dissertation von O.M. Kim (auf Russisch),⁴ den Teil in der Monographie von Koh Song Moo (auf Koreanisch und English) und die Dissertation von R.King (auf English)⁵ zu nennen. R.King hat die schriftlichen Quellen auf Russisch und Koreanisch zum Kore mar analysiert. Einen besonderen Wert hat die Arbeit von Kwak Chun-gu,⁶ der das Kazanische Material untersucht hat. Es gibt auch einzelne Artikel über die Sprache der Sowjetkoreaner.

KOREMAR

Die Sprache, die von den Koreanern in Kazachstan und in den anderen Teilen der ehemaligen Sowjetunion gesprochen wird, unterscheidet sich heute deutlich von der Sprache, die auf der koreanischen Halbinsel gesprochen wird. Die Koreaner selber

nennen ihre Sprache *Kore mar*. *Kore mar* ist ein Koine, das sich auf der Basis von hauptsächlich zwei Dialekten der Nord-Hamgyong Provinz -Yukchin und Myengchen – im Laufe von ca. 150 Jahren unabhängiger Existenz in einem neuen Territorium, davon ca. 60 Jahre in völliger Isolation von der ethnischen Heimat herausgebildet hat.

Der Yukchin-Dialekt war das Idiom der Mehrzahl der frühen koreanischen Siedler weit im Norden des heutigen Korea. Sie sprachen es zu Hause und innerhalb ihrer ethnischen Gemeinschaft. Es war zunächst ein einheitlicher Dialekt, denn die Sprecher kamen alle aus der gleichen Gegend Koreas der Provinz Nord-Hamkyong Region Yukchin, und zwar aus Onsen, Kyengwon, Kyenghung, Chongseng, Hweryeng, Puryeng. In diesen abgelegenen Gegenden hat sich die Sprache der Siedler über ca. vierhundert Jahre in relativer Isolation erhalten und man kann (sowohl miteiniger Berechtigung als auch mit der entsprechenden Vorsicht) annehmen, daß hier einige Formen des Mittelkoreanischen bewahrt sind. Im Zuge der zweiten (1884) und der dritten Wellen der Migration (1910) kamen Siedler aus der Yukchin-Region, aber auch aus den Gegenden Myengchen, Kilchu, Kyengsen, Hakseng nach dem Fernen Osten Rußlands. Diese Sprecher sprachen einen anderen Dialekt, den sozusagen "Myengchen-Kilchu" Dialekt, der nicht unter den Verhältnissen der Abgeschiedenheit in den Grenzposten konserviert war. Das Zusammenleben im Fernen Osten und die Deportation nach Mittelasien führten zu einer Annäherung der Dialekte und zur Herausbildung einer gemeinsamen Sprache, des *Kore mar*. Da die Zahl der Myengchen-Sprecher weit größer war als die der Yukchin-Sprecher, verlief die Angleichung in Richtung auf den Myengchen-Dialekt.

HISTORISCHES

Unter den Dialekten *Kore mar* ist das Yukchin von besonderer Wert, weil er der archaischste Dialekt des Koreanischen ist. Seine archaischen Züge wurden konserviert wegen des eigentümlichen Schicksals seiner Sprecher, die mehrere aufeinanderfolgende Migrationen erlebten. Die erste Umsiedlung geschah im frühen 15. Jhd. aus dem zentralen und südlichen Teile Koreas in die Region Yukchin (Yuk-chin "sechs Grenzposten" aus

dem Chinesischen) (auch Yugyp), d.h. in den äußersten Nordosten der Provinz Nord-Hamgyeng. Diese Ansiedlung in den fernen Bergregionen im Grenzgebiet zur Mandschurei erfolgte auf Anweisung des Königs Sejong zur Sicherung der nördlichen Grenzen mit Schutzposten gegen die Überfälle vor allem der Jurcen. Die zweite Umsiedlung begab sich in den Jahren 1863-1884 von der Yukchin-Region in den Fernen Osten Rußlands. Die dritte Umsiedlung geschah als Deportation in den Jahren 1935-1937 vom Fernen Osten nach Kasachstan und Usbekistan (N. Pak 1991).⁷

DIE BEDEUTUNG DES YUKCHIN-DIALEKTES

Die Träger dieses archaischen Dialektes leben heute noch in Nordkorea, China und in der ehemaligen Sowjetunion. Eine kurze komparative Analyse der Forschungsmaterials der chinesischen Wissenschaftler Han Jin-Gen)⁸ und Jen Hak-Sek⁹ mit dem Yukchin des Kore mar zeigte, daß es nebenden gemeinsamen Zügen zwischen dem Yukchin in China und in der Sowhetunion auch Unterschiede gibt. Dieser Dialekt gehört zu einer der bedrohten Sprachen. Die letzten Sprecher des Yukchin sind heute gegen 80 Jahre alt. Aber die Erforschung des Dialekts als selbstständigen Dialekt haterst vor kurzem beginnen, und das Interesse in der Welt ist groß.

Das Interesse an diesem Dialekt ist nicht zufällig. Die Einzigartigkeit bersteht in seiner Archaik. Er ist einner der archaischen Dialekte der gegenwärtigen Koreanischen. Der Dialekt enthält Elemente, die zur Periodedes späten Mittelkoreanischen zurüchreichen, nämlich bis zum 15. Jahrhundert. Im Yukchin können wir nicht nur sprachliche Relikteaufdecken, die den altkoreanischen Zustand bewahren, sondern auch die Tendenzen der Entwicklung der Koreanischen Sprache beobachten. Die Erforschung des Yukchin ist außerordentlich wertvoll für die Geschichte des Koreanischen, die Etymologie, die Probleme der Sprachrekonstruktion, für die allgemeine Linguistik, die Typologie und die Altaistik. Dabei mußbetont werden, daß das Yukchin in China mit dem in Kazachstan nicht ganz identisch ist.

FORSCHUNGSSITUATION

Mit den frühen Auswanderungen von Yukchin-Sprecher nach Rußland erscheint auch erstes Material zu ihrer Sprache, das von russischen Forschern und Amateuren aufgezeichnet wurde (wertvoll ist vor allem das Wörterbuch von Putsillo,¹⁰ das die Wörter mit der russischen auch mit koreanischen Schrift gibt). Ein Teil dieser Quellen wurde von Ross King (1991) bearbeitet und ausgewertet. Das Material ist wertvoll, aber nicht ausreichend, um ein Bild vom Yukchin als Ganzem zu bekommen. Auch der Japaner Ogura Shimpei (1994),¹¹ hat einige der phonologischen, morphologischen und lexikalischen Züge eines "siebenten Dialekts" erfaßt. Der Name Yukchin-Dialekt wurde kürzlich von chinesischen Kollegen eingeführt. An der Erforschung des Yukchin arbeiten heute eine Handvoll Kollegen: Kwak Chun-Gu in Südkorea, Ross King in Vankuver, Han Jin-Gen und Jen Hak-Sek in China, Jeng Yong-ho (정용호) aus Nordkorea, Nelly Pak in Kazachstan, Barbara Unterbeck in Deutschland. Ein Teil der Kollegen trafsich 1994 auf der 9. Tagung des International Circle of Korean Linguistics, wo erstmalig eine Sektion zu den Dialekten Koreas, speziell zum Yukchin arbeitete. Übereinstimmend wurde in London festgestellt, daß das Wichtigste die Arbeit mit den verbliebenen Muttersprachen ist, d.h. Feldforschung zur Sicherung und Auswertung des Materials so schnell als irgend möglich. Kore mar lebt heute hauptsächlich als gesprochene Sprache. Das warnicht immer so. Bis 1937, d.h. bis zur Deportation der Koreaner nach Mittelasien und Kazachstan, hatte das Kore mar einen hohen sozialen Status im Bereiche der Fernöstlichen Region, wo die Koreaner kompakt lebten. Es war das Mittel der öffentlichen Rede, der Presse, des Radios, und erfüllte alle Funktionen, die einer jeder Literatursprache sind heute weit aus einander entwickelt. Sie unterscheiden sich voneinander durch phonologische Besonderheiten, durch den Wortschatz. Der Bestand an Lexemen und ihre Bedeutung weichen deutlich voneinander ab. Auch der Fremdworteinfluß ist deutlich differenziert: im Kore mar finden sich naturgemäß reichlich. Wörter aus dem Russischen und Türkischen, der (südkoreanische) Standard ist voll von Entlehnungen aus dem Englischen. Als drittes tragen die Unterschiede in der Morphologie, auch in der Syntax zu

Verständigungsproblemen bei. Die Aufgabe besteht darin, den Grad der Auseinanderentwicklung genauer festzustellen und zu dokumentieren. Es gibt gute Gründe, Kore mar nicht nur als Dialekt, sondern schon als Variante der koreanischen Sprache zu bertachten.

SYSTEM DER KASUSFORMEN gegenüber der STANDARDSPRACHE

Der Kasus ist eine Kategorie des Nomens, der die Beziehung dieses Nomens zu anderen Wörtern im Satz oder in Wortverbindungen ausdrückt. Da der Kasus eine morphologoshe Kategorie ist, ist er nur den Sprachen eigen, die die Formen der Wortveränderungen haben. Die Kasus bilden, wie bekannt, ein System. Die Gesamtzahl der Kasus in verschiedenen Sprachen ist ungefähr 60. Die Kasuszahl in verchiedenen Sprachen ist nicht gleich. Das Russische enthält zum Beispiel 6 Kasus, das Deutsche 4, das Englische 2, das Finnische 15, das Umgarische und Avarische 20, das Tabasaranische in Dagestan (Kaukasus) sogar 60. Gewöhnlich in Sprachen mit hoher Kasuszahl sind Lokalbeziehungen detaillisiert. Zu ihnen gehören die dagestanischen Sprachen. Der Grund für die Verschiedenheit der Kansuzahl liegt darin, daß sich einige Kasus durch Vieldeutigkeit unterscheiden: das, was in einer Sprache durch einen Kasus wird in der anderen durch zwei oder mehrere Kasus ausgedrückt. Z.B. im Finnischen fehlt solch ein wichtiger Kasus wieder Akkusativ. Aber er wird durch drei andere ersetzt. An und für sich ist die Frage der Kasuszahl ziemlich kompliziert. In der Koreanistik wird sie dadurch erschwert, daß es keine Meinungseinigkeit hinsichtlich Kasuszahl und deren Bezeichnungen gibt. Dies Verschiedenartigkeit spiegelt sich in den Grammatiken des Koreanischen wider.¹² Ich eruiere in System der Deklination der Nomen im Kore mar 10 Kasus. Das sind: Nominativ 주격, Akkusativ 대격, Genitiv 속격, Dativ 여격, Lokftiv 처격, Direktiv 행진격, Ablativ 탈격, Instrumental 조격, Komitativ 공동격, Vokativ 호격. Der Nominativ ist der Stamm des Nomens (wenn der Stamm im Auslaut einen Vokal hat) oder der Stamm mit der Endung *-i* daran (wenn der Stamm im Auslaut einen Konsonanten hat).

Z.B.

Say unta, phato thinta, pihayngki kanta, sayter-i nara onta

.새 운다, 파도 툐다, 비행기 간다, 새털이 나라 온다.

Markun mwur-i hurunta. Chayk-i caymi itta. Tongsam-i chipta.

말근 물이 흐른다. 책이 재미 있다. 동사미 칩다.

Es muß betont werden, daß im Kore mar die Formen *-ka* und *-kkeyse*, die der Standardsprache eigen sind, fehlen.

Der Akkusativ wird durch Affixe *-ru/-u*, *-wu* markiert oder fällt inseiner Form mit dem Stamm des Nomens zusammen. Dieser Kasus zeigt wesentliche Unterschiede zwischen dem kore mar und der Standardsprache.

Die Standardsprache hat Kasusformen *-ul*, *-rul*.

Poko-ru nirunta Nwun-u chunta. S'ir-un pinta. Kay-ru meykinta.

보고르 니른다. 눈으 쓴다. 실은 빈다. 개로 매긴다.

Kwung-kwu mangmunta Hon-wupwurunta. Nwuk-kwu thinta.

궁구 막는다. 혼우 부른다. 누구 툐다.

"Chon-ey sayaka hannya sarasso. Sarumter-i ku sayka-ru pwurkun

ss'akwayrakwu pwullesse. (Lew Tolstoj.)

"촌에 새아가 한내 살았소 사름덜이 그 새아가를 불근 삭괘라구

불렀소" (래브 도르쓰도이, 불근 삭제)¹³.

Die Null-Form (oder der Stamm des Nomens).

Saa kacey onta. Mada ssunta. Ss'eykye paru nonnunta.

사 가져 온다. 마다 쓴다. 세 바르 놓는다.

Sanye tongmika kanta.

사녀 동미가 간다.

Wie man sieht, die Akkusativform in den genannten Beispielen fällt mit Form der Standardsprache zusammen, aber es fehlt Nasales *-n* im Auslaut.

Aber Nasales *-n* kommt wieder zum Vorschein in Komposita, in zusammengesetzten Wörtern.

Sang-mithey, sang pai, (madang-pi), sanyeng-kuni.

상밀에, 상보이, 마당비, 사군이

Es muß betont werden, daß sich der Unterschied in der Rektion zwischen der Standardsprache und dem Dialekt in Kasusformen widerspiegelt.

Yuchin: Kicha-ru orun taum-ey chayk-u nirunun sarum-i mantha.

기차르 오른 다음에 책으 나르는 사람이 많다.

Standard: Kicha-ey orun tanm-ey chyak-ul ilknun sarami mantha.

기차에 오른 다음에 책을 읽는 사람이 많다.

Der Genitiv. Affixe des Genitivs sind *-u*, *-ey*, *-wu* und Nullform. Das Nomen im Genitiv verbindet sich immer mit dem zweiten Nomen und drückt Possessivität aus.

Zum Beispiel: tongm-i ateri, nup-ey, ttari cip-ey ss'iki, nam-ey sarumi.

동미 아들이 느베 딸이,집에 시끼, 나메 사름이.

Kasur pami senurhata.

가슬 밤이 서늘하다.

Die Genitivformen des Nomens sind in der Theorie am schwierigsten zu beurteilen. In der Grammatik von O Cham Hwan¹⁴ sind die Affixe *-kkey*, *-key* als Genitive gegeben. Aber in der Standardsprache werden diese Endungen als Dative angesehen. Meiner Meinung nach die Form auf *-key* bei Lebewesen muß man als Dativ und dieselbe Form bei Unlebewesen als Lokativ ansehen.

Z.B.

I chayki oraypi-keyta. 이 책이 오래비게다. Diese Bücher gehörendem Bruder. Was das Affix *-wu* betrifft, so wurde es seit der 60-jährigen Periode, von der Zeit der Veröffentlichung der Grammatik von O Chan Hwan an, Affix ein archaisches Element. Nur die Leute im hohen Alter gebrauchen die Form auf *-wu*, aber auch nur selten. Führen wir Beispiele an, die in früheren Quellen von Tayschin¹⁵ erwähnt und von den Informanten ausgesprochen worden sind:

Komwu kacwuki, paymwu koki, komwu ss'ini, tamwu chayki, komwu yeri.

고무 가주기, 배무 고기, 고무 시니, 다무 책이, 고무 열이

Der Dativ wird durch Affixe *-key*, *-ru*, *-keyru* bei Lebewesen markiert.

Tongmi-key (ru) pheyn-ci-ru ssunta. Oraypi-ru topa cwunta.

동미계(르) 펜지르 쓴다. 오래비르 도바 준다.

Die Kasusformen in der Standardsprache und im Dialekt unterscheiden sich wesentlich. So werden in der Standardsprache die Höflichkeitsformen *-kkey* und auch *hanthey* gebraucht. Im Dialekt ist dies nicht der Fall. Außerdem im Dialekt wird kein *-ey* nach dem Vokal gebraucht. Die Kasus, die den Ort bezeichnen, haben 3 Typen von Affixen. Sie drücken das Befindensein der Person, des Gegenstandes oder Ort und Zeit der Handlung, die Richtung und Ausgangspunkt der Handlung aus. Das sind: Lokativ,

Direktiv und Ablativ. Der Lokativ wird durch *-ey/se*, *-key*, *-keyse* markiert.

Pomey pi cacwur onta. Ku chon-ey ciptteri cotha.

봄에 비자 줄 온다. 그 촌에 집덜이 좋다.

Ceng-key choney makam kuth-ullu chec-cipita.

정계 나무발저짜게 촌에 마감 글을르 첫집이다.(mit New Seoul Schrift)

Der Direktiv wird durch Affixe *-ey*, *-ru/-uru* markiert.

"Khunamay innunte-ru katta onara. Kuraykwu naykeyss'e khunamaykey-ru payngss'eyrang tto tantey kirumirang katey kakara!"

"큰 아매 있는데르 갔다 온아라. 그래구 내게서 큰아매게르 뱅세랑 또 단데 길므이랑 가데 가가라!"(불근 삭괘).

Der Direktiv steht Funktion nach dem Dativ sehr nahe. Und in der traditionellen Koreanistik wird er oft mit dem Dativ vereinigt. Der Grund für die Abgrenzung vom Dativ in diesem Artikel ist die Tatsache, daß das Unterschied zwischen Lebewesen und Nichtlebewesen relevant ist. Der Unterschied in Kasusformen des Direktivs zwischen der Standardsprache und dem Dialekt ist nur phonetisch. Der Ablativ wird durch Affixe *-eyse/-se* bei Nichtlebewesen und *-kesey/-eykeyse* bei Lebewesen markiert.

Aber in der Standardsprache wird auch im Unterschied zum Dialekt *-hantheyse* gebraucht.

Tongmi-keyss'e pheunciru patasso. Sonnininun Mikwuk-eyss'e wasso.

동미게서 펜지르 받았소 손님이 미국에소 왔소.

Der Instrumentalis wird durch Affixe *-lu/-ullu* markiert und drückt Art und Weise der Handlung, auch Gegenstand und Stoff aus, aus dem der Gegenstand produziert ist. Außerdem durch die

genannten Affixe warden kum-ullu ssunta, khun panullu panucir hanta.

금을 쓴다. 큰 바늘 바느질 한다.

"Ku sayaka namwupathsok-ullukasso".

"그 새아가 나무 밭속을 르 갔소".

Der Komitativ. Dem Komitativ sind die affixe *-ka* und *-kwa* eigen. In der Standardsprache werden Affixe *-wa* und *-kwa* gebraucht. Tongmi-ka kathi kongpu hanta. Sensayngnim-kwa yerepen waywunta.

동미가 같이 공부한다. 선생님과 여러번 왜운다.

"Khunamay nurkess'e tayngkiti mot hanta. Kuray nay khunamaykeyru kirum-kwa payngss'ey-ru kacey aknta."

"큰아매 늘거서 땡기다 못 한다. 그래 내 큰 아매게르 기름과

뱅세르 가져간다." (불근 삭괘).

Der Vokativ. Dies ist der Kasus des Anrufes. Die Affixe in der Standardsprache und im Dialekt sind gleich.

Pwuriyal Sararma. 불이야! 사람아!

Außerdem gibt es einen Unterschied. Im Dialekt wird noch dazu das Affix *-i* gebraucht. Eyti! Olleyki! 에디! 올레기!

Kasusaffixe des Yukchin-Dialekts Im folgenden sollen die Kasusaffixe betrachtet werden, die ich bis jetzt eruieren konnte.

<u>Kasus</u>	<u>Singular</u>		<u>Plural</u>
N.	sarum, - i	pwur, - i	sarumder, - i
Ak k.	sarum- u	pwur- u	sarumder, - i

G.	sarum- ey	pwur	sarumder
D.	sarum - ur	pwur- ey	sarumder- y
L.	sarum- key	pwur- ey	sarumder
Dir.		pwur- ey	
Abl.	sarum- keyse	pwur- eyse	sarumder —kkeyse
Kom.	sarum- kwa	pwur —kwa	sarumder —kwa
Ins.	sarum- ullu	pwur —llu	sarumder —ull
Vo k.	sarum —a!	pwur —ay!	sarumder —a! Vali! ¹⁶

<u>Kasus</u>	<u>Yukchin</u> nach Vok /Kons.	MLS3 nach Vok /Kons.
N.	-i	-ka/-i -kkeyse (Hon.)
Akk.	-rul/u -wu, Nullform	-rul/ul

G.	-u-e, Nullform -wu (veralt.)	
D.	-key, ru,-key- ru (Leb.) -ey (Unleb.)	- eykey/hanthey (Leb.) -kkey (Hon.) -ey, -lo/ulo (Unbel.)
L.	-ey/se, -key,- key-se	-ey/se
Dir.	-ey (Unleb.)- ur/-um, -keyru	-ey, -lo/-ulo (Unleb.)
Abl.	-ey-se/se (Unbel.) -ey-keyse/- keyse (Leb.)	-eyse (Unbel.) -eykeyse/- hantheyse (Leb.) -kkeyse (Hon.)
Ins.	-llu/ullu	-kwa/wa
Vok.	-a/ya, - i	-a/ya

BIBLIOGRAPHIE

1. Kahn. G.V. Istoriya korejtsev Kazakstana. Almaty, 1995, p.205.
2. 고송무, 『쏘련 중앙아시아의 한인들』, 서울, 1984.
3. 강준진, 『한국과 쏘련』, 서울, 1979.
Harvard University Dept. of Linguistics. 1991, pp.484.
4. Kim O.M. Osobennosty russkoj rechy korejtsev Uzb.SSSR(fonetikomorphologicheskij ocherk). AKD, Tashkent,1964.
5. King J.P.R Russian Sources on Korean Dialects. Ph. D. Dissertation. Harvard University Dept. of Linguistics. 1991. p.484.
6. 곽충구, 『함경북도 육진 방언의 음운론』, 박사논문, 서울, 1991.
7. Pak N. On Korean Dialects in the USSR. Korean Linguistics and Korean Language Education in the USSR. Seoul, 1991.
8. 한진건, 『육진의 일부 품사적 특성에 대하여』, The 10th Conference on Korean Linguistics. Australia, 1996.
9. 전학석, 『함경도언의 음조에 대한 연구』, 서울, 1993.
10. Putschillo M, Opyt korejsko-russkogo slovarya. Sankt-Peteburg, 1874.
11. Simpej O. The Outline on the Korean Dialects. Tokyo, 1940. Dies Verschiedenartigkeit spiegelt sich in den Grammatiken des Koreanischen wider.¹²
12. So in den Grammatiken von Chu Sy-Gön, Kim Du-Bon, Kim Ün-Göngwerden 9 Kasus eruiert, Chxe Hön Bae 6 Hauptkasus, Proffessor He Ung -6, I Hui Sung -18. In der Grammatik, die in Phyengyang heraus gegeben ist, gibt es 8 Kasus.
13. Azbuka dlya korejtsev. L.Tostoj. Krasnoya ss'pochka. Per. s russkogo Yaz. Kazan,1902.
14. O Chan Khwan. Grammatika korejskogo yazyka. Khabarovsk, 1930.
15. Tajss'in A. Russko-korejskij slovar. Khabarovsk, 1898
16. Hier wird die Yale-Transkription verwendet.

국어학논집. 서울대학교 국어국문학과집 편3. 1997.
243-257 표.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ДИАЛЕКТЕ ЮКЧИН КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Вводные замечания

Под залогом традиционно понимается глагольное действие в его соотношении с подлежащим: либо действие рассматривается как совершаемое им, либо как испытываемое им, либо как совершаемое в его интересах с его участием (1. Вандриес. 1937, С.102-103). Данное понимание категории залога, отражающее характер смысловых взаимоотношений между субъектом, объектом и предикатом, в настоящее время наиболее распространено.

Для корейского языка характерны следующие залогов: действительный, страдательный, каузативный (2). В грамматиках корейского языка выделяют иногда средний залог. Субъект при глаголе в среднем залоге является и объектом, и исполнителем действия. Его можно соотнести с русским возвратным глаголом.

Глагол в корейском языке является наиболее продуктивным грамматическим классом, поскольку он в процессе речи может быть образован практически от основ любого разряда слов. Кроме того, он обладает обширной системой внутриглагольного формообразования. Рассматриваемая в данной работе категория залога является одной из подобных морфологических систем глагола. В корейском языке категория залога отличается строгой оформленностью и обладает морфологическими показателями, которые выражают отношения между субъектом и объектом действия, то есть морфемы представляют собой формальные средства выражения смысловых взаимоотношений между субъектом и объектом.

2. К истории изучения категории залога в корейском языке.

В работе Йэн Дзя Хуна (3) отмечается, что каузативные и пассивные конструкции корейского языка интенсивно изучаются в течение последних 30-40 лет как с морфологической, так и с синтаксической точек зрения. Однако изучение их в сочетании морфологического и синтаксического подходов не осуществлялось. Известно, что

в корейском языке для образования пассива и каузатива используются одни и те же морфемы. Поэтому многие морфемы двусмысленны: то ли они каузативны, то ли пассивны. В своей работе Йэн Джя Хун сделал попытку снять отмеченную двусмысленность путем установления фонологической дистрибуции каузативных и пассивных алломорфов. При этом он сделал вывод о том, что двусмысленность устраняется при определенных синтаксических условиях употребления в зависимости от сочетания предикатива с тем или иным объектом.

В советском корееведении проблема залога рассматривалась в диссертации В.Н. Дмитриевой "Залоги в современном литературном корейском языке" (4), в трудах А.А. Холодовича (5), Ю.Н. Мазура (6). Что же касается залога в диалектах корейского языка, то он подвергался исследованию в работах Хван Дя Хва "Исследование диалектов Восточного побережья" (7), Чэнг Енг Хо "Исследование диалектов провинции Хамген" (8). Кроме того, в справочнике по грамматике корейского языка С. Мартина содержатся ценные данные по залогам в среднекорейском (9). Категория залога в диалекте Юкчин (ДЮ) коре мар (КМ) до сих пор не исследовался.

3. Залоги в ДЮ

Рассмотрим залоговые формы глагола в диалекте Юкчин и в литературном стандарте корейского языка в сопоставлении.

3.1 Действительный залог представлен нулевым показателем. Он называет действие, коммуникативно нейтрален.

Особо следует сказать о явлении умляута в процессе образования залога в диалекте. Умляут в корейском языке как фонетическое явление является результатом регрессивной ассимиляции. Он выполняет также грамматическую функцию и служит сопутствующим средством выражения залога.

3.2. Пассив

Пассив аналитической формы образуется не только от переходных и непереходных глаголов, но и качественных. Синтаксическая структура пассивного залога: объект в качестве субъекта и предикатив.

Пассив синтетической формы образуют в основном, как было уже отмечено, переходные глаголы. Однако наблюдаются случаи параллельного употребления переходного и непереходного глаголов в одном и том же значении. Так, глагол *пудда* в сочетании с субстантивом *парами* (*парами пудда* 'ветер дует') является непереходным, а в сочетании с субстантивом *пхири* (*пхирыль пудда* 'играть на дудке') - переходным глаголом.

Глагол в пассиве сочетается с подлежащим как с объектом действия. При этом лицо, производящее действие, может не упоминаться. Рассмотрим примеры.

Совпадающие формы пассива, образованные при помощи морфемы *-и*

в диалекте и стандарте.

Исходная форма стандартная		диалектная	
Ккэньнында 'ломать' 'поломанным'	ккэкинда	ккэкинда	'быть поломанным'
Сэньнында 'смешивать' 'помешанным'	сэккинда	сэккинда	'быть помешанным'
Тэмнында 'покрывать' 'быть покрытым'	тэпхинда	тэпхинда	

Ттай нуне тэпхетта. *Земля покрыта снегом.*

Намуачхи ккэкинда. *Ветка ломается.*

Намуачхи кы сарымге ккэкиунда. *Ветка поломана им (он поломал ветку).*

Синтаксическая модель пассива: объект в именительном падеже, субъект (т.е. исполнитель действия) в дательном падеже.

Параллельные формы пассива с *-иу* в только диалекте

<u>Исходная форма</u>	<u>диалектная</u>	<u>стандартная</u>
Ккэньнында 'ломать'	ккэкинда/ккэкиунда	---
Сэньнында 'смешивать'	'сэккинда/ сэккиунда	---
Тэмнында 'покрывать'	тэпхинда/ тэпхиунда	---

Совпадающие формы пассива с *-хи*

<u>Исходная форма</u>	<u>диалектная</u>	<u>стандартная</u>
Ппомнында 'вырывать' 'вырываться'	ппопхинда	ппопхинда

Щимнында 'жевать'	щипхинда	щипхинда
'жеваться'		
Цамнында 'ловить'	цапхинда	цапхинда
'ловиться'		

Параллельные формы пассива с *-хиу* в только диалекте

<u>Исходная форма</u>	<u>диалектная</u>	<u>стандартная</u>
-----------------------	-------------------	--------------------

Ппомнында 'вырывать'	ппопхиунда	---
----------------------	------------	-----

Щимнында 'жевать'	щипхиунда	---
-------------------	-----------	-----

Цамнында 'ловить'	цапхиунда	---
-------------------	-----------	-----

Мургоги цар цапхинда/цапхиунда. *Рыба хорошо ловится.*

Совпадающие формы пассива с *-ги* в диалекте и стандарте

Аннында 'брать на руки'	аньгинда	ангинда	'быть взятым на руки'
-------------------------	----------	---------	-----------------------

Камнында 'закручивать'	камгинда	камгинда	'закручиваться'
------------------------	----------	----------	-----------------

Параллельные формы пассива с *-гиу* в диалекте

Аннында 'брать на руки'	аньгинда/намгиунда	
-------------------------	--------------------	--

Камнында 'закручивать'	камгинда/камгиунда	
------------------------	--------------------	--

Мэри писе камгиватта. *Волосы накрутились на расческе.*

Рассмотрим несовпадающие формы пассива в диалекте и стандарте:

1. В диалекте *-ги* в стандарте *-хи*

Таннында 'закрывать'	тэккинда	такхинда	'закрываться'
----------------------	----------	----------	---------------

Ккомнында 'втыкать'	копкинда	копхинда	'втыкаться'
---------------------	----------	----------	-------------

Кынънында 'чесать'	кыргинда	кырг-хинда	'чесаться'
--------------------	----------	------------	------------

Муннында 'закапывать'	муккинда	муд-хинда	'быть закопанным'
-----------------------	----------	-----------	-------------------

Муни цар тэккинда. *Двери хорошо закрываются.*

2. В диалекте *-ги* в стандарте *-ри*

Йэнда 'открывать'	йэргинда	йэллинда	'открываться'
-------------------	----------	----------	---------------

Тында 'поднимать'	тыргинда	тыллинда	'подниматься'
-------------------	----------	----------	---------------

Тонда 'вращать'	торгинда	толлинда	'вращаться'
-----------------	----------	----------	-------------

Чоедяя парыме наргинда. *Листок бумаги поднимается ветром.*

Данная морфема наиболее продуктивна в диалекте при образовании пассива. Ей соответствует в стандарте морфема *-ри*. Пассивная форма глагола с *-ги* является одной из самых ярких особенностей диалекта Юкчин, свидетельствующая о сохранении архаичных черт, каким является морфема *-ги*.

Аналитические способы образования пассива путем сочетания основного глагола и вспомогательного глагола *тинда*.

диалект		стандарт
Ккянда 'разбивать'	ккядинда	ккячинда
'разбиваться'		
Ццапта 'соленый'	ццабадинда	ццачинда
'быть соленым'		

Отличительные формы образования пассива

В диалекте – *тинда* в стандарте *-хи*

Мэньнында 'есть'	мэгэдинда	мэгхида	'быть съеденным'
Паннында 'получать'	пададинда	падхида	'быть полученным'

Мури ккопук пададетта. *Вода набралась до краев.*

Каузатив

Каузатив образуется в диалекте, также как и в стандарте, от активных глаголов при помощи морфем: *-и, -хи, -ри, -ги, -у, -гу, -чу*. При этом они могут быть и переходными, и непереходными. Каузатив образуется как от переходных глаголов, так и непереходных

Формы каузатива обозначают, что действие осуществляется не субъектом непосредственно, а через второе лицо.

Помимо названных синтетических форм залог выражается также аналитическими формами: пассив - присоединением к основе глагола морфем *-а, -э, -йэ + дида*, каузатив - присоединением *-ге* и *хада*.

Следует отметить, что в анализируемом диалекте наряду с формами пассива и каузатива, образованными с названными морфемами, возможно параллельное употребление форм на *-у*. Ченг Ен Хо выделяет их отдельно: -

иу, -гиу, -хиу. К числу залоговых морфем в диалектах провинции Хамген он не относит морфему *-ри* (10).

Морфемы, присоединяясь к переходным глаголам, образуют трехчленные синтаксические структуры с субъектом действия в инструментальном падеже и объектом действия в винительном падеже. Присоединяясь к активным глаголам, обозначающими процесс, морфемы преобразуют его в переходный.

Следует отметить, что каузатив содержит следующие наиболее характерные значения: 1) побудительное, когда субъект является каузатором действия; 2) приложительное, когда субъект воздействует на объект; 3) запретительное; 4) позволение, допущение. Данные значения реализуются при одних и тех же формальных показателях залога. При этом релевантным признаком, позволяющим дифференцировать их, является контекст.

Рассмотрим примеры соответствия залоговых форм в диалекте и стандарте.

Совпадающие формы каузатива с *-у*.

<u>Исходная форма</u>	<u>диалектная</u>	<u>стандартная</u>
Тханда 'гореть' 'сжигать'	тхäунда	тхäунда
Цхада 'полный' 'наполнять'	цхäунда	цхäунда

Совпадающие формы каузатива с *-и*.

Ссэньнында 'гнить' ссэгинда
ссэгинда 'гноить'

Кканънында *стругать* ккаккинда
ккаккинда 'заставлять *стругать*'

Танънында 'чистить' таккинда
таккинда 'подвергнуть *чистке*'

Кырысы тонъсäры ттаккинда. *Он велит сестренке чистить посуду.*

Совпадающие каузативные формы на *-хи*.

Пудта 'прилипнуть' путхинда путхнда
'прилеплять'

Тэптга 'жаркий' тэпхинда тэпхинда
'нагреть'

Совпадающие каузативные формы на *-ри*.

Пурында 'быть вызванным'	'звать'	пуллинда	пуллинда
Хырында 'сыпать'	'сыпится'	хыллинда	хыллинда

В исследованиях, описывающих Северохамгенский диалект, не указана морфема *-ри* в качестве каузативного элемента. Однако современный Юкчин активно использует морфему *-ри* для образования каузатива. Вероятнее всего данное явление можно рассматривать как результат конвергентного развития диалекта и стандарта.

Отличительные формы каузатива в диалекте и стандарте:

1) в диалекте *-ги*, в стандарте *-ри*

<u>Исходная форма</u>	<u>диалектная</u>	<u>стандартная</u>	
Тхэнда 'трясти'	тхэргинда	тхэллинда	
'заставлять трясти'			
Кэнда 'повесить'	кэргинда	кэллинда	'быть повешенным'

Мундиры кы сарымы тхэргинда. *Заставить его вытрясти пыль.*

Параллельные формы в только диалекте

Тхэнда 'трясти'	тхэргинда/тхэргиунда		
'заставлять трясти'			
Кэнда 'повесить'	кэргинда/	кэргиунда	'быть повешенным'

2) в диалекте *-гу*, в стандарте *-ри*

Тонда 'вращаться'	торгунда	толлинда	'вращать, крутить'
Санда 'жить'	саргунда	саллинда	'оживить'

Соответствие аналитических каузативных форм в диалекте и стандарте

Кирда 'длинный'	кирге ханда	кирге	ханда
'делать длиннее'			
Кхыда 'большой'	кхыге ханда	кхыге	ханда
'делать больше'			

Синтаксическая модель каузатива: субъект в им. падеже (каузатор)+объект в вин.п. (исполнитель) + объект в вин, п., на который воздействует исполнитель, и глагол.

Выводы

1. Под залогом традиционно понимается глагольное действие к его отношению к субъекту: Действие рассматривается либо как совершаемое им, либо как переживаемое им, либо как совершаемое в его интересах с его участием (J.Vendryes, 1937). Таким образом, залог отражает характер семантической взаимосвязи подлежащего, предикатива и дополнения, а залоговые морфемы являются формальным средством их выражения.

2. Пассивный залог в диалекте юкчин, как и в стандартном, представлен корнем глагола и морфемами: *-и, -хи, -ри, -ги*. Каузатив образуется от активных глаголов с помощью морфем: *-и, -хи, -ри, -ги, -у, -гу, -чу* как в диалекте, так и литературном языке. Помимо указанных синтаксических форм залог выражается также аналитическими формами: пассивный - прибавлением морфем *-а, -е, -йе* к основе глагола + *дида*; каузатив - добавлением морфемы *-ке* к основе глагола + *хада*.

3. Необходимо отметить, что в анализируемом диалекте наряду с формами пассива и каузатива, образованными с помощью указанных морфем, возможно параллельное употребление форм с *-иу, -хиу, -риу, -гиу*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
2. Ко Yeon Kun. A Grammar of Middle Korean. Seoul, 1997.
Lee Ik Seop. Korean Linguistics. Seoul, 1997.
Sohn Ho Min. Korean. New-York-London. 1994.
3. Yeon Jae-Hoon. The Korean Causative-Passive Correlation Revisited. Language Research. Vol.27. No. 2. Seoul, 1991.
4. Дмитриева В.Н. Залоги в современном литературном корейском языке. АКД. М., 1964.
5. Холодович А.А. Очерки грамматики корейского языка. М., 1954.
6. Мазур Ю.Н. Корейской язык. М., 1960.

7. Hwang Dae Hwa. An Investigation of East Coast Dialects. 1986.
8. Jeong Yong Ho. An Investigation of Hamgyen Province Dialects. 1988.
9. Martin S. A Reference Grammar of Korean. 1991.
10. Jeong Yong Ho. An Investigation of Hamgyen Province Dialects. 1988.

Известия АН РК. №6. Алматы, 2003. 7 с

KOREAN KINSHIP TERMINOLOGY (Yukchin Dialect of Kore Mar)

The purpose of this paper is the analysis of kinship terminology in Yukchin of Kore Mar¹ - the language of the former USSR Koreans (See. Pak N. 1991, 1996) and a comparison of them with kinship terms of Modern Standart Korean. Our research is based on the list of kinship terms, compiled by Han-Kon Kim (1983)¹.

Korean kinship terminology (KT) is described in detail in the works of Han-Kon Kim (Kim Han-Kon, Korean Kinship Terminology III, IV) and the research of Takesi Sibata², I Sung Myeng, Lee Kwang-Kyu³, Kim Youngsook e.g. As far as kinship terminology of Yukchin dialect is concerned, it was not specifically studied. This article is the first effort of comparing Yukchin Dialect (YD) kinship terms (Pak, Nelly (1991)⁴).

The research of KT is being made in different directions using various methods, - in particular component analysis, as it represents the closed micro-system in itself and its logico-objective contents that completely decomposes into semantic constituents (Goodenough W.H. 1956⁵, Greenberg F.J. 1949⁶).

Kt denotes people and their relationship by blood or by marriage.

KT of Yukchin Dialect is characterized by the following parameters:

1. Type of link (patrimonial (cognate kinship by blood), matrimonial - by marriage)
2. Lineal (direct, collateral, original)
3. Direction (upward, downward, ego)
4. The generation level
5. The level or the degree of collaterally
6. Sex alter (lat. another)
7. Sex ago
8. Age inside the generation.
9. Sex of the linking element

The combination of these elements makes up the logico-objective basis of their semantics.

We have distinguished the following 13 Groups in describing microsystem:

1. Cognate kinship in upward direction
2. Cognate kinship in downward direction
3. Cognate collateral kinship
4. Cognate lateral kinship
5. Cognate-matrimonial lateral kinship
6. Matrimonial lateral kinship
7. Cognate lateral-collateral kinship in upward direction.
8. Cognate lateral-collateral kinship in downward direction.
9. Cognate lateral kinship in downward direction.
10. Matrimonial lateral kinship in downward direction.
11. Matrimonial kinship in upward direction.
12. Matrimonial kinship in downward direction.
13. Adopting tradition terms [Сарыбай 1989, 22-31]7.

Group 1

Yukchin

1. pwumo
- 2 .nyangchin,
nyangpwumo
3. es'i
4. apani, apeci,papa
5. pwuchin
6. tangapani, chinapani
7. amay, emeni,mama
8. chinamay
9. khunapani, hanaypi
10. chinkhunapani
11. khunamay, halmi
12. waykhunapani
13. waykhunamay
14. nokhunapani

15. nokhunamay

16. waykatcip-

nokhunapani

17. waykatcip-

nokhynamay

18. ---

19. ---

Group 2

1. casiki

2. aturi

3. ttari

4. neysiki

5. songkwuni

6. sonic

7. sonnyey

8. waysongkwuni

9. waysonci

10. waysonnyey	sonca
11 cung-soni	sonnye
12.cung-sonci	---

<u>Standart</u>	oysonca
pwumo	oysonnye
yangchin	cung-sonca, samtay-
---	sonca
apeci	
pwuchin	13 cung-sonnyey
chinapeci	14. waycung-soni
emeni	15.waycung-sonci
chinemeni	16. waycung-sonnyey
halapeci, copu	17. kosoni
chinhalapeci	18. kosonci
halmeni, como	19. kosonnyey
oyhalmeni, oycomo	20. waykosoni
oyhalmeni, oycomo	21. waykosonci
samtay-halapeci, cung-	22. waykosonnyey
copwu	23. hwusoni
samtay-halapeci, cung-	<u>Group 3</u>
copwu	1. irchwuni
oycung-copwu	2. ichwuni
oycung-como	3. samchwuni
satay-halapeci, ko-	4. sachwuni
copwu	5. ochwuni
satay-halmeni, ko-	6. nyukchwuni
como	7. chirchwuni
	8. pharchwuni
casik	<u>Group 4</u>
atul	1. orapnupi
ttal	2. ---
yesik	3. tongsaynkani
soncwu	4. ---

5. hyengteykani	sachon
6. sahyengtey	ochon
<u>Ego-male</u>	yukchon
7. hey, mat-hey	chilchon
8. hyengnimi,	phalchon
s'engnimi	
9. tongsay	onwui
10. nupi	nammay
11. tongsayg-nupi	tongsyang
<u>Ego- female</u>	cammay
12. oraypi	hyengcey
13. keyhay-oraypi,	---
tongsayngoraypi	
14. s'eway	hyeng
15. hyengnimi,	hyengnim
s'engnimi	awu, cey
	nwui, nwuna, nwunim
	nwui-tongsayng nwui,
cung-sonnye, samtay-	
sonnye	oppa
---	cey, namtongsayng
oycung-sonca	<u>enni</u>
oycung-sonnye	<u>hyengnim</u>
---	16. tongsay
kosonca, satay-sonca	<u>Group 5</u>
kosonnye, satay-	1. tongseykani
sonnye	<u>Ego - male</u>
---	2. orcciseymi, mat-
oykosonca	hyengnimi
oykosonnye	3. orcciseymi
hwusoni	4. maypi
	5. maypi
ilchon	6. maypi
ichon	<u>Ego - female</u>
samchon	

7. hyengsi	tongseykan
8. teysi	
9. acupani	hyengswu
10. sayweni	ceyswu
<u>Group 6</u>	mayhyeng
<u>Ego - male</u>	maycey
1. isayng-cheynaymi	maypwu
2. cakun-cheynaymi	
3. chey-hey	olkhay-enni
4. chey-te	son-alay-olkhay
<u>Ego - female</u>	hyengpwu
5. su-hey	ceypwu
6. su-aykki	
7. su-nupi	
8. su-nupi	chey-oppa
<u>Group 7</u>	cakun-cheynam
<u>Ego - male</u>	chye-hyeng
1. chinsachwun-hey	chey-cey
2. naysachwun-hey	
3. waysachwun-hey	si-swuk
4. isachwun-hey	si-tongsayng
5. chinsachun-tongsay	si-nwui
6. naysachwun-tongsay	si-nwui
7. waysachwun-tongsay	
8. isachwun-tongsay	cong-hyeng,
9. nyukchwun-hey	chinsachon-hyeng
10. nyukchwun-tongsay	naycong-, naysachon-hyeng
11. nyukchwun-nupi	oycong-, oysachon-hyeng
12. nyukchwun-nwui-tongsay	icong-, isachon-hyeng
yetongsayng	cong-, chinsachon-tongsayng

naycong-, naysachon-
tongsayng
oycong-, oysachon-
tongsayng
icong-, isachon-
tongsayng
caycong-, yukchon-
hyeng
caycong-, yukchon-
tongsayng
caycong-, yukchon-
tongsayng
caycong-, yukchon-
nwui
13. pharchwun-hey
14. pharchwun-tongsay
15. pharchwun-nupi
16. pharchwun-
tongsayng nupi
17. chinsachwun-nupi
18. chisanchwun-
tongsayng nupi
19. naysachwun-nupi
20. naysachwun-
tongsayng nupi
21. waysachwun-nupi
22. waysachwun-
tongsayng nupi
23. isachwun-nupi
24. isachwun-
tongsayng nupi
25. nyukchwun-nupi
26. nyukchwun--
tongsay nupi

27. pharchwun-nupi
28. pharchwun-
tongsayng nupi
Ego female
29. chinsachwun-
s'eway
30. chinsachwun-
tongsayng nupi
31. naysachwun-
s'eway
32. naysachwun-
tongsayng nupi
33. waysachwun-
s'eway
34. waysachwun-
tongsayng nupi
35. isachwun-s'eway
36. isachwun-
tongsayng nupi
37. nyukchwun-s'eway
38. nyukchwun-
tongsayng nupi
39. pharchwun-s'eway
40. pharchwun-
tongsayng nupi
41. chinsachwun-
oraypi
42. naysachwun-oraypi
43. waysachwun-
oraypi
44. isachwun-oraypi
45. nyukchwun-oraypi
46. pharchwun-oraypi
Group 8

1. cokhay
 2. acapcokhay
- samsong-hyeng
samsong-tongsayng
samsong-nwuna
samsong-nwui
chinsachon-nwui
chinsachon-nwui
naycong-sachon-
nwuna
naysachon-nwui
oycong-sachon-nwuna
oycong-sachon-nwui
icong-sachon-nwuna
icong-sachon-nwui
caycong-nwuna
caycong-nwui
samsong-nwuna
samsong-nwui
- chinsachon-enni
chinsachon-tongsayng
naycongsachon-enni
naycongsachon-
tongsayng
oycongsachon-enni
oycongsachon-
tongsayng
icongsachon-enni
icongsachon-
tongsayng
caycong-enni
caycong-tongsayng
- samsong-enni
samsong-tongsayng
chinsachon-oppa
naycongsachon-oppa
oycongsachon-oppa
icongsachon-oppa
caycong-yukchon-oppa
samsong-phalchon-
oppa
3. samchwun-
acapcokhay
 4. sachwun-
tongsayngkani
 5. ochwun-acapcokhay
 6. nyukchwun-
tongsayngkani
 7. chirchwun-
acapcokhay
 8. pharchwun-
tongsayngkani
- Group 9**
1. matapani, khunapeci
 2. samchwuni, acupani,
cakunapeci
 3. waymatapani
 4. waymatapani
 5. matamay, komo
 6. acay, komo
 7. waymatamay, imo
 8. wayacumi, imo

<u>Group 10</u>		
1.	matamay,	paykwu, khunapeci
khunemeni		swukpu, cakunapeci

2.	acumani,	oyswuk
cakunemeni		komo

3.	waymatamay	---
4.	wayacumani	imo
5.	matapani, komopwu	---
6.	acupani, komopwu	
7.	matapani, imopwu	paykmo, khunemeni
8.	acupani, imopwu	swukmo, cakunemeni
		oypaykmo
		oyswukmo
<u>Group 11</u>		
<u>Ego male</u>		
1.	chey che	komopwu
2.	kasu-es'i	komopwu
3.	kasu-apani, kasu-	imopwu
aypi		imopwu
4.	kasu-emi, kasuemi	
5.	chey-halmi	
6.	chey-hanaypi	che, anay
7.	kasu-cipi	---
		cang-in
<u>Ego – female</u>		
8.	nampheyeni	cang-mo
9.	su(s'i)apani	che-como
10.	su(s'i)amay	che-copwu
11.	su(s'i)hanaypi	cheka
12.	su(s'i)halmi	
		namphyen
		si-apeci
		si-emeni
		si-halapeci, s'i-copwu
		si-halmeni, s'i-como
		13. su(s'i)acupani
		14. suka, sucipi

15. pongka

Group 12

1. meynuri
2. sawisawi
3. sonpi
4. sonsey
5. waysonpi
6. waysonsey
7. cungsonpi
8. cungsonsey
9. waycung-sonpi
10. waycung-sonsey
11. kosonpi
12. kosonsey
13. waykosonpi
14. waykosonsey

Group 13

1. ipwut-cas'iki
2. ipwut-eymi
3. ipwut-aupi
4. i-atari
5. i-ttari
6. ipwut-tongsay
7. yang-atari
8. yang-ttari

si-acupani
sika, sitayk
pongka

myenuli, capwu
sawi
sonpwu

sonnye-sawi
oysompwu
oysonny-sawi
cung-sonpwu
cungsonnye-sawi
oycung-sonpwu
oycung-connye-sawi
kosonpwu
kosonnye-sawi
oykosonpwu
oykosonnye-sawi

ipwut-casik
ipwut-emeni
ipwut-apeci
ipwut-atul
ipwut-tal
ipwut-tongsayng
yang-atul
yang-tal

It is known that kinship terminology refers to the most archaic lexic layers of any language and constitutes its basic word stock. Comparative study of YD terms and Standart Korean shows common features of most terms. But alongside with common terms, for example *pwumo*, *pwuchin*, *mochin* there are differences as well: lexical, phonetic and morphological. Dialectic peculiarities of describing terms can be explained by both archaic usage of a number of lexems and their language processes in particular phonetic and morphological wordcombinations. Let's take lexical, semantic, phonetic and morphological peculiarities of Yukchin dialect kinship terms.

Lexical peculiarities

It is known that 15-17 percent of vocabulary of any language is renewed every one thousand years. Some words are dropped from the use and the new words are coined. However the former words are remained in dialect longer than in Literary Standart. For example, the term *es'i* is actively used in YD but is not used in the Modern Korean Language. It is market as obsolete in dictionaries. Terms *no-khunamay*, *no-khunapani* are used mainly in dialects. At the same time the terms *como*, *copwu*, *cung-como*, *cung-copwu*, *samtay-halmeni*, *samtay-halapeci* are not used in Yukchin dialect. Lexems *como*, *copu* at present are out use both in YD and in other Kore mar dialects. Below are more examples of kinship terms differences.

Group 4. We have cases when to mark direct downward kinship terms in YD and Standart different lexems are used: *keyhay-oraypi awu*, *s'eway*, *heway=enni*, *isayng-oraypi-oppa*. It should be noted that the lexem *keyhay* in combination with "brother" and "sister" is used to denote younger brother and sister, but is not used in Standart Korean but at the same time for YD speakers lexems *nammay*, *cammay* are not familiar.

Group 5. Essential differences are market in list 5. Terms denoting matrimonial links for brothers and sisters are quite different than in Standart. In subgroup for Ego male sex: *mat-*

hyengnimi hyengswu, orcciseymi = ceyswu, maypi = mayhyeng, maycey; for female sex: hyengsi = olkhay, tesi = son-alay-olkhay, acupani hyengpwu, sayweni = ceypwu.

Group 6. This group is characterized by the difference in denoting elder husband's brother: *su-hey = siswuk*, younger husband's brother: *su-aykki = si-tongsayng*.

In terms of groups 7-8, the classification of relatives differs from that of other language families. There are representatives of two generations category - downward and upward. Such collateral- aged classification discovered by L. Shternberg (Shternnerg, 1933)⁸ was called "sliding" counting of generations. Such peculiarity of a kinship term system is used by all peoples in the Uralo-Altai language family. Shternberg explains this phenomenon by marriage between different generations in Tungus family for example between uncle and niece. There are, however some other points of view. Anisimov (Anisimov, 1936)⁹ wrote that Evenks' sliding counting is evidence of the prohibition of marriages peoples of different generations, for example between father and daughter, mother and son to avoid bloodmixing.

Group 9-10. Terms denoting aunts and uncles. There are terms divergences denoting elder brother and younger brother in YD and Standart: *matapani = paykpwu, samchwuni swukpwu, matamay = paykmo, acumani = swukmo*. But in YD terms are used alongside with terms *komo, komopwu, imo imopwu*. In kinship terms system of Korean names of aunts and uncles, sisters and brothers are individualized.

Group 11. Let's mark lexical differences. For Ego-male sex: *kasu-cipi cheka, kasu-apani cang-in, kasu-emeni cang-mo, = I chey-halmi = che-como, chey-hanaypi = che-copwu.*

Semantic peculiarities

Lexems *amay, apani* in modern Kore mar mean grandmother and grandfather. Meaning of father and mother are forced out by Russian borrowings "*mama*" and "*papa*".

Phonetic peculiarities of separate dialect kinship terms sometimes give the possibility to establish earlier variant of this or that term.

1. The difference of phonetic character. The initial *n-* in the = words *nyangchi yangchin, nyukchin yukchin*. It is known that = YD reflects the feature of North-Hamgyeng province where initial *n-* is a characteristic phonetic feature.

2. The absence of noun's nasal ending. *Hye* instead of *hyeng, tongsay tongsayng* of Standart. But in the compound words form = *hyeng-* (*hyengnimi*) is used.

3. The reduction of final vowels *-u+i* gave in YD *-i*. So, *maypi=maypwu +i, sonpi=sonpwuti, sonci-sonca+i, sonnyey sonnye+i*. In YD the hard variant *-t-* is preserved: *chey-tey chye-cey*. Differences such as *nupi* we refer to phonetic ones.

Morphological peculiarities

There is the ancient formant *-i* preserved in YD: *casik-i, ttal-i, atul-i, ilchwun-i, hyengnim-i*.

Wordformation

There are differences in YD and Standart in the formation of compound terms. To denote cognates by blood in YD is used as the complex *no-* and in Standart *cung-, samtay-*: *no-khunamay = cung-copwu, samtay-halapeci; no-khunapani = halmeni*.

Terms *tang-* are in YD more used (*tang-apani tang-aturi*) than in Standart (*tang-swuk*). The lexem of the Standart *son-cwu* corresponds to the term *song-kwuni*.

The terms of lateral removed kinship are formed by a combination of different lexems in YD and in Standart: in YD by the combination of *sachwun-, nyukchwun-, phalchwun-* with the terms *hey, tongsay, nupi, nwui-tongsay* (*sachwun-hey, nyukchwun-tongsay, pharchwun-nupi*). In Standart parallel with *sachwun-, yukchwun-, phalchwun-* are used *cong-, caycong-, samsong-(cong-hyeng, caycong-tongsayng, phalchon-nuna)*.

In group 12 the term denoting the granddaughter's husband corresponds in YD to the compound word *son-sey*, in Standart - *sonnye-sawi*.

Its necessary to note that classification kinship terms is carried out only by denotative criteria.

The Korean kinship system is typologically close to the kinship terms of eastern peoples. Bickbulatov identified the specific characteristics of vertical kinship classification of Turks, Mongolians, Tungus-Manzhurs, Samodians and Ugro-Finns (Bickbulatov N., 1983)¹⁰. Areal observations in Ural-Altai kinship systems reveal the sliding.

For example, Collateral blood kinship in downward direction.

1. cokhay
2. acapcokhay
3. samchwun-acapcokhay
4. sachwun-tongsayngkani
5. ochwun-acapcokhay
6. nhyukchwun-acapcokhay
7. chirchwun-acapcokhay
8. pharchwun-tingsayngkani

The comparative analysis shows that basis of KT is common for YD and Modern Standart Korean. However, there are differences between them. They are explained by the several linguistic processes and by the archaic usage of a number of lexems in dialect. They are several centuries closer to the common source of any national language

Dialects are the result of the natural language development. One of the peculiarities of YD is that it has preserved the original Korean stratum of lexics in the analyzed microsystem unlike the Standard, in which Sino-Korean and Chinese words are mainly used.

In spite of the fact that Korean kinship terminology is studied well enough, further investigation remains current and

continues to excite the interest of linguists. Its diachronical analysis including ancient written monuments and comparative study of Korean term system and term systems of other kindred nations can present valuable material for better understanding the history development of Korean society. Thus, linguistic criteria for defining of the kinship term's types are objective and can be the basic for the conclusions. Moreover, the use of dialect data, especially Yukchin (that is one of the ancient dialects) can present a more convincing and complete set of material.

The comparative characteristic of the Korean language dialect system can be used for the study of kinship terms from the historical point of view and for the reconstruction of the previous stages of contemporary system development. Comparison of common and specific elements in systems of kindred nations peculiarities of the most ancient stratum of kinship terms can be revealed. The comparative characteristic of dialect systems and Korean Modern Standard is of great interest for dialectology, semantics, lexicography and ethnography. It can be distinguished by comparing of the ancient levels with those that followed.

References:

1. Kim, Han-Kon (1983), "Korean Kinship Terminology (II)", *Language Research* 12.21-68.
2. Takesi Sibata (1970), "Korean Sibling Terms and their Structure". *Studies in General and Oriental Linguistics*. Tokyo, Japan, 517-524.
3. Lee Kwang-Kyu, Kim Youngsook, "Teknonymy and Geononymy in Korean Kinship Terminology" *Ethnology*, 31-46.
4. Pak, Nelly (1991), "On Korean Dialects in the USSR". *Korean Linguistics and Korean Language Education in the USSR*. Seoul.

5. Goodenough W.H. (1956), "Componential Analysis and the Study of Meaning", *Language*, Vol.32.195-216.
6. Greenberg F.Y. (1949), A semantic Analysis of the Pawnee Kinship usage. *Ibid.*158-194.
7. Сарыбаева М.Ш. (1989). «Опыт сопоставительного анализа терминосистем родства русского, казахского и английского языков». Изб. АН Каз.ССР Серия филологическая. 3, 22-31.
8. Штернберг Л. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.
9. Анисимов А. Родовое общество эвенков. Л., 1936.
10. Бикбулатов Н.В. (1983). «Скользкий счет поколений в урало-алтайских системах родства». Ареальные исследования в языкознания и этнографии.

Известия Корееведения Казахстана. Вып. I. Алматы, 1996. С 87-99.

DIVERGENT PROCESSES IN LANGUAGE DEVELOPMENT (YUKCHIN DIALECT)

The language spoken by the Koreans in the former USSR is essentially different from that of the Korean Peninsula. In the course of almost one hundred and fifty years of independent existence in new territory, of which some sixty years passed under conditions of complete isolation from its ethnic homeland, a new variant of the Korean language came into being - *Kore mar*. Two dialects, Yukchin and Myengchen, whose speakers come from North Hamkyong Province, form the basis of *Kore mar*.

As is well known, Yukchin is one of the most archaic Korean dialects. Its archaic features were preserved thanks to the peculiar destiny of its speakers, who have experienced several successive migrations: the first in the early 15th century, from the central part of Korea to the region of Yukchin (or Yugip), the northernmost part of the North Hamkyong Province; the second was during the years 1863-1884 from the Yugip region to Russia's Far East, and the third was the deportation in the years 1935-1937 from the Far East to Kazakhstan and Uzbekistan (1, Pak N. 1991).

The dialect of Yukchin was the idiom of the majority of the early Korean settlers. They spoke it at home and within their ethnic community. At first it was uniform because the first wave of settlers all came from the same part of Korea: North Harkyeng (Onseng, Kyengwen, Kyenghung, congseng, Hoylyeng, Pulyeng). The settlers of the second and third periods (from the regions of Myengchen, Kilchu, Kyengsen, Hakseng) spoke another dialect, referred to as Myengchen. In the course of time the two dialects interacted and intermingled giving rise to a common form of speech - a *koiné*. Since the Myengchen speakers essentially outnumbered the speakers of Yukchin, the dialect with fewer speakers was assimilated by the more numerous dialect. As a result Myengchen was more active. Yet of these two *Kore mar* dialects Yukchin is of greater scientific significance. Some of its phonetic, morphological and lexical features have been given in the research of Ogura Shimpei (2, Ogura, 1940) and Ross King research (3, King 1990, 1991).

Certain phonological, morphological and lexical relics of the ancient Korean period recur in Yukchin, and broad trends of development are observable.

It is universally known that in the development of a language there are two opposing processes: those of divergence and convergence, which are both simultaneously active in the same language, which is also true of literary Korean as exists in Korea.

The divergent modifications of languages, the processes of their birth and evolution, result from the separation of related languages or dialects due to peculiar social and historical circumstances, viz.: geographical and/or political isolation, migration, contacts with other languages, etc. In the Yukchin dialect the above-mentioned extra-linguistic factors caused the predominance of divergent processes which resulted in the preservation of archaisms and the formation of innovations.

Consider some phonetic and phonological archaisms. As is known, in the 15th century there existed the fricative *W* [β] which when a syllable ultima changed into *p*. This sound alteration can be found in verbal and adjectival roots and in the suffix *saW/sōp* (4, Cholodovich A.A., 1986).

	tiW-	dark	-otipta
toW-	to help		-topta
toW-	warm		-topta
nuW-	to lie		-nupta

In the intervocal position *W* [β] weakened, resulting in *w*, and the MLS alteration between / *w* / and / *o* /: / *nwupta* - *nwuwe*, *etwupta*, *etwuwe*, *tepta*, *tewe*/, etc. The Yukchin dialect preserves the pre Middle Korean situation, i.e. it never underwent the weakening of intervocalic *-p-* to *-W-* and *-w / o -*: *nuboa*, *adubola*, *tobola tobaalzaa*.

Consider some examples of "irregular" verbs in Modern Literary Standard (MLS) and in Yukchin, where this process is clearly manifested.

<u>Meaning</u>	<u>MLS</u>	<u>Yukchin</u>
difficult	oryopsimnida-oryowso	oryobaso
close	kakkapsimnida-kakkawoso	kakkabaso
dirty	toropsimnida-torowoso	torobaso

Yukchin has also preserved the archaic dental consonant / *tx* / before / *i, y* /, which in Modern Korean has given **tsh** thanks to

palatalization (alongside the original **tsh**), Yukchin *katxi* - MLS *katshi* 'together', Yukchin *txinda* - MLS *tshinda* 'beats', Yukchin *bxemeni* - MLS *tshemyan* 'consciousness, understanding, Yukchin *nyo* M *mtxe* - MLS *yamtshhe* 'conscience (5, for other phonetic peculiarities in Yukchin, see Zhao Xi and Xuan Dewu, 1986).

The fricatives **š** and **šš** have also survived in Yukchin, though do not exist in Modern Korean. They aren't independent phonemes, eg: *šimada* to be thorough - *ššimada* 'to be malicious. The phonemes **š** and **šš** correspond in Modern Korean to / **s** / and / **ss** /.

[š] <u>Yukchin</u> - [s] <u>MLS</u>	[šš] <u>Yukchin</u> - [ss] <u>MLS</u>
šonda -sonda 'stands up'	ššonda – ssonda 'puts on light'
šunada -sunada 'nice seed'	ššidasi – ssiat 'sowing seed'
šubagi - subag 'watermelon'	

In MLS it is necessary to differentiate **[š]** as a plain variant of the phoneme / **s** /. This variant is registered in MLS, e.g. **[š]** - *šida* 'sour', *širaegi* 'dry leaves of the cabbage'; / **š** / is an independent phoneme in Yukchin dialect: *ttagi sanda* "bread is not baked enough - *ari šonda* " 'gets pregnant': *suktakkorinda* 'stitches - *šuktakkarinda* 'whispers with smb.'.

The phoneme / **šš** /, which is opposed to the tense phoneme / **ss** /, is not registered in MLS. It is necessary to differentiate the analyzed phoneme from the plain phoneme / **š** /. In sound it is like the Russian phoneme **shch** **[šš]**. But this likeness is in no way a Russian borrowing. This phoneme occurs in initial position and at the juncture of morphemes. In this paper we only claim the existence of the phonemes /**š**/ and /**šš**/ in modern Yukchin, but we do not touch upon the complicated problems of their etymology, which is the object of our next articles for, (6, a-clusters, see Ramsey S. R. 1977).

As already mentioned, the essence of the divergence process is that the dialect has preserved on the one hand some most archaic features, apparently from the pre-Middle Korean period, and on the other, there have appeared innovations. As a result, modern Yukchin may serve as an important, reliable source in the reconstruction of Old Korean. Stressing the necessity and value of dialect studies, Lee Ki Moon wrote:

"Um den Mangel an Literaturquellen arbeiten, stützen sich die Koreanischen Sprachhistoriker auf die vergleichende Methode, die innere Rekonstruktion und die Dialektologie" [7, Lee Ki Moon, 1977, S. 4]. "Betrachtet Man die literarischen Quellen des Neukoreanischen aus dem 17. Jahrhundert und vergleicht sie mit den mittelkoreanischen des 15. Jahrhunderts, so entdeckt man eine deutliche Sprachveränderung. Diese kann als Ergebnis verschiedener wichtiger Wandlungen, hauptsächlich des 16. Jahrhunderts angesehen werden" [Lee Kim Moon, 1977, S. 246].

Therefore, dialect reconstruction allows to follow phonological changes, in particular those which are not reflected at all, or indirectly reflected in written sources.

In the course of its historical development the vocabulary of a language is most susceptible to change. This is caused by both extra- and intralinguistic reasons.

The deportation of the Koreans brought about changes in the material and spiritual culture which promoted the appearance of words denoting phenomena and notions new to the speakers of Yukchin (8. Kho Songmoo, 1987; 9. Kim Hyeng Kyu, 1974; 10. Kim Thay Kyun, 1986; 11. The Great Korean-Russian Dictionary, 1976).

Words connected with the new material culture *kurušiva paniri* 'knitting hook', *šabagi* 'shoes, boots', *koranniŋsai* 'chair', *nambukkiri* mi 'kerosene', *tšhxonsobetxi* 'village Soviet'.

Some of these words became obsolete and fell out of the vocabulary with the changing way of life and traditions: *tadimdae* 'stone base for beating laundry', *paŋtšhxidori* 'stone on which linen are washed', *sambukdtšibi* 'a house where the memorial rites for three deceased people are observed', *mele* 'reburial'.

It should however be noted that the core of the vocabulary of any language, including Korean, the vocabulary of which is characterized by great stability, is formed by the ancient lexical layer. The most stable remnants of this ancient vocabulary layer are nouns denoting natural phenomena, celestial bodies, atmospheric phenomena, the alternation of day and night, seasons, water, fire, earth, etc.

Of the intralinguistic factors promoting the divergence processes we shall mention the purely internal processes of lexical development.

Nomination transfer:

When peoples resettle to another geographic environment the old names are often transferred onto vegetation and animal species of the new country. So, the name for Manchurian nut-tree *karætxoši* is transferred onto the walnut (in Kazakhstan and Middle Asia), *setšhxeŋi* 'small fish' (in the Far East)- 'gudgeon' (in Kazakhstan and Middle Asia), *norgadži* 'wild goat' (in the Far East)- 'rock goat' (in Kazakhstan and Middle Asia).

As a result of the semantic development new meanings and accessory meanings appear which in some cases may completely oust the older ones: *pingoi* 'mortuary' (in Yukchin)-ice (in MLS), *pundædžæ*, *pundædžang* 'team-leader' (in Yukchin)-commander of a detachment' (in MLS), *pudæ* 'pood' (Russian measure of weight) (in Yukchin) 'counting particle for sacks' (in MLS), *tšangmuri* 'soup (any)' (in Yukchin)-'water with soya sauce' (in MLS). In Soviet times some words acquired a pejorative meaning: *kobondžir*- 'illegal leasehold, *tfaŋsekkuni*-'speculator'

Broadening and/or narrowing of meaning:

nīngim 'apple' in [Yukchin]- *nīngim* 'wild apple' (in MLS), *sagwa* 'apple; *morgi* 'grapes', literary-moru 'wild grapes', *pxodo* 'grapes'; *xinttogi* 'bread (Yukchin) - *ttok* 'ricecake' (in MLS). These lexemes came to denote more general notions, having broadened their meaning.

Loan-words and calques from Russian and Turkic languages:

medire "bucket' < R. vedro, *kkoykkæ* 'bedstead' <R. koyka, *pidž ikkæ* 'matches' <R. spichka, spichki, *šakkæ* 'cap' <R. shapka, *pomidori* 'tomato <R. pomidor, *mullakkæ* 'pin' <R. bulaka *pešipparmak* <Kazakh beshbarmak (mutton cooked with dough à la Kazakh)', *payga* <Kazakh baiga (Kazakh horse races), *kumīssi* meanings which under the circumstances of the USSR is different from those in the MLS.

In the present paper we refrain from discussing the problem of parts of speech and the various opinions on what pronouns are.

As is known the term pronoun (pronomina) indicates that it is a substitute for nouns. However, the first two persons do not substitute for any nouns. They possess a lexical meaning of their own and unlike other pronouns are closer to nouns. Consider the system of *personal pronouns* in Yukchin.

Singular

Plural

1st person		
1st level	na/nae	uri[dor]
2nd level		
2nd person		
1st level	no/ne	nodor
2nd level	tso/tse	tsodor
3rd level	tajsin	tajsendor
3rd person		
1st level	ka, tsa	kadori,
tsadori		
2nd level	i/ki/tso sarim, -i	i/ki/tso
sarimdor, -i		
3rd level	i/ki/tso nyajban, -i	i/ki/tso
nyajbandor, -i		

In the dialectal microsystem functioning on the territory of the former USSR the personal pronouns do not correspond to the system in MLS. The differences concern the list of pronouns, the range of usage and semantic variation.

Range of usage. From the speaker's and listener's point of view the dialect has a peculiarity: in the 2nd and 3rd persons three levels of politeness are differentiated.

The 2nd person pronoun of the 1st level [**ne**] is used when addressing juniors, the 2nd level pronoun [**tše**] is used when addressing equals in age and position, the 3rd level is used when addressing seniors in age and position. The 3rd person pronoun of the 1st level [**ka**] is used when speaking of one's junior, the pronoun [**tša**] of the same stage unlike [**ka**] contains the notion of distance, i.e. [**tša**] is at a greater distance from the speaker than [**ka**]. To indicate a person equal in age and position with the speaker the demonstrative pronoun [**ki**] and the word [**sarimi**] are used. To indicate a third person in the 3rd level the word [**nyajbani**] is used in Yukchin. In MLS the form [**nyajbani**] is obsolete. In the plural Yukchin uses the same pronouns as in the singular with the plural suffix [**-dor**] added. The pronouns of the 3rd person occupy a special place in the system of pronouns. The 3rd person as E. Benveniste points out is actually a 'non-person'. "In the formal class of nomina the so called pronouns of the 3rd person are in their nature and function quite different from 'I' and 'thou'. They substitute or repeat various elements of the utterance.

Together with 'I' and 'thou' it seems an equal member of a tripartite paradigm. Yet in reality the symmetry is only a formal one" (12. Benveniste, 1974).

The pronouns of the 3rd person [ka] and [tʃa] being in origin demonstrative pronouns differ in the dialect also by another feature-expressing spatial relations.

The most notable difference from the literary norm is the use of all forms of the pronouns of the 2nd and 3rd persons as a live norm of the dialect.

Demonstrative pronouns:

Yukchin has the same pronouns as MLS: [i]-this, [ki]-that, [tsa]- that (over there).

Interrogative and Indefinite pronouns

<u>Yukchin</u>		<u>MLS</u>	
nugi	who	nugu	who
musige	what	muat	what
musin sarim	what kind	musin saram	what kind of
man of man			
amu	somebody	anu	somebody
amuge	something	amugat	something
	anything		anything
amukkae	anybody	amugae	anybody
	nobody's		anybody's
odime	where	odie	where
odimeri	where (to)	odi	where (to)
ommae	how many	olma	how many
ondze	when	ondze	when
ottokxe	how	ottokxe	how
metshi	how many	myot	how many
oni	what, which	oni	what, which
otton	what, what	otton, wen	what, what
kind of			

REFERENCES

1. Pak, N. (1991), "On Korean Dialects in the USSR", Korean Linguistics and Korean Language Education in the USSR, Seoul.

2. Ogura, Shimpei (1940), *The Outline of the Korean Dialects*, Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, No. 12, Tokyo.

3. King, J.R.P. (1978), "An Introduction to Soviet Korean", *Language Research* v. 23, No. 2. (1991), *Russian Sources on Korean Dialects*, Ph.D. dissertation, Harvard University Linguistics Department. (1992), "Archaisms and Innovations in Soviet Korean Dialects", *Language Research* v. 28, No. 2.

4. Xolodovich, A.A. (1986), *Materialy po grammatike koreiskogo iazyka*. 15 v. Vyp. 5.

5. Zhao, Xi and Xuan Dewu (1986), "Chaoxianyu Liuzhenhwa de Fangyan Tedian (Dialect Characteristics of Korean Yukchin Speech)", *Minzu Yuwen* 5.

6. Ramsey, S. Robert (1977), "S-clusters and Reinforced Consonants", *Papers in Korean Linguistics*, Proceedings of the Symposium on Korean Linguistics, University Hawaii.

7. Lee, Ki-Moon (1977), *Geschichte der koreanischen Sprache*, Wiesbaden.

8. Kho, Songmoo (1978), *Koreans in Central Asia*, Helsinki.

9. Kim, Hyeng-Kyu (1974), *Hankwuk Pangen Yenkwu (Research on Korean Dialects)*, Seoul: Sewul Tayhakkyo Chwulphanpu.

10. Kim, Thay-Kyun (1986), *Hampuk Pangen Sacen [Dictionary of North Hamkyeng Dialect]*, Seoul: Kyengki Tayhakkyo Chwulphanpu.

11. *Bol'shoi koreisko-russkii slovar'*, 2 vols., Moskva, 1976.

12. Benveriste, E. (1974). *General Linguistics*, Moscow, Russian.

Essays in honor of KI-MOON LEE. Seoul, 1996., p.1050–1062.

РАЗДЕЛ 2. КОЙНЕЗИРОВАННЫЙ ВАРИАНТ ЯЗЫКА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН – КОРЕ МАР

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕ МАР

С изменением лингвистической ситуации в стране (бывшем СССР) настало время научного осмысления языковых процессов, происходящих в нашем этнолингвистическом обществе.

Язык, на котором говорят корейцы бывшего СССР, существенно отличается от языка Корейского полуострова. За 159-летний период самостоятельного функционирования на новой родине, из них 85 лет в условиях относительной изоляции и 74 лет абсолютной изоляции от своей этнической родины, сложился вариант корейского языка - Коре Мар.

Приведем наиболее яркие фонологические черты, свойственные Коре мар.

1. Звук [р] во всех позициях, кроме перед [л], произносится как русский [р], в отличие от современного корейского стандарта:

[коре мар] [коре маль] 'корейский язык',

[сеур] [сэуль] 'Сеул',

[сарымдэр] [сарамдыль] 'люди'.

2. Перед гласными [и, й] в Коре мар опускается носовой [нь]:

[саи] [санъ] 'стол',

[ттаи] [ттанъ] 'земля'.

Покажем некоторые отличительные морфологические черты Коре мар.

1. В именительном падеже у существительных отсутствует окончание [-га] и сохраняется архаичное [-и].

2. Самая яркая особенность Коре мар — это

глагольные формы конечной предикации:

[ка - ккума] — повествовательная вежливая форма,

[ка - мду] — вопросительная вежливая форма,

[ка - пшэ] — повелительная форма,

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

[ка - гипшэ] — пригласительная форма.

Происхождение окончаний [-ккума], [-мду] до настоящего времени не выяснено. Правда, существует версия, согласно которой они являются маньчжурскими субстратами.

Что касается форм конечной предикации, то их можно разделить на две группы.

Первая группа — между Коре мар (КМ) и современным корейским стандартом (СКС) существуют лишь фонетические различия:

КМ СКС

[-му] [-мйэн] союз *если*, например: [катхи о - му] ‘если придут вместе’,

[-ме] [-мйэ] деепричастная форма, например: [мар хаме] ‘разговаривая’.

Вторая группа — отсутствие форм в СКС или при наличии форм - иная семантика:

[-ллä] [ораби-ллä] ‘из - за брата’, [-рира] [ка-рира] ‘иначе уйдёт’.

Следует отметить, что Коре мар функционирует в настоящее время в основном в устной речи. Письменная и устная разновидности в любом языке, в том числе и Коре мар, имеют свои отличительные особенности. Однако и генетически, и функционально их объединяет общенародная основа. Коре мар включает в себя именно ту общенародную основу, которая сложилась и обогащалась в течение многих веков этническим коллективом Корейского полуострова. Таким образом, Коре мар базируется на той же основе, что и Пхеньянский и Сеульский стандарты. Характерной особенностью Коре мар является то, что он сохранил вследствие длительной изоляции значительный слой исконно корейской лексики, утраченной на полуострове. Коре мар включает в себя также диалектные особенности Северохаменского диалекта.

Обратимся кратко к истории развития Коре мар.

Родным языком первых корейских переселенцев с Корейского полуострова, употребляемым в общении в семье и этносреде, был диалект. Первоначально он был однороден, поскольку носители его происходили из одной местности

Кореи - региона Югып, или иначе Юкчин (кит.: 6 городов или 6 крепостей), самой северной части Северохамгенской провинции. К этому региону относятся Онсон, Хверен, Кенсон, Генвон, Генхын, Пурен. Жители этого региона, переселившиеся в Россию после 1863 г., говорили на диалекте Юкчин.

Ко второй волне относятся лица, переселившиеся в Россию после 1884 г. из других регионов Северохамгенской провинции. Большею частью это были выходцы из Менчэн, Кильчу, Генсон, Хаксон. Жители его являлись носителями другого диалекта, который мы называем Менчхэн.

Расхождения между диалектами незначительны, и сегодня они не препятствуют общению.

Назовем фонетические различия между диалектами Юкчин и Менчхэн.

1. Палатализация [ки , кы] в [чи] Менчэн.

Юкчин

[кидаринда]

[кири]

[кимчхи]

нч

Менчхэн

[чидаринда] 'ждет'

[чири] 'дорога'

[чимчхи] 'кимчхи'

2. Юкчин сохранил в некоторых позициях архаичный

[ш]: [шундä]

[шубаги]

[сундä] 'кровяная колбаса'

[субаги] 'арбуз'

3. Юкчин сохранил согласный [н] перед [и , й] (как и Пхеньянский стандарт): [нибури]

[ибури] 'одеяло'

[нйеммари]

[ниппари]

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

[йэммар] ‘сказка, легенда’

[иппар] ‘зубы’

С течением времени происходит взаимодействие и смешение диалектов и превращения их в «общую» речь — койне. Сами языковые процессы смешения еще предстоит изучить.

До 1937 г., до депортации корейцев в Среднюю Азию и Казахстан, Коре мар имел достаточно высокий социальный статус в пределах Дальневосточного региона, где компактно проживали корейцы: он являлся средством публичной речи, печати, радио, т. е. он выполнял все функции, свойственные любому литературному языку. Складывающаяся норма Коре мар находила отражение в устной речи образованных людей. Ныне здравствующие представители старшего поколения, которым сегодня за 70 лет, помнят такие имена, как Афанасий Арсеньевич Ким, Лев Петрович Цой, Яков Андреевич Ким, Михаил Николаевич Ким, прекрасно владевшие Коре мар.

Изучение Коре мар начато на российском Дальнем Востоке во 2-й половине XIX в. Первые работы носили чисто прикладной характер. Это были в основном разговорники и словари. Первая публикация «Корейская азбука» под редакцией В. Г. Пьянкова появилась в России на нескольких страницах в 1874 г.¹. В этом же году вышел словарь М. Пуцилло «Опыт русско-корейского словаря»². Особо следует отметить учебные пособия, составленные студентами Казанского учительского семинара Яковом Андреевичем Кимом, Моисеем Павловичем Ляном, Михаилом Васильевичем Тяном, Петром Елисеевичем Ханом, «Русского букваря для корейских школ»³ студентом Омской учительской семинарии Павлом Филипповичем Ни. Все они выходцы из Посыетского района Приморской области.

Самые ранние разработки на Коре мар, к которым следует отнести работы до 1917 г., наиболее ценны не только для изучения Коре мар, но и для истории корейской лингвистики. Они содержат весьма ценную информацию вследствие того, что их авторы, а также информанты, с которыми они работали, были первыми переселенцами Северного Хамгена, на основе языка которого и сложился

Коре мар. С этими работами связывается начало кодификации нормы Коре мар, нашедшей свое лексикографическое выражение. Из разработок после отмеченного периода особое место занимают две грамматики: «Грамматика корейского языка» О. Чхан Хвана⁴ и «Грамматика корейского языка» Ге Бон У.⁵ При этом названные грамматики созданы на различных основаниях: О Чан Хван следовал русской традиции, а Ге Бон У — корейской. В грамматике О Чан Хвана впервые дана унифицированная орфография и грамматика Коре мар. Из двух грамматик, представленных на рассмотрение Комитета по корейской грамматике при Министерстве образования, была принята в качестве нормативной работа О Чан Хвана.

До настоящего времени Коре мар не был предметом научного исследования. В советском корееведении следует назвать лишь кандидатскую диссертацию О. М. Ким «Особенности русской речи корейцев УзбССР (фонетико-морфологический очерк)»⁶. Есть также работы, где эпизодически описываются отдельные факты Коре мар.

Однако в последнее время к Коре мар особый интерес проявляют зарубежные корееведы. Защищена докторская диссертация в Гарвардском университете США Россом Кингом в 1991 г.⁷ В монографии профессора Ко Сон Му «Корейцы в советской Центральной Азии»⁸ раздел посвящен функционированию Коре мар.

Интерес к нашему языку не случаен. Уникальность Коре мар заключается в его архаичности. Один из его диалектов — Юкчин — является наиболее архаичным из всех ныне существующих диалектов корейского языка. В нем содержатся элементы, восходящие к периоду до позднего среднекорейского языка, т.е. до XV века. Изучение Юкчин чрезвычайно ценно для истории корейского языка, этимологии, проблем языковой реконструкции.

Исследование структуры и лексического состава Коре мар, сопоставление с литературным стандартом корейского языка привело следователей к единому мнению о том, что Коре мар представляет собой вариант корейского языка.

Рассмотрим лингвистические критерии разграничения языка и диалекта. Вопрос этот достаточно сложный, во-

первых, ввиду отсутствия ясных критериев разграничения понятий «язык» и «диалект», и, во-вторых, из-за того, что формирование письменной нормы, принятой в 1929-1930 гг., было прервано переселением корейцев с Дальнего Востока.

Приведем критерии, на которые опираются для определения понятий «язык» и «диалект» в советском языкознании. Так, Л. И. Баранникова под языком понимает «определенную систему коммуникативных средств, используемых в данном этническом коллективе. Под диалектом понимается один из территориальных вариантов общеязыковой системы коммуникативных средств, которые используются частью этнического коллектива и характеризуются определенной функциональной ограниченностью»⁹. Таким образом, в основу разграничения языка и диалекта положены три признака: социальный, функциональный, территориальный. Первый признак проявляется в том, что язык обслуживает весь коллектив, все слои общества, диалект - его часть. Согласно второму признаку, у языка отмечается многообразие функций, у диалекта —ограниченность. По третьему признаку язык обслуживает всю этническую общность, проживающую на данной территории, диалект — территориально ограничен.

С точки зрения рассмотренных критериев Коре мар удовлетворяет первому и третьему критериям, т. е. социальному и территориальному. Что же касается функционального критерия, то функции его в настоящее время ограничены. Коре мар стал средством преимущественно повседневного бытового общения.

Рассматривая взаимоотношения общенародного языка и его территориально дифференцированных диалектов, В. М. Жирмунский считает, что «местные диалекты общенационального языка являются результатами его дифференциации в условиях ослабленного общения. При дальнейшем уменьшении или прекращении общения, обычно связанных с распадом общественного коллектива, дифференциация диалектов приводит к распадению общенародного языкового коллектива, т. е. превращению диалектов в самостоятельные языки»¹⁰. Согласно В. М. Жирмунскому, основным условием, ведущим к появлению

различий в языке, является локальное разобщение. Именно территориальная разобщенность привела к расхождению групп родственных диалектов, как например, славянские, германские и ряд других, которые с течением времени становятся самостоятельными языками.

В условиях расширяющихся контактов с соотечественниками Корейского полуострова в нашем этническом обществе создается ситуация, когда функционируют два варианта одного языка. Появляются лица, говорящие и на Коре мар и на современном литературном стандарте. Она может трактоваться как своеобразная диглоссия. Подобная ситуация была на Руси до XVII в., когда функционировали два языка: древнеславянский и русский. Особый интерес представляет в этой связи концепция диглоссии, сформулированная американским лингвистом Ч. Фергюсоном¹¹. Она вышла из недр современной социолингвистики и вызывает в последние годы большой интерес у специалистов, занимающихся языковыми ситуациями в многоязычных обществах. Под диглоссией понимается одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. Мы не останавливаемся подробно на анализе данной концепции с точки зрения лингвистических закономерностей.

Ценным является то, что в названной концепции диглоссия рассматривается как явление, противоположное билингвизму (или двуязычию). При билингвизме или многоязычии индивидум владеет двумя и более разноструктурными неродственными языками, а при диглоссии — двумя близкородственными языками или вариантами одного языка, т. е. в рамках одного языкового коллектива сосуществуют две языковые системы.

Какие языковые процессы привели к ситуации диглоссии?

Известно, что в развитии языков наблюдаются два противоположных по своей направленности процесса: процесс дивергенции, когда не которые диалекты языка превращаются в самостоятельные языки, и конвергенции, когда языки сближаются. Таким образом, процессы

дивергенции и конвергенции действуют одновременно в одном и том же языке.

В истории развития Коре мар в создавшихся условиях преобладали дивергентные процессы, приведшие к сохранению архаизмов и образованию инноваций. Эти процессы имеют место в любом языке, в том числе и в корейском языке на полуострове. Однако эти процессы идут в Коре мар и современном стандарте корейского языка по разным направлениям. Многие фонетические, морфологические, а также лексические отличия Коре мар описаны в исследованиях Росса Кинга¹². Словарный состав его оказался наиболее изменчивым в отличие от грамматического строя. С одной стороны, Коре мар сохранил в области лексики исконно корейские корни и слова, исчезнувшие в современном литературном стандарте, с другой - появляется большое количество новых слов. Обогащение словарного состава идет по пути создания новых слов на собственной языковой основе, а также усвоения заимствований. Следует отметить в этой связи монографию профессора Ко Сон Му «Корейцы в советской Средней Азии». Автор считает, что лексика Коре мар содержит несколько этимологических пластов. К первому относится исконно корейская лексика, ко второму - тунгусо-маньчжурский субстрат, к третьему русские и тюркские заимствования.

Большой интерес для исследователей Коре мар с точки зрения формирования его лексического фонда представляет топонимическая лексика. Она наиболее тесно связана с местными природными условиями жизни носителей Коре мар и является дополнительным источником информации для изучения лингвистических закономерностей. Наименования населенных мест, сел, городов дают хорошее представление о местной природе, о новых условиях обитания. Рассмотрим топонимы, возникшие на территории российского Дальнего Востока после переселения корейцев после 1863 г. с Корейского полуострова. Топонимы могут рассказать нам, какие типы поселений были у наших предков, чем они занимались. В основу этого сообщения положены данные, полученные от информантов, проживавших в Посыетском районе Приморского края. Большинство этих топонимов не

сохранилось на сегодняшний день. Уничтожение корейских топонимов прерывает связь современного Коре сарам со своей историей, со своими корнями. Таким образом, они не могут выполнить своей исторической функции как явления языка и культуры.

Как давались названия объектам? В связи с поставленным вопросом коснемся одного из интереснейших явлений языка - лексической мотивированности. Как возникли слова? Почему те или иные предметы названы так, а не иначе? Существует ли связь между названием и обозначаемым предметом? В разных языках это происходит по-разному. Не всегда известно, по каким признакам получили названия те или иные населенные пункты, реки, озера и т. д. Но они образованы по законам и правилам корейского языка. Много названий со словом *кори* (долина): Паксэккори (долина у карьера), Намсэккори (долина у южного карьера), Сухановка, Пактаккори, Сэццаккори (долина у западного карьера), Камчимаккори (последнее картофельное поле), Наркын тосоккори.

Не все названные топонимы имеют русские эквиваленты. В основе топонимов лежит указание на его местоположение по отношению к северу, югу, к верхнему, срединному, нижнему положению относительно возвышенности. Пери (возвышенность): Сәнпери — Верхняя Янчихе, Хәпери — Нижняя Янчихе, Чунпери — Средняя Янчихе; кэу (поселение): Ханчхэнкэу (тысяча дворов) - Рязанская, Цәпхикэу (тесное поселение); кхэу (разработка): Моккхэу (лесоразработка) —Посьет; кокә (перевал): Мэнгокә (дальний перевал) — Барабаш, Кокәсе (между перевалами) - Барановка; нйэи (возвышенность): Йэнчхунйэи - Новокиевск (ныне Краскино), Пукнйэи (северная возвышенность) — северная окраина г. Новокиевска (ныне Краскино).

Слово эчай (рыболовецкий комплекс) является свидетелем развитого в то время рыбного промысла, сохранившегося в топонимике. В топонимах отражается и сам процесс переселения. Заселение шло с Корейского полуострова, причем не в одиночку, а группами. Так, место первой стоянки переселенцев из Кореи называлось Пхунтхэи

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

(место временной стоянки), Нонпхе (сельскохозяйственное угодье с жильем).

Большое значение придается природным условиям тех мест, где создаются поселения. Топонимы отражают характер местности. Тхэсэи (*извилистая гора с отвесом*) —Зарубин, Торпәги (*усыпанная камнями*) — Ивановка, Пуркыннянчхаи (*красная впадина*). Кольпанънанъги (*горное ущелье, заросшее деревьями*). Самые первые крупные корейские поселения не имеют эквивалентов в русском языке, они сохранились в архивах под названиями Тизинхе, Сидими, Адими, Ендаузе, Худуя, Янчихе, озеро Туманган переименовано в 1937 г. в Хасан. В данном сообщении описаны только те топонимы, которые наиболее прозрачны семантически. Приводим некоторые топонимы Посъетского района. Они представлены согласно нормам их звучания в кириллице.

Сансои (Верхняя деревня)

Чунсои (Средняя деревня)

Хасои (Нижняя деревня)

Сәнъпери

Момирпаккори

Сольпаккори

Тонццаккори

Тәкори

Сэццаккори

Наргындосоккори

Пактаккори

Намсэккори

Паксэккори

Камчимаккори

Тизинхе

Сидими

Адими

Ендаудзе

Юранъцхони

Сәппэдэрги

Чунъпери (Среднее Янчихе)

Хәбери (Нижнее Янчихе)

Сәнъбери (Верхнее Янчихе)

Арәтхәнсэ
 Уллунъчи
 Панъшиллә
 Упанъшиллә
 Арәпанъшиллә
 Шиндәпхо
 Намчидаи
 Нампанъцә
 Нипурми
 Мэнкокә
 Туманъган (река)
 Набэни (окраина Новокиевска)
 Эчай (Рыболовецкий комплекс)
 Тхәисэ
 Пуркыннянчхай
 Кольбанънанъги
 Тхуләми
 Нипурми
 Мэнкогә
 Юранъцхони
 Йәнчхунәи (Новокиевск)

Характерной особенностью функционирования Коре мар в настоящее время являются тенденции сближения его с современным корейским стандартом (конвергентные процессы). Носители Коре мар активно, порой неосознанно, используют формы конечной предикации литературного стандарта [-мнида], [-мникка].

Процесс протекает достаточно интенсивно. Сближение языков осуществляется при помощи устного и письменного общения народов. Несмотря на лингвистическую самобытность Коре мар, на традицию его функционирования, он остается на уровне бытового общения. Возрождение его — наша актуальнейшая задача. В пределах проживания нашей этнической общности предпочтительнее обращаться к Коре мар, а в общении со своими соотечественниками — на современном стандарте. Язык может сохраниться только при условии его полноценного функционирования. В противном

случае Коре мар будет обречен на вымирание в течение жизни, может быть, двух — трех поколений.

В сохранении языковой культуры наибольший вклад вносят писатели. Однако на территории бывшего СССР нет корейскоязычных писателей младшего поколения. Пресса и радио на корейском языке не отражают реально функционирующего Коре мар. Искусство также является еще одним элементом сохранения языковой культуры. В развитии языка важную роль играют, как мы говорили, литераторы. Их творчество определяет пути совершенствования любого письменного языка. Но в то же время в укреплении нормированных, стандартизованных форм речи большое значение имеет деятельность лингвистов. На основе глубокого изучения процессов развития языка они призваны определять и нормировать наиболее перспективные формы его реального проявления.

Если говорить о будущем Коре мар, о его статусе, то это зависит в большей степени от самого общества, от его носителей, от усилий, от процесса активного воздействия устно-разговорной речи на ряд сфер письменной, особенно публицистической, и средств массовой коммуникации. И когда мы говорим о возрождении языка и культуры Коре сарам, мы должны подразумевать возрождение Коре мар.

Стремление сохранить Коре мар, расширяя его функционирование, не уничтожает сознание единства общего всему корейскому народу родного языка, поскольку единство языка народа следует понимать не как простое тождество, а как единство через многообразие. Именно многообразие, различие его вариантов составляет общий фонд корейского языка, имеющего многовековую историю. Единство языка народа основано на исконном родстве диалектов, общности их происхождения. Общность грамматического строя и основного словарного фонда наглядно подтверждают внутреннее единство языка. В то же время говорящие на коре мар субъективно осознают принадлежность своего языка к одному языку, а самих членов языкового коллектива — к одному народу.

Говоря о традиции функционирования Коре мар, следует подчеркнуть, что для сохранения уникальности языка

советских корейцев необходимо стремиться упрочить и расширить функциональный статус Коре мар. Естественно, речь идет о функционировании в рамках бывшего СССР. Он должен удовлетворять все коммуникативные потребности нашей этнолингвистической общности и стать средством официально-делового общения, а не только бытового, каким он является на сегодняшний день.

Для возрождения Коре мар с изменением лингвистической ситуации в стране исключительную значимость приобретает теоретическое изучение Коре мар. Совершенно очевидно, что изучение Коре мар имеет важное значение для всесторонней лингвистической подготовки корееведов, для более глубокого понимания различных форм существования современного корейского языка, а также закономерностей его исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пьянков В. Г. Корейская азбука. СПб., 1874.
2. Пуцилло М. Опыт русско - корейского словаря. СПб., 1874.
3. Ни Н.Ф. Русский букварь для корейских школ.
4. О Чхан Хван. Грамматика корейского языка. Хабаровск, 1930.
5. Ге Бон У. Грамматика корейского языка.
6. Ким О.М. Особенности русской речи корейцев УзбССР (фонетико - морфологический очерк) // АКД . Ташкент, 1964.
7. King J. R. P. Russian Sources on Korean Dialects. Ph. D. Dissertation. Harvard University Dept. of Linguistics. 1991. P. 484
8. Kho Songmoo. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki, 1987. P. 101 —139
9. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967. С. 17.
10. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. Л., 1956. С. 12 —13
11. Ferguson C. A. Dialossia in «Word ». 15. 1959. P. 325—340

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

12. King J. R. P. *Archaisms and Annovations in Soviet Korean Dialects* // Paper delivered at the 1990 Annual Meeting of the Association for Asian Studies. Chicago. Illionls. April 5—8. 1990.

Известия. НАН РК. Серия общественных наук. №6. 1995. С.21—29.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Системное изучение языка, на котором говорит корейская диаспора на всем постсоветском пространстве, начато сравнительно недавно, немногим более 15 лет. Однако и за этот период сделано, на наш взгляд, не мало. Наряду с монографическими описаниями языка Квак Чхунг Гу «Фонология диалекта юкчин Северохамгенской провинции», Сеул, 1991 [1]; Р. Кинга «Русские источники по корейским диалектам» - докторская диссертация, Гарвардский университет, 1991[2], Пак Н.С. «Проблема исчезновения миноритарных языков (на материале диалекта юкчин корейского языка) – докторская диссертация, Алматы, 2004 [3], опубликовано ряд статей, изданных как в Казахстане, так и за рубежом.

Среди работ до отмеченного периода особо следует назвать кандидатскую диссертацию Ольги Михайловны Ким «Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР», защищенной в 1964 [4]. По сути, это пионерская работа, положившая начало изучению языка советских корейцев. Однако никто ее не продолжил, поскольку тематика была для того времени не актуальной.

Корейская диаспора Казахстана и других регионов СНГ говорит на различных диалектах и говорах, среди которых выделяются два диалекта: юкчин (в дальнейшем ДЮ) и менчхон (в дальнейшем ДМ).

Остановимся кратко на характеристике этих диалектов. Юкчин, как известно, является одним из самых архаичных корейских диалектов. В настоящее время осталась горстка людей, говорящих на этом диалекте. Нам удалось это выяснить в процессе полевых работ. К началу изучения диалекта, говорящие на нем, составляли 10% от общего числа корейского населения.

Другим диалектом является менчхон. На нем говорят почти всё население Узбекистана. Диалект юкчин относится к числу исчезающих. Известно, что основной причиной отмирания языков и диалектов служат не особенности языковой структуры, а социально-исторические факторы.

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – *коре мар*

Изменения социальных условий жизни корейской диаспоры, связанные сначала с переселением на российский Дальний Восток, затем с депортацией в Казахстан и Среднюю Азию, и другие факторы определили судьбу диалекта. Определяющим же для витальности диалекта юкчин оказался демографический фактор – количественное преобладание носителей диалекта менчхон. Именно вследствие преобладания числа говорящих на менчхон исчезает диалект юкчин.

Говоря о языковой проблеме корейской диаспоры, нельзя не остановиться на термине *коре мар*. Этимологией его никто до сих пор не занимался. Это не искусственно созданное слово, появившееся после распада СССР, как полагают некоторые, а термин, который встречается в учебниках по корейскому языку издания 1920-30-х годов. Термин прочно вошел в лексикон *коре сарам*, т. е. сами носители называют его *коре мар*. Он сложился на основе взаимодействия (койнезации) двух диалектов Северо-Хамгенской провинции Кореи – юкчин и менчхон и пока еще не стал предметом специального глубокого исследования. До сих пор нет полного описания *коре мар*, поскольку довольно сложно выявить четко черты, дифференцирующие, с одной стороны, диалект и *коре мар*, с другой, – диалекты юкчин и менчхон. Наибольшую трудность представляет определение его особенностей, поскольку он представляет собой на данный момент коммуникативную систему, формирующуюся на основе переплетения черт двух диалектов и не имеющую стандарта.

Глубокое, всестороннее исследование названного языка – одна из актуальных задач корееведения и прежде всего, для корееведения Казахстана и Узбекистана, где проживает основная масса носителей *коре мар*.

В своем сообщении мне хотелось бы очертить круг проблем, касающихся языка корейской диаспоры, и наметить дальнейшие перспективы исследования. Следует сказать, что они приложимы и к языкам других диаспор, населяющих наш многонациональный Казахстан.

В условиях Казахстана, где функционируют языки, различающиеся и генетически, и типологически, наибольшую

актуальность приобретает изучение судеб языков диаспор и рассмотрение связанных с этим следующих вопросов: как взаимодействуют диалекты одного языка, что с ними происходит, как они преобразуются, как образуется новая система, как и почему исчезает язык.

Исследование глоттогонических процессов, связанных не только с отмиранием диалекта, но и возникновением новой коммуникативной системы, одна из интереснейших и актуальных задач современной лингвистики. Данные процессы рассмотрены в докторской диссертации автора этих строк Пак Н.С. на примере диалекта юкчин и коре мар, когда диалект исчезает из употребления как самостоятельная коммуникативная система, но отдельные его элементы входят составной частью в коре мар.

Проблеме взаимодействия языков всегда уделялось большое внимание в лингвистике. К настоящему моменту в этой области накоплен богатый и разносторонний теоретический опыт. Опубликован ряд серьезных монографических исследований, посвященных различным аспектам двуязычия и языковых контактов: У.Вайнрайх, Е.Хауген, Е.М.Верещагин, Ю.Д.Дешериев, Ю.А.Жлуктенко, И.К.Белодед, В.Ю.Розенцвейг, Е.А.Карлинский и др. Следует подчеркнуть, что имеет место три типа взаимодействия:

- 1) язык – язык (билингвизм);
- 2) язык – диалект (диглоссия);
- 3) диалект – диалект (амбоглоссия)

Первый тип предполагает взаимодействие между двумя языками, в том числе и разноструктурными. При втором типе взаимодействуют литературный язык и его варианты. Третий тип представляет собой взаимодействие диалектов одного языка. Он не был пока в лингвистике предметом специального изучения.

Особое место в кругу проблем теории взаимодействия языков должна занять проблема смешения диалектов одного языка. Если прежде при изучении языкового смешения ученые имели дело со следствием контакта между языками, то сравнительно недавно появился интерес к смешению между вариантами одного языка. Это смешение иного типа, ведущее в результате контакта между подсистемами одного языка к

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – *коре мар*

новому образованию – койне. Вопросы образования койне приобретают все большую актуальность в связи с возрастанием интереса к изучению особого типа взаимодействия языков, функционирующих в иноязычной среде. Сам процесс койнезации, механизм формирования койне – совершенно новая проблематика. Хотя термин *койне* имеет длительную историю, термин *койнезация*, введенный в научный оборот В.И. Самариным, появился в литературе сравнительно недавно [Самарин 5].

Языковые процессы, ведущие к образованию койне, остаются пока еще недостаточно ясными. Отсутствует четкость не только в терминологии для обозначения процессов койнезации, но в понимании самой природы этого явления. Имеющиеся публикации по данной проблематике носят чисто дискуссионный характер и не содержат концептуальных теоретических обобщений. Остро ощущается необходимость в глубоком и всестороннем анализе рассматриваемого явления на конкретном языковом материале.

В нашем исследовании мы характеризуем койнезацию как процесс смешения в результате контакта между двумя и более диалектами одного языка, ведущего в условиях иноязычного окружения к формированию новой языковой системы. Мы разграничиваем койнезацию автохтонных диалектов (на исконной территории их функционирования) от аналогичного процесса неавтохтонных, «островных» (в миграции) диалектов. Закономерности развития «островных» диалектов обусловлены постоянно подвергающимся влиянием контактирующих языков. Таким образом, мы имеем дело с особым типом языкового смешения, когда процессы происходят, с одной стороны, между подсистемами одного языка, с другой, – между контактирующими языками окружения. При этом на определенном этапе новая языковая система может стать первым языком для всех носителей диалектов диаспоры. Койнезированный язык становится родным языком для говорящих на нем с рождения.

Выяснение механизма койнезации путем изучения процессов изменения мутационного характера при смешении рассматриваемого типа – одна из насущных задач

языкознания. В ситуации складывающегося койне это довольно сложная задача ввиду того, что койне представляет собой переплетение черт обоих диалектов. Описание процессов койнезации, взаимодействия изучаемых нами диалектов сопряжено прежде всего с выявлением свойств контактирующих диалектов, установлением их характерных черт, определением того, что утратил тот или иной диалект, а что трансформировал.

Одним из важных и крайне необходимых на сегодняшний день направлений должно стать сопоставительное исследование. Для подготовки квалифицированных специалистов, особенно переводчиков, в которых нуждается как Корея, так и все страны СНГ, необходимы прежде всего исследования сопоставительного характера. Острую потребность в сопоставительных работах по грамматике, лексикологии корейского языка и русского, а также казахского или узбекского испытывают и преподаватели, и составители учебников и словарей.

Мне представляется необходимым сказать несколько слов о дальнейшей судьбе коре мар. Изучение языковой ситуации в Казахстане и других странах СНГ, проведенные рядом лингвистов, показали, что коре мар функционально ограничен и сегодня он является средством бытового общения. Более того, наблюдаемая в мире общая тенденция к сокращению языкового многообразия, когда предпочтение отдается языкам с высоким социальным статусом и с полной функциональной нагрузкой (имеется в виду Сеульский литературный язык), приводит к необходимости признать, что коре мар также, как и юкчин, обречен на вымирание.

В данной ситуации единственной задачей остается исследовать и документировать язык для последующих поколений.

Отмечу, что в 1996 году мною составлена научная программа исследования и стандартизации коре мар. Была сделана попытка кодифицировать язык, т. е. придать ему нормы с тем, чтобы он мог более полно функционировать в пределах корейской диаспоры СНГ. Эта программа была одобрена моим учителем профессором М. М. Копыленко.

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

Опуская «Предварительные замечания», привожу эту программу.

Задачи программы:

1. Дать системное описание двух основных диалектов – менчхон и юкчин, функционирующих на территории СНГ, дать представления о них, расширив этим самым список языков и диалектов мира.
2. Произвести первоначальную стандартизацию коре мар, приняв за основу один из диалектов (предположительно менчхон) и подвергнув тщательному диахроническому изучению фонетические, грамматические и лексические явления диалектов.
3. Осуществить пути распространения, стандартизованного коре мар в корейской диаспоре стран СНГ (преимущественно Казахстана и Узбекистана) и осуществить первые опыты в этом направлении.

Фонетика и грамматика

1. Исследовать фонетическую систему диалектов юкчин и менчхон и унифицировать различия, приняв за основу один из диалектов. Разработать, руководствуясь этим принципом, графику и орфографию стандартизованного коре мар.
2. Описать грамматический строй стандартизованного коре мар.
3. Создать научную описательно-нормативную грамматику.

Задачи при описании грамматики корейского языка:

1. Разработать принципы орфографии и терминологии.
1. Объединить различия между Юкчин и Менгчён и другими диалектами. (Фонетика, лексика, грамматика), т.е. лингвистическая унификация.
2. В наименованиях лингвистических терминов есть большие различия между Севером и Югом. Выяснить, какие из них принять при составлении грамматики и какие наиболее распространены в советском и зарубежном корееведении.

Лексика

1. Собрать и составить списки слов.
2. Систематизировать словарный состав диалектов и говоров по тематическому признаку.
3. Создать сравнительный словарь лексики диалектов и говоров.
4. Изучить пути формирования словарного запаса:
 - а) заимствования из русского, тюркского и др. языков;
 - б) создание новых слов средствами коре мар;
 - в) возникновение новых значений у имеющихся слов;
 - г) пополнение словарного запаса из Хангук и Чосон маль.

Диалектологические штудии

1. Собрать посредством опроса респондентов по определенной программе материалы по диалектам и говорам.
2. Исследовать вопросы исторической фонетики, грамматики и лексикологии корейского языка в тесной связи с диалектологией.
3. Дать описание современных диалектов на историко-лингвистической основе.
4. Разработать курс лекций по диалектологии корейского языка, включая коре мар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квак Чхун Гу. Хамгйэньпукдо юкчин панъэн ым-ун-рон йэнгу. Сеул, 1991.
156. King R. An Introduction of Soviet Korean//Language Research V. 23. No. 2. 1987. pp.233-274.
2. King R. Russian Sources on Korean Dialects. Ph.D.dissertation. Harvard University, 1991.
3. Пак Н.С. Проблема исчезновения миноритарных языков. Докт.диссертация. Алматы, 2004.
4. Ким О.М. Особенности русской речи корейцев Узб.ССР (фонетико- морфологический очерк). Канд.диссертация. Ташкент, 1964. 280 с.
5. Samarin W.I. Salient and substantive pidginization. In D.Hymes (ed.).

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

Pidginization and creolization of languages. Cambridge UNIVERSITY Press. 1971. P.117-140.

Международная научная конференция «Корееведение в Казахстане». Алматы, 2004. 7с.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В корейском языке выделяется особая категория для выражения вежливости. Манифестируется названная категория не только лексическими, но и грамматическими средствами. Различные формы вежливости выражают социальные и возрастные отношения между людьми: с одной стороны, между говорящим и собеседником, с другой, между говорящим и лицом, о котором идет речь. В зависимости от степени социального положения, говорящего в обществе, а также его возраста выбирается та или иная грамматическая форма или лексема.

В данном сообщении рассматриваются преимущественно диалектные формы, иногда приводятся сведения о вежливых формах литературного языка.

Следует сказать, что грамматические средства выражения категории вежливости встречаются и в других языках, как например в японском и некоторых языках Океании (см. 1. Алпатов, Фишер).

Категории вежливости заслуживает особого внимания, поскольку она присутствует не во всех языках, и представляет определенный интерес для этно- и социолингвистики, а также для разработки теоретических проблем общего языкознания.

Рассматриваемая категория в корейском языке отличается богатством и разнообразием средств выражения как грамматических, так и лексических.

Наш материал извлечен из устной речи информантов и представлен в транскрипции в кириллице.

Примеры лексических средств

Разряд существительных и глаголов, состоящих из пар лексем, одна из которых выражает почтительность.

Рассмотрим существительные

<u>Нейтральные</u>	<u>почтительные значения</u>	
Квитти	кви	уши
Кицхым	хвѣши	кашель
Нуни	анджир	глаза
Ниппари	чхиӓ	зубы

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

Наи	йэнчхи/йэнсе	возраст
Нагынä	сонними	гость
Мари	марссым	слово, язык, речь
Паби	чинджи	каша
Сäньджиннари	сäйллари	день рождения
Хäньбури	нюньгами	грипп, насморк

В отличие от литературного стандарта в диалекте нет коррелятивных

пар *чин - тäк* 'дом', *мурэбода - йэциэбода* 'спрашивать'.

Глаголы почтения

Кэдунда	мошинда	заботится, ухаживает
Кеунда	тхäханда	вырывает
Нынънында	номунханда	старее
Чаппадинда	нанъмä ханда	падает
Мар ханда	марссым ханда	говорит
Аллында	хäроба ханда	болеет
Йок ханда	муан цунда	стыдит к-л.

Морфемы, выражающие почтение

Морфема *-ним* присоединяется к одушевленному существительному, выражая уважение.

Сэсäньнымын хäккёсэ хаксäньдэры сухагы пäва цумнида.

Учитель преподает в школе математику.

Морфема *-ним* употребляется в обращении к лицу, по отношению к которому должна быть выражена вежливость. Поскольку в корейском языке нет местоименных форм, типа русского *Вы*, морфема *-ним*, присоединяясь к наименованиям должности, выражает почтительное отношение говорящего к должностному лицу.

Тäсаним, комапссымнида! Спасибо, господин посол!

У некоторых существительных *-ним* стал составной частью сложного слова, как и в литературном языке.

Сон-ним - 'гость', *хйэнь-ним* - 'старший брат (для брата)

Аффикс *-ши*

Сэсäньними ошимнида. Учитель идет.

В диалекте не употребляются аффиксы именительного падежа, *-ккесэ* и

аффикс дательного падежа *-кке*, свойственные литературному стандарту и выражающие почтение к одушевленному лицу.

К грамматическим средствам выражения категории вежливости

следует отнести аффиксы почтительных форм конечной предикации различных типов предложений.

Следует подчеркнуть, что разные авторы выделяют разное количество степеней вежливости. Так, Сон Хо Мин выделяет 7 степеней (2), Ю.Н. Мазур – 6 (3), А.А. Холодович – 4 (4), Кон Ик Хён – 3 (5):

Сон Хо Мин

1. Простая
2. Интимная
3. Фамильярная
4. Вежливая
5. Почтительная (разгов.)
6. Почтительная
7. Нейтральная

Ю.Н. Мазур

- почтительная
- вежливая
- учтивая
- фамильярная
- интимная
- нейтральная

А.А. Холодович

- 1-ая основа
- 2-ая основа
- 3-ья основа
- 4-я основа

Кон Ик Хён

- Высокая степень вежливости
- Средняя степень вежливости
- Низкая степень вежливости

Как видим, системы ступеней вежливости, представленные у Сон Хо Мин и у Ю.Н. Мазура, почти совпадают. Отличие состоит лишь в том, что Мазур не включил простую, а почтительную разговорную назвал учтивой.

Что же касается “Грамматики корейского языка” Кон Ик Хёна, то здесь выделяются только 3 ступени. Приведенные системы отражают категорию вежливости в современном литературном стандарте. Диалектные формы данной категории имеют некоторые отличия. Прежде всего, количество ступеней колеблется от четырех до пяти. В диалекте активно используются формы почтительной ступени

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

вежливости в повествовательных и вопросительных предложениях.

Рассмотрим формы вежливости конечной предикации изъявительного наклонения в диалекте Юкчин корейского языка.

Мы считаем, что в диалекте следует выделить следующие ступени категории вежливости:

- нейтральная
- простая
- вежливая
- почтительная
- почтительная официальная

Нейтральная форма используется в том случае, когда констатируется какой-нибудь факт, без указания на социальные отношения, говорящего и слушающего.

Простая форма употребляется с младшими по возрасту. В разговоре с близкими друзьями одного возраста предпочтение отдается простой форме.

Вежливая форма употребляется в речи по отношению к лицам, которые рассматриваются как равные по возрасту, положению, как знакомые и незнакомые. Со знакомыми употребляется в официальной обстановке.

Почтительная форма употребляется в разговоре с людьми старшими по возрасту, независимо от социального положения. Почтительная официальная форма употребляется с незнакомыми людьми высокого социального ранга в официальной обстановке. Данная форма не является исконно диалектной, скорее всего это проявление конвергентного процесса литературного корейского языка и диалектных вариантов, функционирующих в иноязычной общности.

Приведем формы вежливости конечной предикации в повествовательных и вопросительных предложениях.

<u>Повествовательные</u>		<u>вопросительные</u>
1 степень	ка-нда	ка-нын-га
2 степень	ка-нда	ка-ня
3 степень	ка-о	ка-о
4 степень	ка-ккума	ка-мду
5 степень	ка-мнида	ка-мникка

К простым формам следует отнести, на наш взгляд, и те, которые по Сон Хо Мин причислены к фамильярным. Это глаголы *ка!* 'иди!', *мэгэ!* 'ешь!'. Их не выделяют в отдельную степень и в некоторых грамматиках корейского языка.

Относительно аффиксов, при помощи которых выражается третья степень вежливости, следует сказать, что к предикативам, оканчивающимся на гласный, присоединяется аффикс *-о*, а оканчивающимся на согласный аффикс *-со*.

Например: глагол *мэксэ* 'ем, ест, едим, едят', предикативное прилагательное - *тёссо/чоссо* 'хорошо'.

Форма *каккума* - характерная особенность диалектов языка корейской диаспоры СНГ *коре мар*. Аффикс *-ккума* вносит в предикатив *канда* 'идти' оттенок почтения к собеседнику и/или к лицу, о котором идет речь.

Форма *камнида* 'ухожу, уходим, уходит, уходят' выражает почтительное отношение к незнакомым старшим в официальной обстановке.

В данном сообщении приведены формы вежливости изъявительного наклонения глаголов и предикативных прилагательных. В качестве предиката может выступать в предложении и связка *исста* /итта/, которая присоединяет те же аффиксы. За пределами данного описания остались формы вежливости повелительного, пригласительного, уведомительного и других наклонений. Они выражаются другими аффиксами, но количество степеней вежливости остается то же.

Следует учесть, что те формы, которые принято считать почтительными или вежливыми в диалектах *коре мар*, в литературном языке рассматриваются как провинциальные.

Система личных местоимений

Наиболее ярко категория вежливости отражена в системе личных местоимений.

Во втором лице диалект различает 4 степени. Местоимение *нэ/не* 'ты' употребляется по отношению к младшим, к *цэ/це* 'ты' - к равным по возрасту и положению. Третью степень вежливости представляют *цане* и *аги* 'вежливое ты', которые используются при обращении старших к младшим с оттенком уважения. Причем *цане*

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – *коре мар*

употребляют лица мужского пола, а *йги* - лица женского пола. Такое использование характерно для лиц старше 70 лет. *Танъшин* вы употребляется при обращении к незнакомым и равным по возрасту, а *квэри* вы вышло из употребления и воспринимается как устаревшее. Местоимения *квэри* и *танъшин* вы принято было употреблять в общении между мужем и женой. Данные обращения между супругами в условиях СССР устарели вследствие равенства между мужчинами и женщинами, а также отсутствия сословности.

В третьем лице различаются также 4 ступени. Первая ступень *ка/тя* он употребляется по отношению к детям и младшим по возрасту, вторая *кы сарыми* он, этот человек - к лицам незнакомым, равным по положению и возрасту, нейтральная; третья *кы ни*, также как и *кы сарыми*, но уважительная; четвертая *кы пуни* - для выражения уважения, почтения; пятая *кы няньбани* - употребляется для выражения высшей степени почтения по отношению к лицам дворянского происхождения (для старшего поколения), и в настоящее время - к интеллигентным, вызывающим чувство почтения.

Отметим прежде всего, что диалектная система личных местоимений не соответствует аналогичной системе литературного стандарта.

Так, в стандарте в 1 лице две ступени *на/ня* и *цэ/це*, в диалекте одна.

Це имеет также в диалекте значение 'сам', что не свойственно стандарту.

В заключении необходимо подчеркнуть, что при переводе, например с русского, употребление форм вежливости почти не связано с языком оригинала, а основывается в основном на учете ситуации переводчиком.

SUMMARY

1. In this paper the honorific category in dialect Yuchin of Korean is considered. The system of honorific speech in dialect is differs from it in Korean Standard. This system is through lexical and morphological means expressed.

2. The lexical means of expression of honorific category:

<u>plain</u>	<u>honorific</u>	<u>meaning</u>
kwitti	kwi	ear
	nuni	andzir
eye		
nagynja	sonnimi	guest
mari	marssym	language, word
nyngnynda	nomunhanda	to be old
allyndahaeroba	handa	to be sick

3. The morphological means of honorific category are expressed by the systems of affixes in verbal forms of finite clauses. There are 5 honorific levels in dialect Yukchin.

4. The honorific category is expressed in the system of Pronouns as well.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.М.Алпатов. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973. 108 с.
Fischer J.L. Honorific Speech and Social Structure: A Comparison of Japanese and Ponapean|| Journal of Polinesians Society. 1969, vol.78, No.3.
2. Сон Хо Мин. Корейский язык. Нью-Йорк, Лондон, 1994.
3. Мазур Ю.Н. Корейский язык. М., 1961.
4. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
5. Кон Ик Хён. Грамматика корейского языка. Пхеньян, 1994.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ В КОРЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Способ действия – семантико-грамматическая категория, выражающая способ протекания действия, характер этого протекания или состояния во времени. Лингвистическая природа способов действия сама по себе сложна и выражается самыми различными средствами. В типологическом плане данная категория наиболее ярко выражает своеобразие того или иного языка.

В качестве исходной посылки принимается тезис об универсальном характере одного из компонентов языковой понятийной категории аспектуальности – способов протекания глагольного действия (см.1, Ю. С. Маслов, А.В. Бондарко, Б.М. Балин, М.А. Шелякин).

В качестве методов исследования использовались приемы сопоставительного, компонентного и дистрибутивного анализа. Осуществлен комплексный подход к изучению способов действия: структурно-семантический в сочетании с функциональным, позволяющие детально описать категорию аспектуальности, выявить интегральные и дифференциальные черты в структуре, семантике и функциях способов действия в типологически различных языках - в корейском и русском. В качестве исходного языка принят корейский, как имеющий богатую систему формальных средств выражения способов протекания действия.

В традиционной русской грамматике среди различных точек зрения на способы глагольного действия нам наиболее близка та, которая считает, что способы действия выражают модификацию значений действия, названного мотивирующим глаголом в направлении количественно-временных уточнений его протекания, а также специальных характеристик результативности. При этом модификация обязательно формально выражена. В русском языке, как и в других индоевропейских языках, модифицирующим формантом служат префиксы и суффиксы. В агглютинативных языках функцию акциональной

модификации выполняет вспомогательный глагол в составе аналитической конструкции.

Следует напомнить, что категория способов действия в русском и других славянских языках тесным образом связана с глагольным видом. Большинство аспектологов считает, что приставки модифицируют действие производных глаголов, т.е. служат средством выражения способов действия, а образование вида – следствие этого процесса.

Особенностью аналитических конструкций в корейском языке является то, что он проявляет тенденцию к более детализованному представлению действия с точки зрения его протекания.

Например, для выражения значения нести груз в корейском языке используется конструкция, состоящая из глагола в деепричастной форме и вспомогательного глагола *канда* идти. При этом в функции деепричастия выступают несколько глаголов, выражая различные способы протекания действия.

Нигу канда нести на голове, *чигу канда* нести на спине, *мегу канда* нести на плечах, *тыргу канда* нести перед собой, *ккигу канда* нести под мышкой. Названные сочетания выражают разнообразные способы ношения груза. Сочетание *качигу канда* выражает однократное действие и соответствует русскому уносить. Многократный способ выражается не конструкцией, а глаголом *нарында*, эквивалентный русскому носить.

В связи с рассмотрением вопроса о формальных средствах выражения способа глагольного действия следует отметить, что часть глагольной лексики в любом языке не имеет формальных показателей протекания действия, поскольку он содержится в самой семантике глагола. Однако подведение того или иного глагола под какой-либо способ действия представляет довольно трудную задачу. Данное обстоятельство связано с тем, что нет единого основания при семантической классификации глаголов. Зачастую в качестве основания выступают разные признаки: *время, результат, кратность* и др.

Следует отметить, что в качестве акционального модификатора, как компонента аналитической конструкции,

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – *коре мар*

используются глаголы широкой семантики. Именно отвлеченная семантика вспомогательного глагола позволяет ему сочетаться с самыми различными семантическими классами деепричастий в составе аналитических конструкций и передавать разнообразные способы действия.

Категория способов действия корейского языка в сопоставлении с русским языком в литературе не рассматривалась. Хотя отдельные главы посвящены ей в трудах А.А. Холодовича (2), Ю.Н. Мазура (3).

Для выявления всего объема способов действия в сопоставляемых языках анализируется контекст, который определяется как система разноуровневых языковых средств. Существенным представляется выявление составляющих аспектологического контекста: 1) лексико-семантического, 2) морфолого-семантического, 3) синтактико-семантического. Функционирование компонентов аспектологического контекста относится к неизученным проблемам корейского языка. Настоящее исследование восполняет данный пробел.

Нами проведена следующая классификация способов действия в корейском языке.

Финитный способ действия

выражает законченность действия, прекращение процесса с указанием временного предела действия. Он выражается:

1. Сочетанием деепричастия с аффиксом *-а*, *-э* и вспомогательных глаголов *ноннында*, *пэринда*, *нйнда*.

Туцхэ нйнда – выявляет

1) Конструкцией *-гу + марда*.

Хагу манда - прекращает.

Употребление же формы на *-да*, *-дага* с глаголом *марда* привносит значение прекращения длящегося действия.

Кэдэ чхиунда – прекращает.

В русском языке финитный способ действия выражается приставками *от-*, *про-*, *до-* + мотивирующий глагол.

Названные способы действия характеризуются ограничением действия во времени.

Длительный способ действия

указывает на то, что действие или состояние имеют длящийся характер и выражается:

1) Конструкцией *-гу + итта*.

Мэкку итта - 'кушает'.

2) Конструкцией *-а, -э + итта, наганда*.

Андза итта - 'сидит'.

2) Конструкцией – *а цунда, тыринда, тунда*.

Тоба цунда/тыринда – 'помогает', *ноа тунда* - 'кладет'.

В русском языке данный способ действия выражается приставкой *про-* с мотивирующим глаголом.

Особо следует сказать о глаголах движения. Способ передвижения

в корейском языке выражается сочетанием двух глаголов, в качестве вспомогательного выступает лексема *канда* 'идти'.

Нара канда 'летит' предполагает движение в воздушном пространстве либо с помощью крыльев, либо под действием ветра. В отличие от русского, в корейском невозможно сочетание 'лететь самолетом'.

Тара канда 'бежит' выражает быстрое движение только с помощью ног, в отличие от русского, где глагол бегать, сочетаясь с абстрактными существительными, выражает не способ действия, а процесс или состояние. Например, 'река бежит', 'тень пробежала по его лицу'.

Андза канда 'сидя ехать' выражает 'ехать, пользуясь каким-либо транспортом'.

При этом *канда* выражает направленность от говорящего, направленность к говорящему выражается сочетанием деепричастия со вспомогательным глаголом *онда, наганда*.

Начинательный способ действия

Данный способ выражается в корейском языке не сочетанием деепричастия и служебного глагола, а лексемой 'начинать' – *шиджакханда*, в русском языке – приставками *из-, за-, по-* с мотивирующим глаголом.

Результативный способ действия

Указывает на то, что действие привело к определенному результату. Образуется посредством конструкций, содержащих:

1) Деепричастную форму на *-а, -э +* вспомогательные глаголы *ноннында, тунда, каджинда, чхиунда, мэньнында*.

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских стран – коре мар

Хя каджинда - 'сделав'. *Мур пусэ ноатта* – 'налил воду',
пурь чибэ ноатта – 'разжег огонь'.

2) Форму на *-гу* + служебный глагол *хасэ*. Данная конструкция содержит оттенок причинности.

В качестве вспомогательных глаголов выступают: *нйэннында*, *нанда*, *ппадинда*, *нашэнда*, *тинда*.

Цагу насэ – 'поспав', *хагу насэ* – 'сделав'.

Результат в интересах другого лица: *цунда*, *патхинда*, *тиринда*, *оллинда*, результат в интересах говорящего: *тагу* (*ссэ тагу* – 'напиши мне'). В русском языке результативный способ действия выражается приставка *- ми- от-, у-, за-, на-, до-, под-* и мотивирующим глаголом.

Многократный способ действия

выражается с помощью служебного имени *-мада*. Данный способ действия может быть заключен в самой семантике глагола.

Тяньгинда – 'ходить'.

Вероятность

выражается с помощью служебного имени, а также конструкцией деепричастия на *-р* + *ккеда*.

Кар ккеда - 'вероятно, пойдет'.

Сомнение

выражается сочетанием служебного имени *-цык* + *хада*

Возможность

выражается конструкцией *харши итта*

Попытка к действию

Данный способ уточняет не действие, а попытку к нему и выражается конструкцией *хя понда* – 'попробовать что-либо делать'.

Желательность

выражается конструкцией деепричастие на *-гу* + *шипхта* – 'хочу сделать что-либо'.

Намерение

выражается сочетанием основы глагола + *чадага* - 'собираться делать что-либо'.

Сукччеры хачадага шигани эссээ мади мот хятта. – Намеревался сделать домашнее задание, но не смог, так как не было времени'.

Предварительный анализ позволил выявить в корейском языке около 25 вспомогательных глаголов.

Сопоставлением способов действия в двух языках уставлено:

1) в корейском языке способы действия выражаются в составе аналитических конструкций, в русском языке они актуализуются в рамках определенного аспектологического контекста, либо для этой цели привлекаются словообразовательные средства;

2) корейский язык более богат выражениями способов действия, чем русский язык.

Выявление средств актуализации способов действия корейского глагола представляет особый интерес как в практическом, так и в практическом отношении. Конкретные выводы исследования могут быть применены в теории и практике перевода, оптимизации преподавания корейского языка в русскоязычной аудитории. Они могут быть включены в спецкурс по сопоставительной типологии корейского и русского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
3. Балин Б.М. Илькив Н.В. К вопросу соотношения субъективного и объективного в языковой понятийной категории аспектуальности//Контрастивная лингвистика. Калинин. 1983.
4. Шелякин МА. Приставочные способы глагольного действия в современном русском языке. Докт. дисс. Л., 1972.
5. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
6. Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка. М, 2001.

Актуальные проблемы функционирования и преп. яз. и литературы. Доклад. Республиканской. Научно-практической конференции, посвященной. памяти проф. Г.А. Мейрамова. Караганда, 2003.

СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ СТРАН СНГ НА ХАНГЫЛЬ

Вводные замечания. Данная работа посвящена описанию категории наклонения в языке корейской диаспоры СНГ, который называется коре мар (КМ). Все грамматические формы категории наклонения представлены в письменной форме на хангыль. Письменная фиксация КМ как полноценной коммуникативной системы для корейской диаспоры СНГ с использованием хангыль осуществляется впервые и представляется чрезвычайно актуальной. Очень важно документировать язык в письменной форме для последующих поколений, так как КМ, как и многие языки в современном мире, относится к исчезающим. Поскольку КМ, как и всякий диалект, существует только в устной форме, то использование хангыль потребовало учета различий между произношением и написанием. Это значит возникла необходимость придания языку орфографических норм написания (стандартизации).

Стандартизировать язык – значит придать языку нормы произношения и нормы правописания. Если нормы произношения имеют определенную традицию, то нормы правописания могут меняться. Единственным и основным средством сохранения произношения в данном случае является живая устная речь носителей коре мар, прекрасно владевших этим языком. Работа с информантами была осуществлена с начала 90-х годов прошлого века.

Попытка создания стандарта была предпринята в 1993 году в Алма-Ате по инициативе Ко Сонму, профессора Хельсинского университета, находившегося в то время в Казахстане. На этой встрече собрались Росс Кинг, Ён Джяхун, Пак Н.С. и др. Это была первая и, к сожалению, последняя встреча. На ней была обсуждена только транскрипция на кириллице для КМ.

Необходимость придания орфографических норм КМ вызвана возрастающим интересом к языку, особенно у молодежи. Он возник из желания не потерять окончательно своих корейских корней, не потерять своего родного языка, а

вместе с ним ощущение теплого домашнего очага. Чем безвозвратнее уходит язык, а вместе с ней и культура, тем больше тяги к ней. Так, корейская молодежь из стран СНГ все больше используют интернет для коммуникации на КМ. Более того, молодые люди из Узбекистана, Казахстана и др. стран СНГ, живущие и работающие в настоящее время в Коре, испытывают желание общаться между собой на коре мар. Хотя койнезированный корейский язык диаспоры имеет отличительные черты от ЛС на всех уровнях языковой структуры: на фонетическом, лексическом, грамматическом, тем не менее их объединяет единая общенародная основа. В силу этого специальные нормы написания придаются лишь в тех случаях, когда КМ имеет отличия от литературного стандарта корейского языка. Таким образом, задачей разработки орфографии является - максимально приблизить ее к ЛС, но с учетом особенностей фонетических и грамматических черт, вызванных историческими процессами развития корейского языка. При создании орфографических норм мы исходили из сочетания следующих принципов: фонетического, морфологического и историко-этимологического. Фонетический принцип означает - отражение на письме произносительных норм устной речи КМ; морфологический – соблюдение принципов корейской орфографии литературного корейского языка; историко-этимологический – отражение на письме тех элементов языка среднекорейского периода, которые сохранились в КМ (но они исчезли в ЛС).

В данной работе описан опыт представления в письменной форме на хангыль системы грамматических форм категории наклонения в языке корейской диаспоры СНГ, который называется коре мар (КМ). Письменная фиксация КМ как полноценной коммуникативной системы для корейской диаспоры СНГ с использованием хангыль осуществляется впервые и представляется чрезвычайно актуальной. Документирование данного языка в письменной форме не менее важно и для последующих поколений, так как КМ, как и многие языки в современном мире, относится к исчезающим. Поскольку КМ, как и всякий диалект, существует только в устной форме, то использование хангыль

потребовало учета различий между произношением и написанием. Это значит, что возникла необходимость придания языку орфографических норм написания (стандартизации).

Актуальность создания стандарта КМ

Стандартизация языка предполагает придание языку нормы произношения и нормы правописания. При этом, если нормы произношения имеют определенную традицию, то нормы правописания могут меняться. Единственным и основным средством сохранения произношения в нашем случае есть живая устная речь. К счастью, мы успели записать полноценную речь носителей коре мар, прекрасно владевших этим языком. Работа с информантами была проделана активно с начала 90-х годов прошлого века.

Необходимость придания единообразия и разработки письменно закрепленных норм КМ возникла давно. Однако она не была сделана в силу разных причин. Кстати, следует напомнить, что коре мар имел высокий социальный статус, когда коре сарам жили компактно на Дальнем Востоке до переселения в Среднюю Азию и были учебные заведения на родном языке. Коре мар был средством публичной речи, и он не был таким обедневшим и неухоженным, каким мы имеем его сейчас.

Работа по нормированию литературного корейского языка началась в Корее в 1930-х годах, в ходе которой языковедами проводился тщательный отбор нормированных единиц языка. Большая роль здесь принадлежала «Обществу корейского языка» («Хангыль хакхве»), которым возглавлял Чу Сигён [1].

Как известно, КМ представляет собой на данный момент коммуникативную систему, сформировавшуюся на основе переплетения черт двух диалектов и не имеющую стандарта. Стандартизировать язык, т.е. придать ему определенную норму, прежде всего нормы произношения и орфографии, крайне важно и необходимо. Попытка создания стандарта была предпринята в 1993 году, когда в Алма-Ате по инициативе Ко Соньму, профессора Хельсинского университета, находившегося в то время в Казахстане,

собрались Росс Кинг, Ён Джяхун, Пак Н.С. и др. На ней была обсуждена только транскрипция на кириллице. Без создания стандарта крайне сложно представить полноценно в письменной форма (на хангыль) какой бы то ни было словарь и/или грамматику КМ.

Корейцы СНГ стремятся сохранить традиционные ценности, присущие всему корейскому народу: почитание старших, стремление родителей при любых обстоятельствах дать детям образование, трудолюбие и пр. Эти черты помогли нам сохранить корейскую идентичность. Чем безвозвратнее уходит язык, а вместе с ней и культура, тем больше тяги к ней. Эти слова не беспочвенны. Часто корейская молодежь стран СНГ ведет переписку по интернету на коре мар. Им хочется со своими очень близкими поговорить по душам на своем «домашнем языке», от которого веет чем-то своим, теплым. Кроме того, в настоящее время много молодежи среднего возраста из Узбекистана, Казахстана и др. стран СНГ работают на заводах в Корее. Большинство из них владеют коре мар, хотя и слабо. Они посещают языковые подкурсы, где обучают, разумеется, литературному корейскому языку. Однако они овладевают язык очень медленно и слабо. Преподаватели корейского языка в Корее интересуются, есть ли у нас в Казахстане какие-нибудь пособия на коре мар, т.е. на языке, которым они владеют. Данное обстоятельство навело на мысль о создании учебных пособий на коре мар с параллелями на литературном стандарте корейского языка. Для этого необходимо в качестве первого шага унифицировать различия в произношения и орфографии.

Хотя койнезированный корейский язык диаспоры имеет отличительные черты от ЛС на всех уровнях языковой структуры: на фонетическом, лексическом, грамматическом. Тем не менее, их объединяет единая общенародная основа. В силу этого отличительные нормы написания придаются лишь в тех случаях, когда КМ имеет отличия от литературного стандарта корейского языка. Таким образом, задачей разработки орфографии является максимально приблизить к ЛС, но с учетом особенностей фонетических и грамматических черт, вызванных историческими процессами развития корейского языка. При создании орфографических

норм мы исходили из сочетания следующих принципов: фонетического, морфологического и историко-этимологического. Фонетический принцип означает - отражение на письме произносительных норм устной речи КМ; морфологический – соблюдение принципов корейской орфографии литературного корейского языка; историко-этимологический – отражение на письме тех элементы языка среднекорейского периода, которые сохранились в КМ, но исчезли в ЛС.

В качестве примера дадим научное обоснование и пояснения различиям в принятых нами нормах написания и произношения. Например: «ребенок» на ЛС звучит и пишется как ㄹᄇᆞᆫ, на КМ - ㄹᄇ [aa] с долгим (a), на хангыль мы пишем с двумя буквами ㄹᄇᄇ, чтобы сохранить, согласно нашему принципу, связь написания и произношения. Долгота объясняется выпадением буквы ㅎ в слове ㄹᄇᄇᄇ (так зафиксировано это слово в древних памятниках письменности корейского языка). Этот процесс произошел в среднекорейском языке, т.е. в средние века. Исчезновение гласного или согласного в слове сопровождается в КМ появлением питч-акцента и долготы, что является одним из специфических фонетических особенностей КМ.

Пожалуй, самой отличительной формой конечной предикации относительно литературного корейского языка является аффикс почтительной формы -구마 [-гума]/-ᄇ 구마 [ккума]/-습구마 [-сы+ккума]. В устной речи на КМ письменная форма предиката 갓습구마 произносится [кассыккума], в котором среднекорейский (-습-) дал в современном КЯ (-습- аффикс почтительной формы). В данном случае в результате регрессивной ассимиляции конечно-слового [ᄇ] и последующего звука [ᄇ] буква (ᄇ) произносится твердо [kk], а на письме сохраняется звонкий [g].

Выработка единой для всех КС наддиалектной нормы, распространение нормализации не только на правописание (орфографию), но и на произношение (орфоэпию), проникновение этой нормы в сферу устного общения изменят его социальную значимость и могут расширить функции КМ.

Диалекты менчхэн и юкчин в области фонетики имеют существенные расхождения. Однако в области грамматики по составу грамматических форм и по их основным значениям обнаруживают большую общность.

Проблема нормализации сводилась к сознательному отбору и вовлечению в наддиалектную норму тех сходных черт этих диалектов (ДМ и ДЮ), которые доминируют над чертами других диалектов корейского языка, с одной стороны, с другой, то, что отличает их от ЛС.

Что представляет собой язык корейской диаспоры – коре мар?

Он представляет собой один из типов языкового варьирования – койне, возникшего в иноязычной среде в условиях миграции. Он сложился, как было уже сказано, на основе взаимодействия (койнезации) двух диалектов Северохаамгенской провинции Кореи – юкчин и менчхон, поэтому объединяет в себе черты контактирующих диалектов. КМ отличается от как Пхеньянского, так и Сеульского стандартов корейского языка (КЯ).

Во-первых, его отличает архаичность, во-вторых, в нем много инноваций, отражающих изменения образа жизни корейцев в новых геополитических, экономических и социальных условиях. КМ имеет архаичные черты на всех уровнях языковой структуры: на фонетическом, лексическом, грамматическом [2]. Назову некоторые примеры.

Так, к архаичным звукам относится звук [sh]. Он свойственен только диалекту юкчин: 셔마 간다 [шэ`ба `канда] – ‘жениться’, к морфологическим архаизмам – падежный аффикс – 르 (дат.падеж): 나르 줍셔! [‘на-ры `чупшэ] ‘дайте мне’. Особенности в области лексики: 어시 [э`ши] ‘родители’ (ЛС – 부모). Что касается неологизмов, то в советское время появились слова, отражающие новые реалии: например, ‘домовая книга’ – 객보책이 [кэкбо-`цхâги] (객보 – ‘прописка’ и 책이 ‘книга’) (ЛС: чумин-тâчанъ), ‘Царская Россия’ 황제노새이 [хванъдже-но`сâи] (ЛС: 짜리 러시아 ццари рэсиа) и др. Кроме того, многие слова в КМ на новой территории проживания, в России, образованы на основе исконно

корейских корней: 해개-먹음 [хägä-мэ`гым] – ‘затмение солнца’ (ЛС: и 일식 - шик), 달개-먹음 [таргä-мэ`гым] – ‘затмение луны’ (ЛС: 열식 вэльшик).

КМ не испытал языковых реформ, которые были проведены в разное время на Юге и Севере Кореи. Это: устранение китайских иероглифов, японизмов и англо-американизмов в Северной Корее. В то время как в Южной Корее эти заимствования сохранены, но приняты новые правила в области орфографии. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что и генетически, и функционально их объединяет общенародная основа, т. е. КМ базируется на той же основе, что и пхеньянский, и сеульский стандарты. Более того, в нем сохранился вследствие длительной изоляции значительный слой исконно корейской лексики, утраченной на Корейском полуострове. Возможно, то же самое можно сказать и об устной речи китайских соотечественников.

Языковая ситуация в корейской диаспоре стран СНГ.

Почему вопрос стандартизации возник именно у корейцев СНГ, а не у живущих в Китае, хотя известно, что их устная речь имеет много общих черт с нашим языком, потому что и они, и мы выходцы в основном из той же местности, из Северохамгенской провинции Кореи.

Дело в том, что в Китае обучение литературному корейскому языку никогда не прерывалось, потому что связь Кореи и Китая была более тесной, чем с Россией, куда переселялись корейцы из Северного Хамгена. После разделения Кореи в 1948 году связь Китая и Северной Кореи стала еще тесней. А советские корейцы после переселения в Центральную Азию были абсолютно изолированы от своей исторической родины и обучение корейскому языку в школах совершенно не велось. Правда, были попытки ввести в школы обучение на корейском языке (там, где корейцы жили компактно), но это было недолго. Таким образом, корейцы СНГ не обучались литературному корейскому языку за небольшим исключением тех, кто учился на Дальнем Востоке в Дальневосточном университете и педтехникуме. Но их уже почти не осталось в живых и они не передали свои знания своим детям, так как в семьях мало говорили по-корейски.

Дело в том, что в советское время в языковой политике советского государства акцент делался на овладение русским языком и не придавалось значения овладению родным языком, особенно языком малочисленных народов.

Среднее поколение корейцев СНГ в настоящее время плохо говорит на корейском языке, причем только на разговорном «диалектном» языке. А молодое поколение и вовсе не понимает, и не говорит даже на диалекте.

Коре мар является на сегодняшний день лишь средством бытового общения. С функционированием корейского языка ситуация в настоящее время в Казахстане крайне неоднозначна. Проблема в том, что тот язык, на котором говорят многие представители старшего поколения, не имеет письменной формы. Диаспора не смогла стандартизировать коре мар. В настоящее время функции коре мар крайне ограничены, и он склонен к исчезновению.

Сейчас мы можем услышать коре мар лишь среди старшего поколения только в устном бытовом общении, но с каждым годом число говорящих сокращается и в их речи преобладает русская лексика. Одной из ранних работ о языковой ситуации в корейской диаспоре СНГ посвящена работа Р.Кинга и Ён Джяхуна «Язык корейцев Центральной Азии – коре мар» [3].

Системно представим формы конечной предикации на хангыль

I. Изъявительное наклонение

1.1. Повествовательные формы изъявительного наклонения

Изъявительное наклонение предикативов выражает действие, которое реально существует, существовало или будет существовать.

Степени вежливости, настоящее время

Нейтральна я	간다	본다	먹는다	있다
Простая	간다	본다	먹는다	있다

Вежливая	가오	보우	먹소	잇소
Почтит.	가압구 마	보옵구 마	먹습구 마	잇습구 마
Почт. офиц.	가압니 다	보옵니 다	먹습니 다	잇습구 마

Транскрипция на кириллице

Нейтральн ая	канда	понда	мэньнынд а	итта
Простая	канда	понда	мэньнынд а	итта
Вежливая	ка-о	по-у	мэк-со	иссо
Почтит.	каакум а	поокку ма	мэксыкку ма	иссыкку ма
Почт. офиц.	каамни да	поомни да	мэксымни да	иссымн ида

Аффикс *-о* употребляется в вежливой форме, если следует за гласными *а, и, ы, у, ё*. Аффикс *-у* употребляется, если следует за гласными *о, е, э* основы глагола.

Наряду с приведенными формами, можно выделить аффикс *-нира* для характеристики действий, выполняемых субъектом в 3 лице, аффиксы *-мне/-мни* и *-квэни* – для выражения действий субъектов в 3 и 1 лицах.

Простая степень *-нира* ка-нира
Вежливая -мне/мни ка-мне/мни
Почтительная -квэни каа-квэни

Канира ‘он уходит’ употребляется в ситуации общения, когда говорящий старше слушающего. *Камне* – это вежливая форма, используется в речи младшего со старшим. Форма *кааквэни* ‘он уходит’ выражает почтительность по отношению к слушающему. Выбор одного из названных аффиксов зависит, как было отмечено, либо от возраста, либо от социального статуса членов коммуникации.

**1.2. Вопросительные формы изъявительного
наклонения**

Нейтральная	가는가	보는가	먹는가	잇는 가
Простая	가냐	보냐	먹냐	잇냐
Вежливая	가오	보우	먹소/ 잡소	잇소
Почтит.	가암두	보옴두	잡슴두	잇슴 두
Почт. офиц.	가압니 까	보옴니 까	잡슴니 까	잇슴 니까

Транскрипция на кириллице

Нейтральная	канын- га	понын-га	мэньнын- га	иннынга
Простая	ка-ня	по-ня	мэнь-ня	иння
Вежливая	ка-о	по-у	мэксо/цапс о	иссо
Почтит.	каа-мду	поо-мду	цапсымду	иссымду
Почт. офиц.	каамник ка	поомник ка	цапсымник ка	иссымник ка

Вопросительные формы *-нынга*, *-ня*, *-о* в диалекте выражают отношения между говорящим и собеседником. Различия наблюдаются в оформлении почтительных форм. Показатель почтительной формы *-мду* свойственен только диалектам северо-восточной провинции Хамгён. Что же касается аффикса почтительной формы литературного языка *-мнида*, то он употребляется и в диалекте в общении с незнакомыми людьми высокого социального статуса.

1.3. Повелительная форма изъявительного наклонения

Нейтральная	가래리	보래리	먹으래리	잇으래리
Простая	가거라	보아라	먹어라	잇어라
Учтивая	가세	보세	먹으세	잇으세

Нейтральная	ка-рәри	по-рәри	мэгы-рәри	исы-рәри
Простая	ка-гэра	по-ара	мэг-эра	сс-эра
Учтивая	ка-се, каре	по-се, поре	мэгы-се, мэгы-ре	исы-се
Вежливая	ка-о	по-у	мэк-со/цапсо	исы-пшэ
Почтит.	каа-пшэ	поо-пшэ	цапсы-пшэ	исысып-шио
Почт. офиц.				
Вежливая	가오	보우	먹소/잡소	잇어
Почтит.	가압셔	보옵셔	잡습셔	잇습셔
Почт. офиц.	가십시 오	보십시 오	잡수십시 오	잇으십시 오

Транскрипция на кириллице

Аффикс –о употребляется в вежливой форме, если следует за гласными а, и, ы, у, ä. Аффикс –у употребляется в том случае, когда он следует за гласными о, е, э основы глагола.

1.4. Восклицательная форма изъявительного наклонения

Нейтральная	가는구나	좋구나
Простая		좋다
Учтивая	가네	좋네
Вежливая		좋소
Почтительная	가압구마	좋습구마

Транскрипция на кириллице

Нейтральная	канынгуна	тёкхуна /тёх-куна/
Простая		тётха /тёх-га/
Учтивая	кане	тённе /тёх-не
Вежливая		тёссо/тёх-со/

Почтительная	кагума	тёссы(п)кума/ тёх-сы-(п)кума
--------------	--------	---------------------------------

Количество глагольных форм, выражающих восклицание, ограничено. Приведенные примеры показывают, что нейтральная степень имеет показатель *-гуна*. Форма с *-гума* представляет почтительную степень и выражает восклицание по поводу неожиданного результата. Предикативные прилагательные, присоединяя указанные аффиксы, могут выражать все степени вежливости.

II. Пригласительное наклонения

Формы пригласительного наклонения выражают приглашение к совместному действию и образуются с помощью окончаний *-ниэ: кагипшэ; -о: кагио; -джа: каджа; -рәри: карәри* (к равным и младшим по возрасту).

Нейтральная	가래리	보래리	먹으래리
Простая	가자	보자	먹자
Вежливая	가기오	보기오	먹기오
Почтительная	가깁셔	보깁셔	먹깁셔

Транскрипция на кириллице

Нейтральная	карәри	порәри	мэгырәри
Простая	каджа	поджа	мэкчча
Вежливая	кагио	погио	мэккио
Почтительная	кагипшэ	погипшэ	мэккипшэ

Показатель нейтральной степени диалекта - *-рәри*, простая степень диалекта на *-ча*.

Ка-джа – ‘давай пойдём!’ *По-джа* – ‘давай посмотрим!’ *Мэк-кио* – ‘давайте поедим!’. Форма на *-гио* употребляется при обращении к посторонним, равным по возрасту, положению или к старшим, но близким. *Ка-гио* ‘давайте пойдём!’

Показатель *-гипшэ* представляет высшую степень вежливости.

Он используется для выражения почтения по отношению к лицам старшим по возрасту или/и социальному положению. Аффикс *-ги* вносит значение ‘совместного действия’. *Ка-гитиэ* ‘давайте пойдём!’

Все названные формы являются употребительными.

III. Предположительное наклонение

Формы предположительного наклонения употребляются для выражения предполагаемого действия и образуются при помощи аффиксов и частиц:

-рира: *ка-рира* ‘иначе он, может, уйдёт’; *Карира* – ‘он может пойти (предполагается, что он может пойти)’ *-рира* (о третьем лице), ‘намеревался трести’; *-рира+ме*: *карира-ме* ‘кажется, собираетесь пойти’, *тхэллираме*.

-са: *модым-са* ‘если только соберутся’;

-нтте: *каджа-нтте* ‘собирались пойти’. *Ани ор-ккаадага /орка хадага/* ‘не собиралась, было, прийти, но ...’;

-рккеда: *ттивэ шир-ккeda* ‘наверное, отпарился (хлеб)’

Для выражения предположения в прошедшем, а также в будущем времени употребляется *-рккеда*.

-ди, *ди-о* (сомнительное предположение ‘может быть’, ‘наверное’): *ка-ди*, *ка-дио* ‘я, наверное (пожалуй), пойду’, *химдырди* ‘наверное, трудно’;

-уре: *пхенджи-ры ссы-уре* ‘я напишу письмо, пожалуй’, *цхяг-ы кадже о-уре* ‘я, пожалуй, принесу книгу’. Говорящий высказывает сомнение в достоверности высказывания, имевшего место в момент высказывания или в прошлом.

Однако наряду с ними в ДЮ сохранилась в речи старшего поколения архаичная для современного КЯ форма на *-рира*, которая является живой нормой, активно употребляемая сегодня носителями диалекта, *ка-рира-ме* – ‘ты сказал, что ты собираешься пойти’. Данное наклонение выражает значения: ‘кажется’, ‘я полагаю’, ‘возможно’, ‘видимо’. Аффикс *-рира* – это древняя форма, она употребительна в ДЮ и выражает действие, которое совершится предположительно в будущем. Аффикс *-рира* употребляется, когда речь идет о третьем лице, и он не может образовывать форм прошедшего времени.

Предположительное наклонение образуется также с помощью аффикса будущего времени: *-гäc*. Например: *манькхäттa* (по всей вероятности, пожалуй, много) из

манх-кäстa.

Форма обещания. Аффиксы *-ма*, *-ди* придают глаголу оттенок обещания. При образовании нейтрально-вежливой формы используется аффикс *-ди*, простой формы на *-ма*. *Ка-ма* ‘приду’, *ка-ди (ДЮ)/-джи (ДМ)* – ‘приду (с оттенком модальности) ’.

IV. Уведомительное наклонение

Уведомительное наклонение показывает, что говорящий сообщает о достоверности действия или состояния третьего лица, не участвующего в разговоре, или сообщает о достоверности какого-либо события или явления, а также признака или качества.

Уведомление может быть прямым или косвенным, которые имеют в свою очередь повествовательную и вопросительную формы.

1. Прямое уведомление

Повествовательное прямое уведомление в юкчин имеет аффиксы: *-ккума*, *-дэнга*, *-дэра*: *ка-дэра*; *-дао*: *кан-дао*, *-нде*: *канын-де*, *-не*: *иссым-не* ‘есть, пожалуй’ (с равным по возрасту). Формы прямого уведомления: настоящее время: *Кы сарыми о-дэра*. ‘Он шел’ (сообщаю я); прошедшее время: *Кы сарыми ва-ттэ-ра*. ‘Он пришел’ (сообщаю я).

1.1. Повествовательная форма прямого уведомления

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	가더라	갓더라	가갓더라
Простая	가더라	갓더라	가갓더라
Вежливая	가압데	갓습데	가갓습데
Почтительная	가압더구마	갓습더구마	가갓습더구마

Транскрипция на кириллице

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	ка-дэра	ка-ттэра	кагäттэра

Простая	ка-дэра	ка-ттэра	кагәттэра
Вежливая	каап-тте	ка-ссып-тте	кагәссыптте
Почтительная	каап-ттэ-гума	ка-ссып-ттэ-гума	кагәссыпттэгума

Почтительная: каап-ттэ-гума, ка-ссып-ттэ-гума, кагәссыпттэгума .

Морфемы, присоединенные к основе глагола, содержат аффикс времени, наклонения. Подлежащим предложений со сказуемым в уведомительном наклонении может быть 3 лицо. Формы прямого уведомления употребляются в том случае, когда говорящий подчеркивает, что он сам видел, слышал или убедился в том факте, о котором идет речь.

Примеры: повествовательной формы вежливой степени прямого уведомления: 가압테 [каап-тте] (наст.вр.), 갓습테 [ка-ссыптте] (прош.вр.), почтительная 가압더구마 [каап-ттэ-гума] (наст.вр.), 갓습더구마 [ка-ссып-ттэ-гума] (прош.вр.).

1.2. Вопросительные формы прямого уведомления

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	가던가	갓던가	가갓던가
Простая	가더냐	갓더냐	가갓더냐
Вежливая	가압테	갓습테	가갓습테
Почтительная	가압던두	갓던두	가갓던두

Транскрипция на кириллице

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	кадэнга	каттэнга	кагәттэнга
Простая	кадэня	каттэня	кагәтта(э)ня
Вежливая	кааптте	кассыптте	кагәссыптте
Почтительная	каапттэнду	каттэнду	кагәттэнду

Вопросительная форма почтительной степени 갑던두 *капттен-ду* (наст.вр).

Предикативные аффиксы выражают уведомление первого лица второму лицу о действии третьего.

Соннимдэри утхиры нипкку ка-дэра. ‘Я видел, что гости оделись и пошли’.

Вопросительные формы: *о-дэн-га, ва-ттэн-га?*

2. Косвенное уведомление

Косвенное уведомление употребляется в том случае, когда говорящий подчеркивает, что он сам не видел, не слышал, не испытывал то, о чем говорится в данном сообщении. Он уведомляет об этом со слов третьего лица. Косвенное уведомление образуется двумя способами. Первый способ образуется присоединением к основе глагола аффикса *-да/дан* во всех временах и аффиксами конечной предикации, свойственными ДЮ. Косвенное уведомление первого типа выражает «мне сказали, что ...». Второй способ образуется присоединением аффикса *-дадэ/дадэн* и выражает «говорят, что ...».

2.1. Повествовательная форма косвенного уведомления (1 тип)

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	간단다	갓단다	가갓단다
Простая	간단다	갓단다	가갓단다
Вежливая	간다오	갓다오	가갓다오
Почтительная	간답구마	갓답구마	가갓답구마

Транскрипция на кириллице

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	канданда	катганда	кагätтганда
Простая	канданда	катганда	кагätтганда
Вежливая	кандао	каттао	кагätттао
Почтительная	кандаккума	каттаккума	кагätттакума

Повествовательное косвенное уведомление в юкчин оформляется аффиксами *-да, -дао, -ккума*. Повествовательная

форма почтительной формы косвенного уведомления *кан-да-ккума*, *-дан-да*, *да-дэра*, *-дан-де*, *-да-о*.

Примеры: настоящее время: *он-да-дэра* ‘говорят, что он придет (сообщаю я)’. Прошедшее время: *ват-та-дэра* ‘говорят, что он пришел (сообщаю я)’. –*ди*: *неннаре шйэдаешэ ханмуны пэ-ватти* ‘раньше в школе преподавали ханмун’. Вопросительные формы: *он-да-дэн-га* ‘говорят, что он придет? (сообщаю я)’. *ваттэра-дэн-га* ‘говорят, что он пришел? (сообщаю я)’. В повествовательной –*кквэни* (почт.со старшими) –*мни/мне* (со старшими), *-нира*: (с равными) *ха-кквэни*; *кааны коньбуры цар хакквэни*; *ха-мни/-мне* (со старшими), *ха-ни-ра*; *иссым-не* ‘есть’.

2.2. Вопросительная форма косвенного уведомления (1 тип)

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	간다는가	갓다는가	가갓다는가
Простая	간다냐	갓다냐	가갓다냐
Вежливая	간다오	갓다오	가갓다오
Почтительная	간담두	갓담두	가갓담두

Транскрипция на кириллице

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	канданынга	каттанынга	кагәттанынга
Простая	канданя	каттаня	кагәттаня
Вежливая	кандао	каттао	кагәттао
Почтительная	кандамду	каттамду	кагәттамду

Пример: *Соннимдэри ныдзэсэ кан-дао*. ‘Говорят, гости уходят, потому что поздно’. В данном предложении говорящий не видел, что гости уходят. Он уведомлен третьим лицом. С помощью форм косвенного уведомления подчеркивается ‘Я слышал о том, что кто-то говорит о том, что он уходит’.

2.3. Повествовательная форма косвенного уведомления (2 тип)

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	간다던다	갓다던다	가갓단다
Простая	간다더라	갓다더라	가갓다더라
Вежливая	간다더라오	갓다더라오	가갓다더라오
Почтительная	간다더랍구 마	갓다더랍구 마	가갓더랍구 마

Транскрипция на кириллице

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	кандадэнда	катгадэнда	кагътганда
Простая	кандадэра	катгадэра	кагътгадэра
Вежливая	кандадэрао	катгадэрао	кагътгадэрао
Почтительная	кандадэракку ма	катгадэракку ма	кагътгадэракк ума

2.4. Вопросительная форма косвенного уведомления (2 тип)

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.
Нейтральная	간다던가	갓다던가	가갓다던가
Простая	간다더냐	갓다더냐	가갓다더냐
Вежливая	간답데	갓답데	가갓답데
Почтительная	간답던두	갓답던두	가갓답던두

Степени вежливости	наст. вр.	прош. вр.	буд. вр.

Нейтральная	кандадэнга	каттадэнга	кагӑттадэнга
Простая	кандадэня	каттадэня	кагӑттадэня
Вежливая	кандапте	каттапте	кагӑттаптте
Почтительная	кандапттэнду	каттапттэнду	кагӑттапттэнду

Заключение

В заключении дадим пояснения принятым нами нормам написания тех грамматических форм, которые имеют отличия от их произношения в коре мар, сравнивая их с литературным стандартом корейского языка. Их научное обоснование возможно только путем историко-этимологического принципа, имея в виду, что КМ отражает ранний среднекорейский язык. Пожалуй, самой отличительной формой конечной предикации является -구마 [-гума]: 가구마 ‘Оказывается уходит’./ -ㅂ구마 [-п/-сып+ккума]: 가압구마 ‘Я уйду’. 잇습구마 ‘У меня есть’. В устной речи форма предиката произносится [васыккума - я пришел], письменная форма 왔습구마, в котором СК (-ㅅㅍ-) дало в современном КЯ (-습- аффикс почтительной формы). При этом здесь наблюдается регрессивная ассимиляция конечно-слового ㅂ и последующего звука ㅍ, в результате мы произносим твердый [кк], а на письме сохраняется один г [См. 4. Квас с. 155; 5. Квон, с.54-57,]. Другим обоснованием написания не – 꾸마, как звучит, а -구마 служит проверочное слово 갓습더구마 ‘я видел, что он ушел’, где аффикс стоит после

гласного звука. Но в другой позиции *и* проявляется: 가압테 [каапте] ‘Он уходит (сообщая я)’.

Отдельно рассмотрим написания:

1.Связки 잇다 – ‘есть, иметься’ (ЛС: 있다) .
잇으니/없으니. Обоснование: 가갯으니.

2.Аффиксов прошедшего времени -엇다/-엿다 (ЛС: -
엇다/였다) и будущего времени -갯 (ЛС: -겠), которые
пишутся в КМ с одним ㅅ: прошедшее время: 먹엇습구마,
먹엇으니, будущее время: 먹갯습구마, 가갯으니

[См.б. Ким Сухён, с.120, 128–130].

Мы привели лишь несколько примеров характерных
различий между КМ и стандартным корейским языком в
произношении и написании.

Принятые сокращения:

КМ- коре мар (язык советских корейцев)

СНГ – содружество независимых государств (бывших
советских республик) КЯ – корейский язык

КС – коре сарам

ЛС – литературный стандарт корейского языка

ДЮ – диалект юкчин

ДМ – диалект менчхэн

Буква ㅐ передается в русской транскрипции символом
[ä], ㅓ – звуком [э].

ЛИТЕРАТУРА

- 1.주시경. 유구집. 평양, 1957. 230 p.
- 2.Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы, 2005. 303 с.
- 3.킹 러쓰, 연재훈. 중앙아시아 한인들의 언어 – 고려말. 한글학회, 1992.
- 4.최명옥, 광충구, 배주채, 전학석. 함북 북부지역어 연구. 서울, 2002. 456 p.
- 5.권재일. 중앙아시아 고려말의 문법. 서울, 2010. 347 p.
- 6.김수현. 중앙아시아 고려말의 공시음운론. 박사학위논문. 서강대학교, 2015.

Койнезированный вариант языка корейской диаспоры постсоветских
стран – коре мар

Корееведение Казахстана. Алматы, №10. 2019.

ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КОРЕ САРАМ «ПРЕДАНИЕ О СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ К РОДИТЕЛЯМ»

Аннотация: В данной статье представлен материал устной речи носителей коре мар. В ней описаны фонетические, лексические и грамматические особенности живой речи на коре мар на основе анализа аудиоматериалов. Предметом исследования являются языковые особенности речи одного из носителей языка корейской диаспоры. Материал записан во время диалектологической полевой работы в городе Капчагае (Казахстан) в 2013 г. В статье описаны фонетические, лексические и грамматические особенности живой речи на коре мар на основе анализа аудиоматериалов.

Методы исследования. Используются методы полевой лингвистики – интервью и анкетирование, запись устной речи, затем дешифровка диктофонных записей устной речи и переложение их в письменную форму. Переложение осуществлено с помощью современной компьютерной программы Elan 4.8.1.

В основу применяемой нами транскрипции положен фонетический принцип с элементами морфологического. Морфологический принцип соблюдается при письменной фиксации грамматических форм на основе общепринятого для диалекта произношения, учитывается морфологическое строение слова, поскольку диалект, как известно, функционирует только в устной речи, и нет сложившейся традиции письма, отражающей все диалектные особенности. Вследствие этого при письменной фиксации диалекта соблюдается морфологическая целостность компонентов слова.

При описании особенностей звукового строя диалекта мы исходим из сопоставления диалектных форм с литературным стандартом корейского языка. При этом принимаем во внимание то обстоятельство, что в одном звуке ЛС могут совпадать в результате конвергентного развития исторически различные звуки, дифференцирующиеся в диалекте.

Публикуемый материал знакомит читателей с жанром устного народного творчества коре сарам – сказанием «Предание о сыновней почтительности к родителям». Оно повествует о реальных лицах и событиях прошлого, в основе которого лежит чудо или представление, воспринимаемое рассказчиком или слушателем как достоверное. Это предание погружает нас в мир художественный, в котором необычно сочетаются реальное и мифологическое. Мотивом послужило событие, которое произошло в семье простого крестьянина.

Введение

Изучая судьбу языка корейской диаспоры, мы рассматриваем круг связанных с ней вопросов: как взаимодействуют диалекты корейского языка в иноязычной и инонациональной среде, что с ними происходит, как они преобразуются, как образуется новая система, как и почему исчезает язык.

Функционирование корейских диалектов в изоляции, вдали от материнского языкового поля, а также возникновение новых территориальных вариантов корейского языка — результат сложных глоттогонических процессов. Аналогичные процессы происходили во все времена и на всех континентах, они продолжаются и в настоящее время. Особенно это касается языков малочисленных народов, находящихся на грани вымирания.

В данной статье предлагаются материалы устной речи носителей коре мар (КМ), сложившегося в условиях междиалектного взаимодействия и полиязычного контактирования в Казахстанском обществе и в других регионах СНГ. Он представляет значительный интерес для изучения развития чисто языковых процессов, происходящих в названной ситуации, и процессов формирования вариантов языков в иноязычном окружении.

Предметом исследования являются языковые особенности речи одного из носителей языка корейской диаспоры. Материал записан во время диалектологической полевой работы в городе Капчагае (Казахстан) в 2013 г. В статье описаны фонетические, лексические и грамматические

особенности живой речи на коре мар на основе анализа аудиоматериалов.

Методы исследования. Использованы методы полевой лингвистики – интервью и анкетирование, запись устной речи, затем дешифровка диктофонных записей устной речи и переложение их в письменную форму. Переложение осуществлено с помощью современной компьютерной программы Elan 4.8.1.

О языке корейской диаспоры

Язык корейской диаспоры коре мар представляет собой койне, сложившийся из смешения диалектов и говоров Северохамгенской провинции Кореи. Коре мар относится к одному из типов региональной разновидности национального корейского языка. Он уникален тем, что в нем сохранились архаичные элементы, в том числе исконно корейская лексика.

Другой особенностью коре мар является наличие в нем значительного числа новых слов, созданных на основе исконно корейских элементов в период самостоятельного функционирования на новой территории проживания корейцев, сначала в России, а затем в других регионах бывшего СССР, и заимствований из языков окружения — русского и казахского/ узбекского.

Напомним, что корейцы переселились на российский Дальний Восток во второй половине 19 века из Северохамгенской провинции Кореи, а в 1937 году они были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. Корейцы Казахстана говорят на различных говорах Северохамгенской провинции, среди них – диалекты юкчин (в дальнейшем ДЮ) и менчхон (ДМ).

Коре мар на сегодняшний день является лишь средством бытового общения. С функционированием корейского языка ситуация в настоящее время в Казахстане крайне неоднозначна. Проблема в том, что тот язык, на котором говорят многие представители старшего поколения, не имеет письменной формы. Диаспора не смогла стандартизировать коре мар. В настоящее время функции коре мар крайне ограничены, и он склонен к исчезновению. Также идёт активное проникновение в коре мар литературного стандарта

(ЛС) корейского языка. Таким образом, наблюдается распределение функций между литературным стандартом корейского языка (ЛС) и коре мар.

Основной причиной отмирания коре мар служат социально-демографические факторы. Изменения социальных условий жизни корейской диаспоры, связанные с депортацией в Казахстан и Среднюю Азию, и другие факторы определили судьбу коре мар. Сейчас мы можем услышать коре мар лишь среди старшего поколения только в устном бытовом общении.

В последнее время активно изучаются диалектные разновидности корейского языка на всей территории его распространения, прежде всего в Казахстане. Интенсивно ведутся разработки диалектных словарей в сравнительном плане, описываются фонетические, лексические, морфологические особенности региональных разновидностей корейского языка, в том числе в Казахстане [1].

Принципы записи речи информантов и методика исследования

Документирование языка – это первая стадия познания языка, представляющую собой деятельность по сбору, фиксации, обработке и анализу полученных данных определенного языка, в данном случае – коре мар, с целью дать максимально полное представление о структуре языка, т.е. о единицах всех уровней. Она не сводится к механическому сбору сырой информации. В этом смысле документация и описание – взаимосвязанные процедуры, они осуществляются параллельно.

Основным методом сбора информации о неописанных языках является полевой. Большой опыт практической полевой работы накоплен в лингвистике в связи с изучением диалектов и бесписьменных языков. Напомним, что существуют сильные традиции в лингвистической полевой работе, которые сложились в ряде стран: в России, Германии, Америке и др. Назовем имена многих крупных лингвистов, проводивших исследования в полевых условиях: М.А. Кастрен, П.К. Услар, В.Г. Богораз, И.А. Бодуэн де Куртене, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др.; Ф. Боас, Л. Блумфилд, Э.

Сэпир, Б. Уорф, К. Пайк, Е. Найда и др. Следует упомянуть и о пионерских исследованиях немецкого диалектолога Г. Венкера и французского – Ж. Жильерона. Однако, несмотря на накопленный опыт полевой работы, обобщающих трудов по названной тематике немного.

Полевая работа в идеале состоит из нескольких этапов. Полное описание методики полевых исследований для миноритарных языков (языков диаспор) содержится в труде Н.С. Пак [2]. Мы использовали ее лишь частично [там же, с. 35-40].

Первый этап. Наиболее важной частью является предварительная подготовка к полевому исследованию – «нулевой цикл», от решения которого зависит качество собранного материала. (О «нулевом цикле» в полевой работе см. [там же с. 31-64]). Он включает:

1) Разработку анкет и определение тем для беседы. Анкета содержит данные информанта: ф.и.о., год рождения, место рождения, год и местность переселения из Дальнего Востока и переселения предков из Кореи. Темы для беседы должны быть близкие для носителей языка. Это история переселения с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, традиции, обычаи корейского народа, соблюдаемые в местности проживания, автобиографии, истории из личной жизни, об известных людях того времени, знаменательных событиях того периода.

2) Выбор информантов. Главным требованием к информанту должна быть хорошая языковая компетенция, поскольку не всякий носитель диалекта может быть хорошим информантом. От него требуется комплекс самых различных качеств, важных для полевой работы. Но самым необходимым качеством информанта должно быть, прежде всего, осознание специфичности своей диалектной разновидности. А такие носители, особенно в условиях вымирания языков, встречаются крайне редко.

3) Выбор языка общения. Одним из необходимых условий для эффективной работы с информантами должен быть выбор рабочего языка. Это может быть язык – объект, либо иной язык – посредник.

Второй этап включает работу с информантами.

Метод прямого и обширного интервьюирования должен сочетаться с другими методами для корректировки полученных данных и адекватного описания языка. Чтобы изучить процессы языковых изменений, недостаточно фиксации синхронного среза современного состояния языка только одного поколения. Желательно сравнить данные как минимум двух-трех поколений и носителями различных диалектов. В нашем случае мы исследовали и описали речь только одного информанта – носителя диалекта менчхон.

Третий этап включает анализ полученного материала: выявление фонетических, грамматических и лексических особенностей диалекта.

Четвертый этап – анализ письменных источников на диалекте, однако он нами не применен.

Пятый этап – сравнение результатов анкетирования с телефонным интервью и диктофонными записями информантов, дающее возможность проверить метод на точность. Этот этап не пройден и сравнение не проводилось.

В работе использована транскрипция на базе русской графики, разработанная советскими учеными и принятой в советском корееведении [3]. Однако для передачи специфических звуков корейского языка некоторые буквы были заменены сочетанием букв или символами, отражающими их реальное произношение. Букву ㅈ между гласными мы передаем как [дж] или [дз], в начале слова – как [ц] или [ч], твердый согласный – [чч] или [цц], придыхательный – [чх] или [цх], носовой ㅇ – как знак [нъ], ㅓ – [э], ㅗ – [ä]. Адаптированные заимствования пишутся согласно нормам их произношения в диалекте [4].

В основу применяемой нами транскрипции положен фонетический принцип с элементами морфологического. Морфологический принцип соблюдается при письменной фиксации грамматических форм на основе общепринятого для диалекта произношения, учитывается морфологическое строение слова, поскольку диалект, как известно, функционирует только в устной речи, и нет сложившейся традиции письма, отражающей все диалектные особенности. Вследствие этого при письменной фиксации диалекта

соблюдается морфологическая целостность компонентов слова.

При описании особенностей звукового строя диалекта мы исходим из сопоставления диалектных форм с литературным стандартом корейского языка. При этом принимаем во внимание то обстоятельство, что в одном звуке ЛС могут совпадать в результате конвергентного развития исторически различные звуки, дифференцирующиеся в диалекте.

Таблица 1 – Фонетическая транскрипция

Буква Фонетическая транскрипция

ㅏ/ㅑ	а/я
ㅓ/ㅕ	э/йэ
ㅗ/ㅛ	о/ё
ㅜ/ㅠ	у/ю
ㅣ/ㅡ	и/ы
ㅔ/ㅖ	е/йе
ㅐ/ㅑ	ä/йä
ㄱ/ㄲ/ㅋ	к, г/кк/кх
ㄴ	н
ㄷ/ㄸ/ㅌ	т, д/тт/тх
ㄹ	р, ль
ㅁ	м
ㅂ/ㅃ/ㅍ	п, б/пп/пх
ㅇ	нъ
ㅅ	с, ш
ㅆ	сс, щ
ㅈ/ㅉ/ㅊ	дж, дз/цц, чч/чх, цх
ㅎ	х
외/위	ве/ви
의	е
와/워	ва/вэ
왜/웨	вä/ве

Примечания:

Символы:

: двоеточием обозначается долгота гласных;

[] в квадратных скобках даны комментарии (уточнения) рассказчика, пояснения самого информанта;

() в круглых скобках помещены комментарии слушателя/ исследователя. Они помогают восприятию содержания, осмыслению языковых явлений, уточнению смысла, толкованию исследователя;

/ косые линии обозначают паузы в речи и синтагмы;

а *курсивом* выделены русские заимствования или уточнения на русском языке.

Представляем данные информанта

Фамилия, имя: Шин Александра

Дата рождения: 26.03.1945

Родители: отец – 신가일, мать – 최옥순

Место записи: г. Капчагай, Казахстан

Год записи: 2013

Публикуемый материал знакомит читателей с жанром устного народного творчества коре сарам – сказанием «Предание о сыновней почтительности к родителям». Оно повествует о реальных лицах и событиях прошлого, в основе которого лежит чудо или представление, воспринимаемое рассказчиком или слушателем как достоверное. Это предание погружает нас в мир художественный, в котором необычно сочетаются реальное и мифологическое. Мотивом послужило событие, которое произошло в семье простого крестьянина.

В предании говорится о том, что во время отсутствия сына, лишенная разума мать бросила собственного внука в кипящий котел, чтобы сварить себе завтрак, перепутав ребенка с курицей. Жена крестьянина, тихо вытащив из котла своего ребенка, похоронила его, а затем сварила курицу и накормила свекровь. После, приготовив обед, она отнесла обед мужу и рассказала о происшедшем. Изумленный поступком жены муж выразил ей свою благодарность многократными поклонами.

Это повествование поучительного характера, где показано почтительное отношение детей к своим родителям.

Как известно, почтительность к родителям восходит к конфуцианскому кодексу и, согласно корейской традиции, почитание родителей – есть одна из общепринятых нравственных норм корейской культуры, на соблюдении которой и построен весь рассказ.

В приведенном материале отражена современная устная речь на коре мар одного из носителей языка корейской диаспоры – Шин Александры. Ее повествование переложено в письменную форму и передано в транскрипции на хангыль и кириллице, затем дан перевод русский язык. При этом по возможности были сохранены особенности речи на коре мар. Данное повествование, услышанное рассказчиком от других лиц, прежде всего показывает колорит местного говора и также может дать возможность коре сарам «прочувствовать» свой домашний язык. Представленный материал имеет языковую (диалектологическую), этнокультурную и фольклорную ценность.

«Йеммар (соджа/хёджа тэхасэ)»

Йеммар хам / чоын йеммар / урине соджа тэхасэ.

Кырийä / адыри (патхыры) нагасэ / (чибе) се:ми /ныргын еми/ иччимы. Кыджэнены Вэндосэ-ня иччига:и нагасэ ирханырагу / ачхимду ай чапсукку / касэны ирхаджимы. Кыдаме аньккаины чокком ныдзэ ирэнасэ / ачхим хя:сэн намджеге кя:гаджим. Кырийä / кя:да мегигусэн / кыдаме тто чибур оджим. Хан ачхимены ныдзэ наваччи мэ. Кы сарымдэрыны соджа твэнаиккана спорир ханданы пэби эпттао. Кырэданайккана ныдзэ йэрту сие наваччим. Кырийä / намдже кыраччим.

- Оныр ачиме /ир мэ/ эттэкхе твасэ / ирэкхе ныдзэ наванна / нан эдзэн шидахао. [Чом пэ копхуда хаджим]. Кырэиккана аньккай андза урджи мэ / марын мотхагу.

- Нэ пель мар ай ханда. Эччэ цане унынъгао? (Намдже мурэбоджим).

Кырэиккана аньккай ханцхам анькку иттага/ и мархаджимы.

А: ханнэ чоккоманханъ ге нубэ иччимы. Мет тар твэнынъ гэ кудуредэ нупхе наччим. Кырийände мури эпсэ /мурджилла меныр каччи мэ. Кырэн эгане и ночхине на: мэгэ

ома ссэсэ-ня/ мури чагыиккана камāда мур пукку /мур кā:дага ачхим хаджимы. [Кыджэне ирэн камā исэссо]. Кхын камā кэрэ наччим. Кы ккыллын муред а:р кэдэ йэччим. Кэдзэ / а:р кэдэ йэиккана ккыллын муресэ а: чугэччим. Кырйā / (меныри) оиккана / кысā а:р ккыллын муред кэдэ йэ чугеччим. Кырйā / аньккаи аму марду аи хагу / а:р ккырэнāsэ / кыдамены / ульмесэр кā:дага пхамукку / кы йеммари кырэчхи. [Кырйā намджэ чэ:ги / чховā ора хāя твāджи. Кыгэ хапча кā:да пхамукку / кыдамены ачхим хāsэ...]

Меныр оиккана / се:ми кырэджим. - Нā таргы чабатта / камāда таргы анхетта хаджи мэ / а:р кэдэ йэккусэри. Кырйā / эммяна таргыкоги чапсукекку а:р кэдэ йэкканнынъгао? И меныри нагасэ / таргы чабасэ тхэр кэмджирхāsэ [кыджэне мэ / кāин тарги каттыкхаджим] / ачхимы се:ми кормир хагу / кыдаме кы ачхим хāиккана / чом чэмшим ттā твāччи мэ.

Кырйāиккана и намдже кырāччим. - Йя: / не наме (тарын) сарыме а:р чугеннынде / кыгэ кā:да пхамукку / таргы тто чабасэ / ачхим хā / ночхине тādзэп ачхим шигессыйккана / эттэкхе камсахаму кырэкхе камсахаганнынъга? Чэр чакку хāччим / аньккаигеда. Нэ:му асымчхāsэ чэр хāччим.

Кыдамены аньккаи (сāнъгахаджим). Ханыр катхын намдже чэр ханынде / нā тта: катхын аньккаи эччā камаи икканнынъга? Тто чэр хāччим. Эги-эги хаданай / тури эги-эги чэр хāччим.

Сосед сарымдэр тоже ноньсāджир ханъ гэ паччи мэ. Хан ачхиме эттэкхе твāsэ / чэ эмнесына эги-эги чэрханынъга хāччимы. Кырэн ири кырэтхагу кырйā чинагаччи.

Кыдамены / касыр тхэк тораваккэдэн. Кы хā моссыр хā мояда. Пэргэджи тырэсэ /тарын сарымдэрын пепатхе кы пэргэджидэри перы кэбанъ эдзэн йемуджа: ханынде/ ссак могаджир ккыненаччимы. Кырйāданай урожай эпччи. Сунънйэи твāччи. Кырэнде /кы чип патхынын / эммяр мет гектар шимгэттэнджи /тырэм/ кэдзэ тырэм нэмэгададу чукку / пэргэджидэрын / нэмэгададу чукку /. Кырйā та чугэ. Кы чип хана паккен пе ноньсār ханъ ге эпччим. Кырйā куккасэ васэ /ссак ирā торапогу /эттэкхе твāsэ/ тарын чибын та манъханнынде / та моссыге твāннынде / чэ чибыны аи чукку / оллагададу пэргэджи ссак чукку / мо оллагаччим.

Кыдаме сосеттэр мархächчим. Хан ачхиме эмнесына / мусыгэ / паньтхор хан моядэрао / эмнесына чаккума эги-эги чэр хадэрао. Кыгэ паттао / кырэгусэн тэ морыгättао.

Кырийäсэ / кыдамен кы куккасэ кы сарымдэр ора хäсэ / васэ [допрос] мурэбаччимы. Эттэкхе твäsэ / амуттä амуттä таньшинне эмнесына чэр ханнынъгао.

Кйä / и нагыне сашилъ ягиры та хächчим.

- Нэне ханыре анын сарымдэр твäsэ / кырийäсэ кыге пэргэджидэрдү кырäsэ / ссак чукку / нэ урожай чичхеттао.

Кырэкхе мархадэрао.

Йеммар май хадэньман / нан эдзэн идзэбэрйэ морыгäссо.

옛말 (소자/효자에 대해서)

옛말 함, 좋은 옛말, 우리네 소자 대해서.

그래 아들이 (밭으르) 나가서, (집에) 세에미, 늙은 에미, 잊지므. 그전에느 원도서 냐 이찌가아이 나가서 일하느라구 아침두 아이 잡습구, 가서느 일하지므. 그담에 양까이는 조꿈 늦어 일어나서 아침 해애선 남제게 개애가짐. 그래, 개애다 벵이구선, 그담에 또 집을 오짐. 한 아침에느 늦어 나왔지 며. 그 사름덜으느 소자 돼나йка나 스포털

(러시아어: спорить) 한다느 법이 없다오. 그러다나йка나 늦어 열두 시에 나왔짐.

그래 남제 그랫짐. 오늘 아침 일 며 어떻게 돼서 이렇게 늦어 나왔나? 난

어전 시다하오.[좀 배 고푸다 하짐.]

그러йка나 양까이 앓아 울지 며, 말은 못하구.

그래, 내 벨 말 아이 한다, 어째 자네 우는가오? (남제 물어보짐.) 그러йка나 양까이 한참 앓구 잇다가 이 말하지 며. 아아 한내 조꼬만한 건 늙어잊지므. 뿔 달 돼는 거 구둘애다 늙헤났짐. 그런데 물이 없어 물질라 메늘 갖지 며. 그랜 어간에 이 노친네 나아 떡어 오마 썬서 냐 물이 작으йка나 가매다 물 붓구 물 개애다가 아침 하지므. [그전에 이런 가매 잇엇소.] 큰 가매

걸어놔짐. 그 끓는 물에다 아알 거더엿짐. 거저 아알 거더엿이까나 끓는 물에서 아아 죽엇지 며. 그래 메느리 오이까나 그새 아알 끓는 물에다 거더여 죽엇짐. 그래 안까지 아무 말두 아이 하구 아알 끌어내서, 그담에느 울메설 개애다가 파묻구... [그 옛말이 그렇지. 남저 저기 초왜 오라 해야 돼지, 그거 합자 개애다 파묻구, 그담에느 아침 해서...]

메늘 오이까나, 내 닭으 잡았다, 가매다 닭으 앓혔다 하지 며. 아알 거더엿구서리. 그래 얼마나 닭으고기 잡수웁구 아알 거더엿겠는가오? 이 메느리 나가서 닭으 잡아서 털 검질해서 [그전에 뭐 개인 닭이 가뜩하짐] 아침으 세에미 코르밀 (러시아어: кормить) 하구, 그담에 그 아침 해 개애가다누 점심 때 뗏지 며.

그래이까나 이 남제 그랫짐. 야야, 네 남에 (다른) 사름에 아알 죽엇는데,

그거 개애다 파묻구 닭으 또 잡아서 노친네 대접 아침 시겠으이까나 어떻게 감사하무 그렇게 감사하겠는가. 절 자꾸 헛짐, 양까이게다. 너무 아슴채에서 절 헛짐. 그래 절 하이까나, 그담에느 양까이 하늘 같은 남제 절 하는데, 내 따 같은 양까이 어째 가마이 잇겠는가. 또 절 헛짐. 어기어기 하다나이 둘이 어기어기 절 헛짐.

소쎄 (러시아어: сосед) 사름덜 토제 (러시아어: тоже) 농새질 한 거 봤지뵤. 한 아침에 어떻게 돼서 저 엄네스나 어기어기 절 하는가 헛지 며. 그런 그렇다구 그래 지나갓지. 그담에느 가슬 떡 돌아왔거던. 여름에 그해 모쓸 해 모야다. 벌거지 들어서 다른 사름덜은 베밭에 벌거지덜이 베르 거방 어전 예무자 하는데 싹 모가질 끄네낫지 며. 그래다나이 우로자이 (러시아어: урожай) 없지. 승녀이(흉년) 뗏지. 그런데 그 집 밭으는 엄말 뗏 게크타르 심켓던지, 드림 그저 드림 넘어가다두 죽구, 벌거지덜은 넘어가다두 죽구, 그래 다 죽어. 그 집으 하나밖엔 베농셀 한 게 없짐. 그래 국가서 와서 싹 이래 돌아보구, 어떻게 돼서 다른 집은 다 망헛는데 다 모쓰게 뗏는데, 저 집으느 아이 죽구, 올라가다두 벌거지 싹 죽구 모 올라갓짐.

그담에 소센덜 (러시아어: соседи) 말했지 며. 한 아침에 엄네스나 무스거 방틀 한 모야더라오. 엄네스나 자꾸마 절 하더라오. 어기어기 절 하더라오. 그거 봤다오. 그러구선 더 모르겟다오.

그래서 그담엔 그 국가서 그 사름덜 오라 해서 와서 [도프로스

(러시아어: допрос)] 물어봤지 며. 어떻게 돼서 아무때 아무때 당신네 엄네스나 절 했는가오. 개 (그래서) 이 나그네 사실 얘기르 다 했짐.

그러이까나, 오오, 너네 하늘에 아는 사름덜 돼서, 그래서 그제 별거지덜두 그래서 짝 죽구, 너 우로자이 (러시아어: урожай) 지텃다느, 아이 죽엿다오. 그렇게 말하더라오.

옛말 마이 하딩만 난 어전 잊어버려 모르겟소.

«Предание о сыновней почтительности к родителям»

Среди древних преданий есть предание о детях, почитающих родителей.

Однажды пошёл сын в поле работать, а дома осталась его старая мать. Раньше на Дальнем Востоке мужчины выходили на работу в поле рано утром, даже не завтракали. Потом, чуть попозже, просыпалась жена, готовила завтрак и несла его мужу. И накормив его, снова возвращалась домой. И вот однажды утром жена припозднилась (из-за свекрови). Раньше-то у людей и в мыслях даже не было спорить со старшими. Муж у неё спрашивает:

- Сегодня утром что-то случилось? Почему ты задержалась? Я уже проголодался.

Жена же плачет, и сказать ничего не может.

Я вроде ничего обидного не сказал – чего же ты плачешь? - спросил муж.

Жена, посидев еще какое-то время, начала рассказывать.

Их с мужем ребёнка, младенца всего нескольких месяцев отроду, жена уложила на тёплый пол (кудури). Заметив, что в доме мало воды, она отправилась за водой. В это время престарелая мать мужа, которая уже помешалась

рассудком, налила воду в казан, чтобы приготовить завтрак. [Раньше были такие большие казаны]. Вскипятила в большом казане воду и в кипящую воду кинула ребёнка. Ребёнок, конечно же, умер. Вернувшись, жена увидела, что в её отсутствие свекровь погубила ребёнка. Но она, не сказав ничего свекрови, вытащила ребёнка из казана, а затем, плача, похоронила его. [Ну это в предании так говорится. Вообще, нужно было людей позвать на похороны, а она в одиночку похоронила ребёнка. А потом приготовила завтрак].

- Я поставила варить курицу в казане, – сказала свекровь невестке, хотя на самом деле она сварила младенца.

«Это как же свекровь хотела курицу, что сварила моего бедного малыша!» – вот что было в мыслях жены. Затем она зарезала курицу [в то время кур было полным-полно], ощипала её, сварила и накормила завтраком свекровь. Между тем, уже настало время обеда.

Услышав о происшедшем, муж сказал жене:

- Ты потеряла ребенка, в одиночку похоронила его и еще нашла силы сварить курицу и накормить завтраком свекровь. Как же я могу тебя отблагодарить? – С этими словами муж кланялся жене снова и снова в знак благодарности.

- Мужчина, подобный Небу, кланяется мне. Разве я – женщина, подобная Земле, могу не кланяться ему в ответ? – подумала жена. И тоже начала кланяться мужу. Так и кланялись они друг другу снова и снова.

Люди, работающие на соседних полях, дивились, глядя на кланяющихся друг другу супругов.

- Что же, в конце концов, произошло, что они теперь отдают друг другу поклоны? Чего ж только не бывает! – подумав так, возвращались они к своим делам.

Наступила осень. В тот год лето выдалось неудачное. Колосья риса уже начали было созреть, как тут напали насекомые-паразиты, которые уничтожали все на своём пути. Поэтому весь урожай пропал. Настал голод. Однако, как ни пытались паразиты попасть на поля наших супругов, размером в несколько гектаров, они все подышали, только перебравшись через бровку. Из всей округи урожай смогла собрать только эта семья. Поэтому пришли чиновники

разбираться, что да как, почему только поля этой семьи уцелели, в то время как все другие пострадали.

- Видели, что однажды муж с женой проводили какой-то обряд. Вдвоём друг другу кланялись и кланялись без устали. Только это видели, больше ничего не знаем, – твердили соседи.

Поэтому чиновники послали за супругами, чтобы допросить их:

- Зачем вы тогда-то и тогда-то в поле кланялись друг другу? После того как муж честно поведал всю историю, чиновник сказал:

- Небеса о вас узнали, поэтому и насекомые-паразиты не тронули ваш урожай и погибли.

Я слышала много преданий, но уже забыла.

Наблюдения над фактами и явлениями живой народной речи выявили, что коре мар, как и некоторые другие диалекты корейского языка, сохранили подчас грамматические формы и синтаксические конструкции, а также лексические единицы, которые в настоящее время отсутствуют в литературном языке. Наряду с этим выявлены явления интерференции и индивидуальные особенности речи Шин Александры. Рассмотрим некоторые из них.

Фонетический уровень

1. Для коре мар типично четкое произнесение конечнослогового дрожащего [p], в то время как в ЛС он произносится в этой позиции как [л]. мур, меныр, сарымдэр, мар, чэр, йеммар и др. Однако есть и исключения: Сашиль ягиры та хяччим. В слове сашиль конечнослоговой \cong автор произнесла как [л].

2. Информант использует аффикс конечной предикации –гу вместо стандартного ㅁ. чукку, пхамукку, марын мотхагу, мур пукку.

3. В КМ возможна ассимиляция и при обратной последовательности звуков, т.е. согласные [н], [м], [р] перед [к], [кк], [кх] дают [нъ], что невозможно в ЛС. Такую ассимиляцию можно наблюдать в речи информанта. Например: сочетание [н], н+г – [нъ] анъккаи,

чоккоманханъгэн, унынъгао, анъкку иттага, меттар твӑнынъгэ, кырэнъгэ.

4. В КМ а: 'ребенок' – ЛС: ай. В транскрипции мы поставили знак долготы (:). Этому есть объяснение. Дело в том, что в средневековом корейском в падчхиме стоял знак (ㅎ). Но в силу исторических процессов в современном стандартном языке он отпал, в КМ он остался как реликт в форме долготы гласного а, таким образом, долгота гласного выполняет компенсаторную функцию. Этот пример показывает, что в КМ сохранились некоторые реликтовые и архаичные элементы.

Следует отметить и различия между диалектами коре мар – между диалектами менчхон и юкчин. Анализ показывает, что А. Шин является носителем диалекта менчхон.

1) Отсутствие звука [н] в ряде позиций в ДМ и наличие в ДЮ:

ДМ: хаикка 'поскольку делали' - ДЮ: ханикка

ДМ: каикка 'так как пошли' - ДЮ: каникка

ДМ: эпсыикка 'поскольку нет' - ДЮ: эпсыиникка

ДМ: ай 'не, нет' - ДЮ: ани

ДМ: иччигаи 'рано' - ДЮ: иччигани

ДМ: кырэйккана 'поэтому' – ДЮ: кырэниккана.

2) Палатализация (смягчение) в ряде позиций твердых звуков ц/цц/цх в ДЮ на ч/чч/чх. в ДМ:

ДЮ: ацхым - ДМ: ачхим 'утро'.

3) Палатализация (смягчение) в ДМ в ряде позиций звука с на ш, свойственного ДЮ:

ДМ: сунънён 'голодный год' – ДЮ: шунънён.

4) Палатализация (смягчение) в ДМ в ряде позиций звука к на ч, свойственного ДЮ:

ДЮ: кичхетта 'оставить' - ДМ: чичхетта

Особенностью речи информанта является употребление ㄴ вместо ㅎ в слове 소자 (효자).

Мы указали лишь на некоторые фонетические особенности в речи информанта.

Лексический уровень

Приводим данные особенностей на лексическом уровне: использование лексических единиц, отличающихся от ЛС.

КМ: анкакай 'жена' (сниж.) – ЛС: анä (아내)

КМ: шидахада 'проголодаться' (вежл) - ЛС: шиджанъхада (시장하다)

КМ: цане (자네) 'ты' (вежл.форма обращение старших к младшим) - ЛС: ты (обращение на ты между супругами и между друзьями)

КМ: мурджилла канда 'идти за водой' (с ведрами на коромыслах (арх.))

КМ: хапча 'одна' (сокр. форма от хабундза) – ЛС: хондза (혼자)

КМ: асымчхэйтха 'спасибо' – ЛС: комапта, камсахада (고맙다, 감사하다)

КМ: намдже 'муж' – ЛС: нампхён (남편)

КМ: емнесына 'супруги' – ЛС: пубу (부부)

КМ: кэбанъ 'почти' – ЛС: кэьи (거의)

КМ: нэне 'вы' (мн.число) – ЛС: танъшинне (당신네)

КМ: моссырхае 'плохой, неурожайный год' – ЛС: хюньнйэн (흉년)

КМ: кя:да/кя:дага – ЛС: каджйэда(га)/ каджйэкада(га) (가져다가/가져가다가)

КМ: кэмджирхада 'общипать, обработать' .

Особенностью КМ является то, что он впитал в себя лексические элементы контактирующих языков – казахского и русского. Однако в речи А. Шин прозвучали только русские заимствования: спориры ханда 'спорить', кормиры ханда 'кормить', сосеттер 'соседи', допрос ханда 'допрашивать'. При этом глаголы образованы ею по словообразовательной модели корейского языка «существительное +глагол хада 'делать'». Вариативное употребление слова поэтому: формы кя/кыраэ/кыра.

Грамматический уровень (морфологический и синтаксический)

1) Употребительными аффиксами в коре мар являются аффиксы вежливой формы конечной предикации на: -o/-so/:

- Шидахао 'голоден'
Морыг'ассо 'не знаю'
Хан ацхыме паньтхор хан моядэрао 'Однажды утром совершали обряд.'
Эчч'э цане унын'гао? 'Почему ты плачешь?'
2) Форма на -ккана 'поскольку; так как; когда' – ЛС: - (으)니까: Меныри оиккана 'Когда пришла сноха ...'
Мури чагыиккана 'Так как воды было мало...'
3) Формы конечной предикации на -ччим/-ччим/-ччи мэ: Нубэ иччимы 'лежит / ну лежит ведь'
Кыдаме сосеттэр марх'аччим 'Позже соседи сказали...'
4) Форма конечной предикации на -кэдэн – ЛС: -거든: Кыдамены касыр тхэк тораваккэдэн. 'Затем наступила осень.'
5) Форма на -кепта – ЛС: -고 싶다: Эммяна таргыкоги чапсукекку (примечание: зд. соединяется с формой -ку) 'Как же хотела поесть курицу ...'
6) Форма на -кусэри – ЛС: -고서 Кэдэ йэкхусэри 'положила ребенка'
7) Аффикс вин.п. -ы/-ры/-р – ЛС: -을/를: Тарг-ы цабасэ 'зарезав курицу'
8) Аффикс дат.п. -геда (-да усилительная частица) – ЛС: -에 게/에 게다 Чэр чакку х'аччим аньккаи-геда 'все время (многokrатно) кланялся жене'.

ЛИТЕРАТУРА

1. 광충구, 김수현. 해외 지역어 구술 재료 총서 2-1 중앙아시아 이주 한민족의 언어와 생활 – 카자흐스탄 알마티. 국립국어원. 2008. 763 p.
2. 권재일. 중앙아시아 고려말의 문법. 서울, 2010. 347 p.
3. 김수현. 중앙아시아 고려말의 공시 음운론. 문학박사 학위논문. 서울, 2014.
4. Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы, 2005. 303 с.
5. Пак Н.С. Проблемы миноритарных языков в полиэтническом Казахстане. Алматы, 2012. 182 с.

6. Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. М., 2001. С. 2.

*Корееведение Казахстана. Вып.7. Алматы, 2018. С.
64-81.*

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОРЕЕВЕДЕНИИ

ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА В КАЗАХСТАНЕ

1. Понятие «языковой остров»

Казахстан представляет собой уникальную лингвистическую лабораторию, в которой можно наблюдать языковые процессы, происходящие на протяжении относительно короткого времени в этнических группах, населяющих Республику в силу различных причин социально-политического характера. Изучение языковых островов как одной из форм реально складывающейся речи в определенных ситуациях заслуживает особого внимания. Что же касается Казахстана, то изучение их практически только начинается.

Под языковым островом (Sprachinsel) понимается маргинальная область распространения языка, отделенная от ареала своего ядра территориально - политической границей и находящаяся в пределах других политических и (государственных) границ в иноязычном окружении (1. Домашнев 1983, 11–18).

Начало изучения «островных» немецких диалектов положено в советской германистике в 20-х годах В.М Жирмунским. Он отмечал, что «изучение говоров поселенцев представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны как описание говоров..., но также и с точки зрения принципиальной, методологической. Изолированные среди иноязычного населения немецкие поселения являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой на протяжении сравнительно краткого промежутка времени в 100–150 лет в обстановке, удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий» (2, Жирмунский 1976, 492). В этой же работе были высказаны основные идеи относительно процессов сложения различных форм речи на базе диалекта, на основе

конвергенции различных диалектов в условиях языкового острова.

2. Два типа языковых островов

О необходимости различения двух типов таких островов говорит А. И. Домашнев. Один тип языковой области расположен контактно с основной территорией распространения немецкого языка, другой тип языковой области образовался в результате переселения групп носителей немецкого языка в иноязычные инациональные страны (в Канаде, Америке, Европе и других странах). Целесообразность разграничения двух типов языковых островов основано по мнению А. И. Домашнева, по причине не столько фактических отличий лингвистического характера, сколько отличий ситуации и условий их функционирования. Так, в дистантно расположенных языковых областях носители языка образуют компактную, относительно изолированную от метрополии группу и на базе их диалектов происходят процессы сближения - конвергенция диалектов, а также формирования «общего языка» койне (*Gemeinsprache*). В качестве иллюстрации функционирования островных языков и происходящих в них процессов А.И Домашнев описывает пенсильвано-немецкий в США. Он сложился на основе диалектов немецкоязычных переселенцев, первоначально осевших в 70-80 годы 17 века в районе Филадельфии, а затем расселявшиеся в другие регионы, происходили из различных районов Германии. Процесс сближения привезенных диалектов и постепенного формирования общего языка «койне» сопровождался под воздействием немецкого литературного языка. С другой стороны, они испытывают интерферирующее воздействие социально престижного официального государственного языка страны.

Языковой остров может быть одноязычным и многоязычным, т.е. могут быть носители одного варианта языка или диалекта или нескольких. В данном сообщении нас интересуют случаи второго типа, к которому можно отнести язык корейской диаспоры Казахстана. Функционирующий в результате разъединения сообщества язык следует отнести, по нашему мнению, к особому типу разновидности языка,

обозначаемый нами «*Регионально-этническое койне*» (3, Пак Н.С.).

3. Регионально-этническое койне

«Регионально-этническое койне» представляет собой структурно- коммуникативную систему региональной разновидности национального языка, функционирующий в этнической общности иноязычного государства.

Дадим более подробное обоснование введенного термина. Согласно общепринятому определению, *койне* (от греческого «*койне диалектос*» 'общий язык') представляет собой смешение нескольких диалектов и говоров, образующего наддиалектную форму языка, которая рассматривается как самостоятельная система. Это «функциональный тип языка, используемого в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков» (4, ЛЭС, 1990, 231).

Если обратиться к истории возникновения термина, то напомним, что *койне* в лингвистике употреблялось лишь по отношению к общегреческому языку (4–3 вв. до.н.э.). В настоящее время *койне* понимается «как любое средство общения, обеспечивающее постоянную коммуникативную связанность некоего региона» (там же, 231). Как вытекает из приведенного определения, *койне* выполняет коммуникативную функцию в пределах определенного региона. В нашем случае *койне* выполняет еще и этническую функцию. В этой связи следует отметить, что в настоящее время все больше работ, в которых отражается тенденция признания за языком функции этнической как основной, наряду с коммуникативной.

Н.Б. Мечковская пишет, что этническая функция языков преобладает над ее основной - коммуникативной. Белорусский язык для белорусов есть национальный символ, призванный консолидировать народ и отличать его от других этносов.

В связи с определением термина «Языковой общности» того или иного этноса, Е.А. Карлинский отмечает, что «этнос

— это общность исторической судьбы, основанная на преемственности социальных связей и особенностей языка и культуры». Далее говорится, что с лингвистической точки зрения важно подчеркнуть главенствующую роль языка, используемого не только в целях внутригруппового общения, но и являющегося носителем истории и культуры данного народа. Язык, в данном случае, выступает как символ соответствующего этноса, а также как связывающее звено между интересами индивида и коллектива в области коммуникации (5, Карлинский 2001, 10). Что же касается описываемого койне, то этнический признак является определяющим.

4. Языковые процессы в регионально-этническом койне

Какие же языковые процессы происходят при этом? Отделение языковой общности от метропольного приводит к следующим результатам:

1. Меняются функция и статус языка: вместо территориального он приобретает статус регионального. При этом он расширяет свою функцию и выполняет не только коммуникативную, но и этническую;

2. Возникают новые потребности в номинации для обозначения новых реалий в новых условиях обитания. Иногда инновации возникают по различным словообразовательным моделям.

3. Заимствования происходят на различных основаниях, поскольку языковые системы формируются под влиянием контактирующих языков.

Под воздействием этих и ряда других факторов некогда единый язык, функционируя в территориально отдаленных регионах, все больше отклоняются друг от друга. Со временем различия становятся столь ощутимыми, что носители начинают четко осознавать факт разделения языка на особые варианты.

5. Языковые острова в Казахстане

Став общим языком, диалекты утрачивают свои специфические черты. Обычно общий язык складывается на основе одного из диалектов. В основе *койне* корейского языка Коре мар лежал диалект Юкчин. Однако со временем в

результате массовой эмиграции с полуострова численность говорящих на диалекте Менчхэн стала преобладать, и он поглотил первоначальный Юкчин. Отсюда становится очевидным, что причины выбора языка-основы койне обусловлены социальными обстоятельствами. При этом поглощенный язык утрачивает специфические черты, границы диалектов сглаживаются. Обычно диалекты прекращают свое существование, когда говорящие теряют ощущение самобытности и ценности своего диалекта. Наряду с этим общий язык формируется также и под влиянием контактирующих языков, в нашем случае – под влиянием русского, казахского и других языков.

6. Предпосылки образования койне – коре мар (языка советских корейцев)

Советские корейцы в течение более полутора веков жили в изоляции от своей этнической родины. Естественно, в этих условиях происходили процессы, с одной стороны, ведущие к образованию отличительных черт от литературного стандарта, с другой, в результате взаимовлияния контактирующих диалектов - к их сближению. Исследования, проведенные на территории бывшего СССР лингвистами различных стран, подтверждают мнение Р. Кинга о том, что советские корейцы говорят на двух диалектах Северохамгенской провинции Юкчин и Менгчхэн (6, Кинг 1991). В связи с этим необходимо аргументировать основания для введения новых наименований диалектов корейского языка. Известно, что традиционно в корейском языке рассматривают шесть диалектов: северо-восточный, северо-западный, центральный, юго-восточный, юго-западный и Чеджудо. Правда, в последнее время стали выделять и седьмой диалект, на котором говорили на самом северном регионе Кореи, который исторический называют Юкчин. Он характеризуется отличиями от остальных названных диалектов. Данное название региона отражено большинстве справочниках по Кореи. А название диалекта Юкчин, произошедшего от указанной местности, введено, по-видимому, учеными Северной Кореи, поскольку они имеют наиболее благоприятные возможности для его изучения.

Вслед за ними в научный оборот термин Юкчин ввели и китайские корееведы.

Что касается другого диалекта, который назван Менчхэн, то он отражает типичные черты наиболее распространенного говора Северохамгенской провинции, носители которого проживали в регионе Менчхэн и Кильчу. Вследствие этого для разграничения двух диалектов, которые функционируют на территории Казахстана и происходят из одной провинции в Корее, а именно из северного Хамгена, приняты названия Юкчин и Менчхэн. Хотя оба диалекта имеют яркие специфические черты в фонетике, морфологии и лексике, отмечается переплетение признаков обоих диалектов. Порой сложно определить какой из признаков является первичным, а какой вторичным. Таким образом на новой территории обитания (сначала на российском Дальнем Востоке, затем в Казахстане и Средней Азии) формируется иной тип койне, отличающийся от понимания исконного греческого койне, как результат смешения разных диалектов одного языка. Данный вариант языка, будучи изолированным и находясь в иноязычном инациональном окружении, сохраняет многие архаичные черты. Но его особенностью является влияние языков окружения и он, т.е. коре мар, характеризуется рядом инноваций (неологизмов). Лексика коре мар изобилует русизмами и тюркизмами.

Корейская диалектология располагает хорошо описанными дифференциальными особенностями диалектов, функционирующими в Корее. В последнее время активно изучаются фонетические, морфологические особенности региональных разновидностей корейского языка в Китае и Казахстане такими лингвистами как Квак Чхун Гу (7), Ли Ги Гап, Ким Чу Вон и др. (8).

Неологизмы

В условиях языкового острова в России были образованы неологизмы для обозначения реалий, с которыми переселенцы познакомились в тот период. Так, паровоз был назван *부술기*/пусурги/(*불이*/пури/огонь, *술기*/сурги/повозка). Этот культурный субстрат, связанный с периодом проживания в России, проявляется прежде всего в лексике.

Приведем другие примеры:

책보책이/кэкппоцхэги/домовая книга
(책보/кэкппо/прописка, 책이/цхэги/ книга)

백패/пэкпхэ/ белые, белогвардейцы, солдаты Белой Армии в период

Гражданской войны в России. (백 /пэк/белый, 패/пхэ/отряд)

불근패/пургынпхэ/ красные, солдаты Красной Армии в период Гражданской войны в России.

(불근/пургын/ красный, 패/пхэ/ отряд)

문보이 / мумппои / занавески для окон (문/муни/ дверь, 보이 /пои/ платок)

승검이 /сыннгэми/ щавель

디옹졸이, 디사발이/ти-оньдзори/,/ти-сабари/ крынка, глиняный кувшин

(디/ти/глина, 옹졸이/оньдзори /кувшин, 사발이/сабари /кисея)

Неологизм советского периода: 고통지/кобоньджи/

뽕족삽개/пподжокшаккэ/красногвардейская шапка (뽕족/пподжок/ остроконечный, 삽개/шаккэ/шапка).

Наряду с неологизмами, коре мар пополнился лексикой (словами), обозначающими существующими на новом местожительстве корейцев реалии, которые образованы с помощью слов как корейского происхождения, так и русского. Они образованы по словообразовательным моделям корейского языка 넨저고리/ненджэгори/телогрейка (넨/нен/стеганный, 저고리/джэгори/мужская куртка), 한줄백이/хандзурбэги/однополосный, 두줄백이/тудзурбэги/двухполосный (материал), 차물이/чхаммури/чай (в корейской традиции после еды пьют не чай, а шуньюри) 한증간이/хандзыккани/баня 물랍게/мулаккэ/ булавка.

К архаичной относится целый пласт лексики, который зафиксирован в словаре Пуцилло изданном в 1874 году. В нем мы находим слова, которые неизвестны нынешнему поколению, поскольку они вышли из употребления вместе с

исчезновением слов в послереволюционной России (9, Пуцилло 1874).

Приведем наиболее яркие примеры:

Барин-

되련이/тверйэни/(되/тве/очень, 련이/рйэни/благородный) (в Юкчин: 왜련이//твэрьэни)

барыня-마마님이/маманими/ (마마/мама/,
님이/ними/почт. Господин/госпожа) барышня-아기/аги/
아가씨님이/агиссиними/ (아기/аги/почт.девушка, невеста) (в Юкчин: 애기 /äги/)

Отметим, что слово 애기 äги в значении «девушка», «невеста» употреблялось представителями поколения 1920 года и старше. В настоящее время у слова 애기 äги сохранилось лишь значение «младенец», «новорожденный».

- **Заимствования.**

Приведем примеры заимствований:

추마단이/чхумадани,чхумадаи/ чемодан,
갈로시/каллоши/галлоши

Изучение языковой структуры и языковой ситуации островных языков представляется важным не только для задач современной диалектологии, но и общелингвистических проблем, таких как понятие нормы, причины и сами процессы языковой эволюции. Оно представляет интерес для этнолингвистики, сопоставительного изучения явлений языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев А.И. Арреальные иссл. в языкознании и этнографии // Язык и этнос.Л, 1983.с. 11-18.
2. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976. с. 492.
- 3.Пак Н.С. Тенденция развития Коре мар // Известия Национальной академии наук РК. Серия общественных наук. Алматы, 1995, № 6.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. с. 231.

5. Карлинский Е.А. Языковая общность // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Алматы.2001. С.10.

6. Ross King/ Russian Sources on Korean Dialects. Doctoral Dissertation in Linguistics. Harvard University. 1991.

7. Квак Чхун Гу. Фонология диалекта Юкчин провинции Северный Хамген. Сеул, 1991.

Квак Чхун Гу. О материалах, изданных в Казани в России в 20 веке, по фонологии диалекта Юкчин провинции Северный Хамген. Сеул, 1993.

8. И Ги Гап, Ким Джун Вэн, Чхе Донг Джун, Йэн Гю Донг, И Рэн Джонг. Исследование языка корейцев Центральной Азии. Сеул, 2000. № 247.

9. Пуцилло М.П. Опыт русско-корейского словаря. С-П., 1874.

Journal of Korean Studies. Volume 3. October 2002. Central Asian Association for Korean Studies.2002. P.71-79.

ВАРИАТИВНЫЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВ МИРА ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ

Между полярными вариативными типами языков — национальным языком и диалектом — выделяются несколько переходных типов. Наиболее распространенная иерархическая шкала форм разновидностей языка в исследованиях советских лингвистов имеет следующий вид; идиолект — диалект — региональный вариант языка - национальный вариант языка - национальный язык. Идиолект - это язык одного индивида данной языковой общности. Под диалектом понимается территориальный вариант национального языка в устной форме в пределах одного государственного образования. Региональный вариант языка - язык или диалект вне рамок соответствующего государства в устной форме. Национальный вариант языка — язык в условиях иногосударства, в устной и письменной форме, наделенный государственными функциями. И национальный язык — совокупность всех форм существования данного языка (диалект, просторечие, литературный язык) в историческо-географических рамках его возникновения (1, см. Жлуктенко, 11) Данная шкала является скорее всего отражением не самого объекта во всех его вариативных формах, а степенью изученности отдельных компонентов вариативного ряда. Совершенно очевидна неполнота приведенного ряда, поскольку в нем не нашлось места для разновидности языка высших, чем диалект, но низших, чем национальный вариант языка. К такой разновидности можно отнести различные формы койне, пиджин и др.

Следует подчеркнуть также, что в лингвистике нет единого обобщающего термина для обозначения любой разновидности языка, независимо от ее лингвистического, социального и коммуникативного статуса. Каждый автор называет ее по-своему: “идиом” (2, Д. Брозович, В.Г. Гак), “разновидность языка” (О.С. Ахманова), “языковое образование” (Л.Ю. Никольский), “форма существования языка” (3, А.И. Домашнев), “языковая коммуникативная система” (4, А.Д. Швейцер) и др. В зарубежном языкознании

используется преимущественно для этой цели термин “разновидность”.

Нам представляется, что для построения общей теории вариантов необходимо исходить как из лингвистической, так и социальной природы языковой вариативности и на этой основе рассмотреть лингвистические и социофункциональные признаки всех разновидностей конкретных языков мира. Лингвистическая вариативность определяется характером и степенью смешения (конвергенции) с другими языковыми системами. В этом отношении надо сказать, что все языки мира носят смешанный характер, т.е. включают в себя единицы и правила иных языков. Однако степень языкового смешения названных вариативных типов различна. В национальных языках это различные типы заимствования из других национальных языков и своих диалектов, в вариантах национальных языков — усиление влияния местных говоров и диалектов в границах государства (Австрия, Швейцария, США). Региональные варианты - оторванность от материнского поля и сильное влияние окружения, диалекты в наибольшей степени сохраняют исконные культурно-исторические корни, но испытывают давление со стороны нормированного литературного языка (школа, СМИ, политика). Под социальными признаками подразумеваются языковые ситуации, языковая общность, социальный статус языкового варианта, коммуникативные функции. Языковые ситуации могут быть одно- и многоязычные, языковая общность — интегрированная и дезинтегрированная, что же касается функционирования, то оно осуществляется в пределах одного государства или нескольких. Подробно эти факторы будут рассмотрены ниже. Таким образом, все разнообразие языков с точки зрения варьирования в многоязычной ситуации как результата дивергентно-конвергентных процессов развития языков, самостоятельности функционирования на всей территории их распространения и обслуживания различных этноязыковых общностей можно представить в виде континуума следующим образом.

Варианты языков мира по социальным признакам (см. таблицу).

Данная дифференциация вариативных типов осуществлена на основе следующих критериев:

1. По социальному статусу:

- а) официальный язык, б) неофициальный язык
- б) государственный язык, б) негосударственный язык

2. По происхождению:

- а) автохтонный язык, б) неавтохтонный язык

3. По коммуникативной функции:

- а) средство межэтнического общения
- б) средство внутриэтнического общения

4. По функциональной нагрузке:

- а) монофункциональный язык
- б) полифункциональный язык.

Варианты языков мира по социальным признакам

Типы языков	Признаки				
	Официальный/неофициальный	Государственный/негосударственный	Автохтонный/неавтохтонный	Внутриэтнический/межэтнический	Монофункциональный/полифункциональный
1. Национальный язык	+ -	+ -	+ -	+ +	- +
2. Вариант нац. языка	+ -	+ -	+ -	+ +	- +
3. Колониальный язык	+ -	+ -	- +	- +	- +
4. Мигрантский язык	+ -	+ -	- +	- +	- +
5. Койне	- +	- +	- +	+ -	+ -
6. Пиджин	- +	- +	+ +		
7. Креольский	+ -	- +	+ +	- +	- +
8. Диалект	- +	- +	- +	+ -	+ -

Рассмотрим подробнее названные признаки. Понятия “государственный язык” “официальный язык” трудно

поддается четкому разграничению. Как правило, они употребляются синонимично, поскольку в большинстве случаев язык государственный является одновременно и официальным. Однако в ситуации, сложившейся в постсоветском пространстве, когда русский язык в образовавшихся государствах функционирует как официальный, а национальные языки приобрели статус государственных, возникла необходимость их разграничения и четкого определения. Попытка разграничения их предпринята М.М. Копыленко (5, см. Копыленко, 239-243). Автор предлагает разграничить эти понятия согласно выполняемым функциям: официальный выполняет функцию политической интеграции, а государственный — функцию национальной интеграции. Так, казахский в новой ситуации приобрел статус государственного, а за русским языком закреплен статус официального, наряду с казахским. Предпринятое разграничение существенно для ситуации в многонациональном государстве, где функции языка межнационального общения выполняют наряду с национальным языком и другие. Так, в странах СНГ в роли межэтнического средства общения выполняет русский язык. В связи с изложенным нам представляется правомерным в предпринятой нами классификации термины государственный и официальный характеризовать как свойства, признаки, по которым дифференцируются вариативные типы языков. Таким образом, термин национальный мы используем для обозначения всей совокупности вариативных типов языков, а термины государственный и официальный - в качестве и социальных характеристик.

Важнейшими факторами для характеристики языковых образований являются понятия автохтонность — неавтохтонность. Автохтонным принято считать язык этноса на исторически исконной территории его образования. Неавтохтонный язык — язык, возникших вследствие миграции их носителей. Наряду с данными понятиями употребляется также термины органический-неорганический (см. Брозвич ; 6, Жлуктенко, 31) Данный признак

оказывается существенным для типологической характеристики языков в многоязычной ситуации.

В ситуации активного процесса смешения языков представляется целесообразным учитывать, выполняет язык функцию межэтнического или внутриэтнического общения, является он моно- или полифункциональным.

А теперь дадим более подробно характеристику вариативным типам согласно выделенным признакам. На основании этих признаков все языки мира нами разделены по следующим классам:

1 тип. Национальный язык: официальный, государственный, автохтонный, внутри- и межэтнический, полифункциональный (языки государств: немецкий, французский, китайский, корейский и др.).

Под национальным языком понимается средство общения нации, представляющее собой совокупность всех вариантов и форм существования в кодифицированной форме и выступающее в двух формах реализации: устной и письменной. Он может быть государственным и официальным и выполняет все жизненно важные функции политической, экономической, культурной жизни как в пределах, так и за пределами государства. Так, корейский язык является государственным языком Кореи. Как известно, после разделения Кореи единый язык корейской нации стал развиваться в образовавшихся двух самостоятельных государствах (Хангук и Чосэн) дивергентно и именоваться на корейском языке по-разному: хангугэ - на Юге, чосэнэ - на Севере, хотя на европейские и другие языки они переводятся одинаково: корейский язык. И мы можем рассматривать их как два варианта корейского литературного языка: нормы Хангугэ сложились на основе Сеульского говора, а нормы Чосэнэ сложились на основе Пхеньянского говора.

2 тип. Вариант национального языка: официальный, государственный, неавтохтонный, внутри- и межэтнический, полифункциональный (английский в США, Австралии, Новой Зеландии, немецкий в Швейцарии, Австрии, португальский в Бразилии и др.).

Это иная форма существования языка, обслуживающая одновременно несколько самостоятельных национально-

государственных общностей. Для обозначения подобного состояния используется понятие национального варианта языка, введенное в советской лингвистике (7, см. Домашнев, 8, Степанов).

3 тип. Колониальный язык: официальный, государственный, неавтохтонный, межэтнический, полифункциональный (английский в Индии).

Данный тип не является языком коренного населения, т.е. это языки, развившиеся в рамках другой этнической общности. Отличительным признаком является то, что при наличии национального языка функцию государственного выполняет де факто другой язык, как например, английский в Индии, где национальный хинди.

4 тип. Мигрантский язык: официальный, негосударственный, неавтохтонный, межэтнический, полифункциональный (русский в СНГ).

Он характеризуется признаком “негосударственный”, будучи в то же время официальным. К ним мы относим русский в Казахстане.

5 тип. Койне (смешение диалектов в миграции): неофициальный, негосударственный, неавтохтонный, средство внутриэтнического общения, монофункциональный. Длительность функционирования также важна для характеристики койне (Коре мар в Казахстане и СНГ).

Другим типом языкового варьирования служат языки, формирующиеся в процессе смешения языковых систем, а также подсистем одного языка. Названный тип языков возникает в определенных социальных условиях в результате насильственной колонизации новых территорий, либо добровольной миграции групп носителей данного языка. К этому типу относится язык корейской диаспоры СНГ - коре мар. Он не является национальным литературным языком корейцев. Это койнезированный, т.е. смешанный диалект корейского языка с некоторыми признаками литературного. Он существенно отличается от языка Корейского полуострова. За почти полуторавековой период самостоятельного функционирования на новой территории сначала в России, затем в Казахстане и Средней Азии, из них более 60 лет в условиях абсолютной изоляции от своей этнической родины,

сложился один из типов языкового варьирования, так называемого койне. Основу его составляют диалекты и говоры Северохамгенской провинции Кореи, одним из которых является Юкчин. Остановимся подробно на характеристике данного варианта национального языка.

Койне, койнезация. Согласно общепринятому определению койне (гр. *Koine dialektos* “общий язык”) представляет собой смешение нескольких диалектов и говоров, образующих наддиалектную форму языка, которая рассматривается как самостоятельная система. Это “функциональный тип языка, используемого в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов и языков” (9, Виноградов, 230).

Важно отметить при этом, что смешение двух диалектов в национально однородной среде принципиально отличается от смешения диалектов в условиях иноязычного окружения (островные диалекты). Койне, функционирующее вне национального государства в полиэтнической среде, следует выделить и четко отграничить как особую разновидность языкового варьирования.

Для определения рассматриваемой разновидности языкового смешения нами вводится понятие “регионально-этнического койне”, представляющее собой коммуникативную систему региональной разновидности национального языка, функционирующего в этнической общности иноязычного государства.

Как вытекает из определения, койне выполняет коммуникативную функцию в пределах определенного региона. В нашем случае койне является еще важным этнопоказателем. В настоящее время появляется все больше работ, в которых отражается тенденция признания за языком функции прежде всего этнической, как основной, наряду с коммуникативной (10, см. Мечковская, 121). Коре мар относится к одному из типов региональной разновидности национального корейского языка, функционирующего в Казахстане и других регионах СНГ.

Термин койнезация впервые употреблен Самариним В.И. (11, см. Samarin, 117-140.), который только недавно стали использовать к процессу смешения подсистем одного языка. Койнезация процесс, ведущий к смешению языковых подсистем, относящихся к генетически родственному языку. Койне характеризуется смешением черт вариантов на раннем этапе развития и формируется путем выравнивания, нивелирования диалектных черт взаимодействующих диалектов (12, см. D.Siegel , 357-378).

6 тип. Пиджин: неофициальный, негосударственный, смешение автохтонного и неавтохтонного, средство межэтнического общения, монофункциональный (языки Океании, Юго-восточной Азии, Африки).

Другим типом языковой вариативности, возникших на основе смешения, является пиджин.

Пиджины — это устные языки, возникшие в результате смешения элементов европейского языка (английского, голландского, испанского, португальского, французского, русского) с элементами языков местных этносов. Особенностями данного типа смешения является то, что грамматическую структуру составляет местный язык, а лексика преимущественно европейских языков. При этом наблюдается упрощение грамматической структуры. Пиджин – контактный язык, средство межэтнической коммуникации. Его сфера функционирования — повседневное общение. Со временем сфера функционирования расширяется и для нового поколения пиджин становится первым языком. Он возникает потребность использовать незнакомый язык в ограниченной, узкой сфере коммуникации (товарообмен, работорговля, выполнение определенного вида работ и т.д.) в качестве единственного средства коммуникации без правильного и полного овладения языком (13, см. Дьячков, 122).

7 тип. Креольские языки: официальный, негосударственный, автохтонный, средство межэтнического общения, полифункциональный (токписин в Новой Гвинее, суахили, малайско-индонезийский, африкаанс). Креольские языки — это языки сформировавшиеся на основе пиджинов и ставшие родными (первыми) для последующих поколений определенной языковой общности (газеты, СМИ , школа).

8 тип. Диалект: неофициальный, негосударственный, неавтохтонный, средство внутриэтнического общения, монофункциональный. Все названные признаки характерны для диалектов, функционирующих в миграции. В качестве примеров можно привести диалекты, распространенных в Казахстане вследствие миграции их носителей. К их числу относится и диалект Юкчин корейского языка. Его отличительным свойством от автохтонного (т.е. образованного на исторически исконной территории) диалекта является то, что он является составной частью койнезированного языка корейской диаспоры - *коре мар*.

В литературе койне рассматривается часто в одном ряду с пиджин и креольскими языками. А между тем, приведенные различия свидетельствуют о том, что ни по своей природе, ни по лингвистическим признакам и функциональной нагрузке это совершенно различные вариативные типы языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жлуктенко Ю.А. Теория национальных вариантов языка//Варианты полинациональных литературных языков. Киев, 1981, с.11.
2. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод//ВЯ. 1967.№1, с.4.
3. Домашнев А.И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967.
4. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963.
5. Копыленко М.М. Государственный язык и официальный язык: разграничение понятий//Актуальные проблемы лингвистики. Алматы, 1998, сс. 239–243.
6. Жлуктенко Ю.А. Неорганический язык в многоязычной ситуации// Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989, с.31.
7. Домашнев А.И. Основные черты полинациональных языков//Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990, с.74.
8. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М.,1963.

9. Виноградов В.А. Койне//ЛЭС.м.,1990, С.230.
10. Мечковская Н.Б. Символическая функция языка//ВЯ. 2002, №2,с.121.
11. Samarin W.I. Salient and substantive pidginization.D.Hymes (ed.) Pitginization and creolization of languages/ Cambridge UNIVERSITY Press.1971.P.117-140.
12. Siegel D. Koine and koinezation//Language in Society. 1985 Cambridge Univ. No.14. P. 357–378.
13. Дьячков В.М. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков//ВЯ. 1988, № 5. С.131

Вестник КазУМОиМЯ им.Абылай хана. – Алматы, 2004.-7 с.

Е.Д. ПОЛИВАНОВ И КОРЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Данное сообщение посвящено выдающемуся языковеду первой половины 20 века Евгению Дмитриевичу Поливанову и его роли в становлении научного корееведения в России и в других странах СНГ. Его вклад в корееведение огромен не количеством опубликованных работ по корейской лингвистике, а содержащимися в его трудах идеями и положениями по теории языка, его эволюции, сравнительной грамматики и социальной диалектологии. Плодотворно разрабатываемые в современном языкознании идеи Поливанова могут быть успешно применены в корееведении.

Выбор темы данного сообщения, представленного именно здесь, в Ташкенте, не случаен. Дело в том, что с 1924 по 1931 год Е.Д. Поливанов жил и работал в Узбекистане. Этот период в биографии ученого называется «туркестанским». В 1924 году он был командирован в Туркестан, где работал в Ташкенте по 1926 год, а с осени 1929 г. проживал в г. Самарканде. В Ташкенте Поливанов читает курсы по общему и сравнительному языкознанию, с 1929 г. научная деятельность Поливанова проходит в г. Самарканде в Узбекском государственном научно-исследовательском институте в секторе языка и литературы. В научном отношении «туркестанский» период оказался очень плодотворным. Им опубликован ряд статей: 9 статей в бюллетенях САГУ и в журналах на узбекском языке. Будучи в Туркестане, он описал множество диалектов и говоров узбекского и других тюркских языков.

Дальнейшая научная деятельность Поливанова проходила с 1934–1937 гг. во Фрунзе в Научно-исследовательском институте киргизского языка и письменности. Его труды, написанные в этот период, посвящены вопросам киргизского и дунганского языков. Особый вклад внес Поливанов в изучение киргизского героического эпоса «Манас».

Научное наследие Поливанова огромно. Он успел опубликовать при жизни 28 книг, написать 140 работ, не считая не обнаруженных зарубежных публикаций, а также не известных. Поскольку многие труды этого крупного ученого

не были опубликованы при жизни, большая работа была проведена по сбору данных, представляющих научный и не в меньшей степени биографический интерес (1, Материалы конференции. Самарканд, 1964.

Работа над биографией и научным наследием Е.Д. Поливанова, начатая Вяч.В. Ивановым в 60-х годах прошлого века, велась в Институте русского языка и Институте языкознания АН СССР [(3), Иванов Вяч.Вс., (2), Леонтьев А.А.]. В результате обследования архивных фондов Москвы и Ленинграда были выявлены ранее неизвестные работы Поливанова. В 1982–1987 гг. Институтом востоковедения АН СССР был предложен проект издания работ Поливанова в виде трёх томов. Проект предусматривал издание не только уже известных трудов ученого, но и публикацию его рукописного наследия. Предполагался выпуск трудов Е.Д. Поливанова в виде трёх самостоятельных томов:

1. Избранные труды по-восточному и общему языкознанию (4).
2. Труды по языкам Дальнего Востока.
3. Труды по тюркологии.

Первый том был выпущен в 1991 году, куда вошли ранее опубликованные труды и неопубликованные статьи Поливанова. Автором данного проекта стал Лев Рафаилович Концевич [5, см. Концевич 1991, с.5]. Приведем их: 6, «Введение в языкознание для востоковедных курсов» [т.1, 1928], 7, «Лекции по введению в языкознание и общей фонетике» [1923], «Толковый терминологический словарь по лингвистике» [1935-1937], стенограмма от 4 февраля 1929 г. «Проблема марксистского языкознания яфетическая теория» и другие выступления Поливанова на лингвистических дискуссиях. Другие два труда пока не изданы.

Следует отметить, что «Введение в языкознание для востоковедных курсов» пока единственное пособие для востоковедов, где лингвистическая концепция ученого иллюстрирована материалом таких языков, как арабский, турецкий, персидский, таджикский, узбекский, туркменский, киргизский, китайский, японский с наречиями, корейский, дунганский и др. Использование материалов большого числа языков различных структурных типов давало ему

возможность делать широчайшие обобщения и тончайшие наблюдения как общелингвистического характера, так и сопоставительно-типологического.

Е.Д. Поливанов включил в круг своих научных интересов корейский язык, которому он специально посвятил, как было уже отмечено, всего три статьи: 8, «Гласные корейского языка»; 9, «К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайских языков»; и 10, «Корейский язык». Кроме того, им осуществлен перевод и комментарий, «Японских и корейских сказок и легенд». Е.Д. Поливанов был, как известно, полиглотом, знал, он сам так считал, 16 западных и восточных языков. Кроме них он свободно пользовался в своих исследованиях материалами многих других языков, в число которых входил и корейский язык. По словам Л.Р. Концевича, Е.Д. Поливанова «следует считать зачинателем современного научного корейского языкознания в России, ибо его предшественник Г.В. Подставин (1975-1924) занимался в основном преподавательской деятельностью и составлением учебных пособий и программ по практическому обучению корейскому языку» [11, Концевич, 2001, с.575].

Среди проблем корейского языкознания, которые интересовали Е.Д. Поливанова, следует назвать две: фонологическая система гласных корейского языка и его генетические связи с алтайскими [11, см. Концевич 2001, 576], рассмотренные в вышеназванных статьях. В ряде других работ Е.Д. Поливанова содержится много ценных сведений о корейском языке, которые еще предстоит оценить с позиций современного уровня развития лингвистической науки. В российском корееведении научные разработки Е.Д. Поливанова, посвященные корейскому языку, следует отнести к пионерским.

Особое место в наследии Е.Д. Поливанова занимает его теория принадлежности корейского языка к алтайским. Независимо от него гипотеза о возможном родстве корейского с языками алтайской группы: монгольскими, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими была выдвинута финским ученым Г. Рамstedтом. Именно благодаря Е.Д. Поливанову, наряду с трудами Г. Рамstedта, корейский язык вовлечен в круг активно разрабатываемых проблем современной алтаистики.

Следует отметить, что зарубежным алтаистам, в частности, корейским лингвистам, имя Поливанова хорошо известно. В своей статье «К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков» (9) он устанавливает генетическую связь этого языка с алтайской семьей. В разработке этой проблематика ему принадлежит по праву приоритет в мировой лингвистике.

Обращение к научному наследию Е.Д. Поливанова оказалась плодотворной для решения как общих вопросов языкознания, так многих частных, в том числе и корейского языкознания.

В трудах Е.Д. Поливанова впервые широко применены методы сравнительного языкознания к корейскому языковому материалу, посредством которых устанавливаются общие фонологические черты корейского языка со сравниваемыми языками. Следует отметить, что материал корейского языка при сравнительном и типологическом анализе единиц различных уровней в настоящее время не привлекается широко. А между тем широкое вовлечение его в научный оборот — ближайшая задача современного корееведения.

В его работах имеется специальный экскурс, посвященный сравнительной грамматике неродственных языков в Словаре лингвистических терминов. Он подчеркивал, что возможны и такие штудии, которые охватывают лишь общие элементы в неродственных языках. Например, японский или корейский языки не являются родственными китайскому, но они включают в себя массу китайских заимствований. Речь идет о целом направлении в языкознании, а именно о теории языковых контактов и теории взаимодействия языков, разработанные У. Вайнрайхом и А.Е. Карлинским.

Е.Д. Поливанов - основоположник современной советской и российской социолингвистики. Он заложил основы социальной диалектологии, значение которых велики в наши дни. Большой интерес представляет тезис Поливанова о необходимости учета диалектных особенностей речи при обучении русскому языку. Однако учет этого тезиса актуален в равной степени и в отношении к другим языкам. Остановлюсь на нем более подробно. При обучении

корейскому языку на постсоветском пространстве, где преподается преимущественно Сеульский стандарт корейского языка, хотя мы знаем, что есть еще и Пхеньянский стандарт, функционирующий в Северной Корее, необходимо стремиться сравнивать стандартный, т.е. литературный корейский язык, с коре мар – с языком, на котором говорят советские корейцы. При этом следует подчеркивать особенности диалектной речи, сближающие наш язык с системой литературного языка или отдаляющие его от стандарта. За 160 лет самостоятельного функционирования в новой среде обитания коре мар, как вам известно, приобрел отличительные черты, и сегодня можно говорить о нем как о варианте корейского языка, имеющего общий основной лексический фонд с языком Корейского полуострова.

Следует отметить, что сохранение диалектов — одна из актуальнейших проблем современного мирового сообщества. Во всех цивилизованных странах, в частности, в странах Европы и Японии, ведется активная работа по сохранению диалектов. В Японии ведутся, например, радиопередачи, как правильно говорить на диалекте. И даже в таких странах, как Франция, где сильны унификаторские традиции по отношению к языку, поддерживают обучение в начальных классах школ на диалекте с постепенным переходом в старших классах на литературный язык.

Возвращаясь к проблемам обучения корейскому языку в странах СНГ, позволю себе высказать мнение, что именно вовлечение коре мар в сферу образования, и в частности, в подготовку специалистов по корейскому языку будет способствовать его сохранению. В благоприятных условиях по сохранению родного языка находятся узбекистанские корейцы, поскольку они представляют самую крупную по численности диаспору на постсоветском пространстве. Более того, компактное проживание носителей коре мар — одно их основных условий сохранения его как миноритарного языка. Однако, несмотря на эти условия в школах и вузах преподается только стандартный корейский язык, родной коре мар остается пока на задворках. Понятно, что востребованность и престиж стандартного языка, имеющего высокий социальный статус, оказывает влияния на выбор

языка в молодежной среде. И это вполне нормальная ситуация. Тем не менее, касаясь сохранения коре мар в Узбекистане, можно говорить об использовании европейского опыта введения двуязычного образования в учебный процесс, но с некоторыми модификациями. Если в Европе в первых классах занятия ведутся на родном языке (диалекте), затем постепенно осуществляется переход на стандартный язык, а родной сохраняется только как учебный предмет до конца среднего образования. В качестве примера приведу систему обучения в Люксембурге с населением 400 тысяч человек. Местный язык Лютцебургшиш является по сути вариантом, диалектом немецкого языка, однако он используется как язык обучения в начальной школе, затем после второго класса вводится немецкий литературный язык с последующим переходом на французский язык. Этот тип двуязычия введен в систему образования в ряде стран Европы. Роль родного языка особенно велика на начальных этапах образования, а затем его значение уменьшается. Именно поэтому рекомендуется употреблять родной язык на первых порах обучения.

Что же касается родного языка для корейцев СНГ коре мар, то в условиях Узбекистана - возможность усвоения его опирается на естественное двуязычие (большая часть населения владеет русским/узбекским языком и в разной степени коре мар). В школе родной язык может вводиться факультативно в начальных классах (как минимум 2 раза в неделю) с последующим переходом на стандартный корейский язык в тех случаях, где он уже введен. Относительно учителей корейского языка, то в Узбекистане положение гораздо лучше, чем в Казахстане. Здесь достаточно лиц, хорошо владеющих коре мар.

Одним из важнейших разделов науки о языке было его учение о конвергенции и дивергенции. Как ученик и последователь своего учителя И.А. Будуэна де Куртенэ он разработал будуэновскую теорию гибридизации языков и теорию языковых союзов. В изучении формирования варианта корейского языка — коре мар как эмигрантского нашли подтверждение именно его положения и том, что под влиянием социальных условий в новой среде обитания — первоначально на территории российского Дальнего Востока,

а затем в Казахстане и Средней Азии после депортации - произошли дивергентные процессы, повлекшие за собой появление новых черт. Языки эмигрантов, находясь в контактах с другими языковыми системами, испытывают сильное влияние языков окружения. Об этом учитывал Е.Д. Поливанов в своих работах. Изучение эволюции языка, по утверждению ученого, предполагает изучение причинных связей явлений взаимодействие социально-экономического характера и языковых явлений. В настоящее время наблюдаются процессы конвергентного развития, т.е. сближения стандартного корейского языка и коре мар, т.е. появляются вновь черты, сближающие их в результате возобновленных контактов между носителями некогда единого корейского языка [11, см. Пак Н.С.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова». Самарканд, 1964.
2. Иванов Вяч.Вс. Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова//ВЯ, 1957, №3, с.55-57.
3. Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983. 75 с.
4. Поливанов Е.Д. «Введение в языкознание для востоковедных курсов» [т.1, 1928], составитель Л.Р.Концевич.
5. Поливанов Е.Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике» [1923].
6. Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. Составитель Л.Р.Концевич. М., 1991.
7. Поливанов Е.Д. Гласные корейского языка//Восточный сборник, кн.2. Пг.1916.
8. Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайских языков//Изв.АН СССР. Серия 6. Т.21. №15-17. Л., 1927.
9. Поливанов Е.Д. Корейский язык//Литературная энциклопедия, т.5. М., 1931.
10. Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. М., 2001. С. 575-592.

11. Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы, 2005.

*Материалы 7-ой Международной Конференции ЦААК.
Ташкент, 2007.*

다민족국가 카자흐스탄의 언어 상황과 정책

1. 카자흐스탄의 언어 정책

카자흐스탄의 언어 계획과 정책은 카자흐스탄 정부의 민족정책의 중요한 한 분야이다. 소련이 붕괴한 후 언어와 관련된 새로운 상황을 고려해서 다음과 같이 정했다. 첫째, 카자흐어를 국어로서 기능을 확대하고 강화하는 것; 둘째, 러시아어를 공용어로 유지하는 것; 셋째, 국제어로서 영어를 배우는 것과 카자흐스탄에 살고 있는 민족들의 언어를 개발하는 것이다.

이러한 새로운 언어 정책은 1989년 9월 22일과 1997년 7월 11일에 공포한 «2001-2010년까지 시행될 언어 개발과 기능에 관한 국가 프로그램»이라는 카자흐스탄 헌법과 언어법에 따라 실행되고 있다.

사회주의 체제 아래에서 카자흐어는 공식적이고 정책적인 영역에서 거의 완전히 배제되었었다. 그러나 카자흐스탄이 독립한 후 불과 몇 년 사이에 언어에 관한 상황은 완전히 바뀌었다. 카자흐어에 깊은 관심을 가지면서 공식어로서 강화되고 사용 영역 또한 넓어졌다. 더불어, 최근에 카자흐 민족의 인구수가 많이 늘어나고 있는 상황이다. 즉, 1970년에 카자흐민족의 비율은 32%였는데 2004년에는 57.2%까지 늘어났다.

카자흐스탄의 주요 민족의 언어 사용

민족	민족 모국어	카자흐어	러시아어
러시아인	100	14,9	100
우크라이나인	16,1	12,6	99,5
우즈베크인	97,0	80,0	59,2
독일인	21,8	15,4	99,3
타타르인	37,1	63,6	96,9
위구르인	81,3	80,5	76,1
벨로러시아인	13,5	9,9	28,8

고려인	25,8	28,8	97,7
-----	------	------	------

도표의 숫자는 언어 사용도를 퍼센트(%)로 표시한 것임.(1,참조 <http://edu.gov.kz>)

카자흐스탄 국민은 모국어를 사용할 권리와, 교체할 때 사용할 언어를 선택할 권리, 그리고 교육, 교양과 창조적인 면에서 언어를 선택할 권리를 가지고 있다. 카자흐스탄은 법적으로뿐만 아니라 실제적으로도 모든 언어의 사용을 배려하고 있다.

카자흐스탄에서 사용하는 언어는 총 126 개의 언어이고 고려말은 그 중의 하나이다. 42 개(총 사용 언어중 33%)의 언어는 그 사용자가 200 명밖에 안된다. 어떤 언어는 10 명밖에 사용하지 않는 언어도 있다(예, 유카기르어, 에네쯔어, 이텔멘어, 네기달어, 세르브어 등). 고려말은 카자흐스탄 민족 중에서 10 만 명 이상의 고려인이 사용하고 있다. 고려인은 카자흐스탄에서 러시아, 우크라이나, 우즈벱, 독일, 타타르, 위구르, 벨로루스 다음으로 8 번째로 인구가 많은 카자흐스탄 민족이다 (2, Suleymenova, Smagulova, 44).

카자흐스탄 헌법은 국민이 모국어를 배울 수 있게 보장하고 그것을 실행하기 위한 모든 조건을 제공해 준다. 안타깝게도 모든 민족이 자기 모국어를 학교에서 배울 수는 없다. 교육부의 통계에 따르면 학교에서는 14 개 언어를 가르치게 되어 있으나 7 개 언어로만 교육 과정이 진행되고 있다. 알마티시에는 2 개 (115 번과 16 번) 학교에서 한국말을 가르치고 있다.

많은 카자흐스탄 대학교에서 한국어를 전공으로 (동양어학, 한국어학, 통번역) 가르치고 있다. 예를 들면 카자흐 국립대학교, 카자흐국제관계 및 세계언어대학교, 카자흐 국립사범대학교 등이 있다. 그리고 해마다 한국어를 배우고 싶어 하는 사람이 많아지고 있다. 현재 카자흐 국제관계 및 세계언어대학교에서 한국어를 전공으로 배우고 있는 학생 수는 90 명이고 부전공으로 공부하는 학생 수는 170 여 명에 이른다.

1995년에 설립된 카자흐스탄국민회의(Assembly of Peoples of Kazakhstan) 안에는 364 개의 민족협회가 속해 있다. 2007년에 카자흐스탄 국회에 카자흐스탄국민회의 회원 9명이 국회의원으로 선출됐다. 현재 카자흐스탄에는 6개의 민족 극장과 3개의 민족 방송이 있고 몇 개의 민족 신문과 잡지가 출판되고 있다. 그중에 고려극장과 고려방송이 있다. 카자흐스탄에서 출판되고 있는 민족 신문은 독일 신문, 위구르 신문, 러시아 신문, 우크라이나 신문, 그리고 고려 일보라고 불리는 고려 신문 등이 있다. 카자흐스탄에는 민족 언어로 출판하는 14개 신문사와 8개 잡지가 등록되어 있다.

다민족 국가에서 실제적인 문제 가운데 하나는 이중언어 선택 문제다. 물론, 이것은 이중언어의 문제인데 카자흐스탄 사람들에게 해당된다. 보통 기성세대는 자기 민족 언어와 함께 러시아어나 카자흐어를 사용한다. 모국어를 아는 정도는 나이, 교육수준과 사회층에 따라 다르다. 예를 들어서, 강제 이주 이전에 원동에서 태어난 65세 이상인 고려인은 고려인 사회 안에 살고 있고 그곳을 벗어나 취직하지 않았으므로 고려 말은 잘하지만 러시아어를 잘 하지 못한다. 그런데 젊은 세대는 전혀 모국어를 하지 못한다.

다민족 국가에서 모국어를 상실해가는 경향과 더불어 다른 과정에 대해서도 강조 하고 싶다. 그것은 바로 여러 문화가 서로 영향을 주고 받는 민족간의 언어 교류다. 송 라브렌띠 감독이 촬영한 기록영화 «고려 사람»에 등장하는 러시아 사람, 카자흐 사람과 쿠르드 사람은 고려말을 아주 잘 한다.

카자흐스탄에 살고 있는 민족의 문화 교류는 민족간 교제의 반영이라고 할 수 있다. 이러한 교제는 학문적으로 3가지의 보기(model)로 나눌 수 있다.

1. 첫째 보기: 완전한 동화. 이 경우에는 이민자들이 자기 전통과 풍습을 잃는다.
2. 둘째 보기: 여러 민족이 같이 살지만 자기 민족의 문화나 사고 방식의 특성을 잃지 않으면서 그

특성이 혼합되어 새로운 문화 형태를 만든다. 이 보기는 미국에서 활용한다.

3. 셋째 보기: 다원적인 문화, 사회는 다민족 문화를 수용하는 원칙으로 발전 하고있다. 즉, 모든 민족은 다른 문화를 인정하면서 자기 문화를 유지하고 있다. 이런 사회에서는 다양하고 동등한 문화가 존재한다. 카자흐스탄은 여러 민족의 문화가, 문화를 풍부하게 하는 셋째 보기에 해당한다.

다민족 사회에서 주변 민족 언어를 사용하는 것은 보통 있는 일이다. 카자흐스탄 안의 많은 민족은 모국어뿐만 아니라 러시아어나 카자흐어도 유창하고 주변에서 살고 있는 민족의 언어도 잘 알고 있다. 예외적으로 모국어를 모르는 민족은 젊은 고려인뿐이다. 다른 민족 언어를 배울 때 사람은 물론 자신의 언어에 다른 언어 요소를 추가한다. 그러므로 두 언어는 상호작용을 진행하게 된다.

2. 언어 교체 형태 (type)

언어 상호작용의 형태를 살펴보자. 우선 사회 특징을 고려한 언어의 이종(variant) 형태를 알아보자. 그것은 국어 (예: 영국의 영어), 국어의 이종 (예: 미국의 영어, 스위스의 독일어), 식민 언어 (예: 인도의 영어), 이민 언어 (예: CIS 의 러시아어), koine (예: CIS 의 고려말, 미국의 독일어), 비진 (예: 남동 아시아나 오세아니아의 언어는 멜라네시아 피진, 멜라네시아 이슬람의 방언은 토티신), 크레올 언어 (스와힐리, 아프리카안스, 오스트랄리아 부로켄)이다.

위와 같은 언어의 이종 형태는 상호작용에 달려있다. 상호작용은 외래어로부터 총체적인 체계에까지(koine, 피진, 크레올어) 영향을 준다. 잘 알다시피 접촉을 가지는 것은 땅이 아니라 이중언어이다. 바로 이중언어를 구사하는 이런 사람들이 첫째 언어나 둘째 언어를 사용할 때 언어의 상호작용이 이루어진다. 상호작용하는 언어 는 신분층에 따라서 상호작용의 3 가지 형태가 있다: 1) Biliguism

(다양하게 구성된 두 언어나 두 언어 이상 사용); 2) *Diglossia* (같은 언어의 다양성의 상호작용 문어체와 방언체의 기능을 정확하게 분리해서); 3) *Amboglossia* (라틴어 *ambo* “둘다”와 그리스어 *glosas* “언어”) - 같은 언어의 두가지 방언의 상호작용). 이 용어는 필자가 처음 사용했다 (3, Pak, 59).

육진방언이나 고려말 방언을 사용하는 이들이 이중언어 사용자인데 CIS 고려인을 예로 *bilingualism*의 언어 상호작용에 관한 기본 개념을 살펴보자.

1. *Bilingualism* - 두 언어를 사용한다는 것은 두 언어를 교대해서 사용하는 것이다(4, Weinreich). 본 정의는 널리 퍼져있는데 많은 학자들에 의해 변화되어 왔다. 본 정의는 Karlinski 박사가 «한 개체나 단체가 의사 소통의 목적으로 두 언어를 사용하는 것을 *bilingualism*으로 규정하였다 (5, Karlinski, 22).

*Bilingualism*은 변하지 않는 것과 역동적인 것으로 구성되어 있다. 많은 언어는 그 사용자가 많지 않음에도 불구하고 일정한 사회 조건이 때문에 유지되고 있다. 예를 들면 토팔라르스크 언어는 사용자가 많지 않은 한 마을에서 살고 있는 투르크 토파 민족의 언어다. 이 토파 사람들은 모두 이중언어 구사자이다. 역동적인 *bilingualism*이 될 때 개체들은 자기 언어(언어 1)를 잃고 다른 언어(언어 2)로 이동한다.

모국어와 외국어

다민족 국가의 사람들은 보통 2개 언어나 2개 이상의 언어를 알고 있다. 이중언어자의 신분층을 정할 때는 보통 “모국어”와 “외국어”라는 용어를 사용한다. 대부분 정의로서 모국어라는 용어는 자기 민족, 자기 문화의 언어라는 것이고 많은 민족이 사용하고 있다. (독일어로 *Muttersprache*, 카자흐어로 *ана тілі*, 프랑스어로 *langue maternelle*, 러시아어로 *материнский* 정의를 비교해 보자). 그런데 부모에게서 배운 언어가 항상 자기 민족의 언어가 되는 것은 아니다. 현재는 자기 민족의 언어를 모르는 사람이 있다. 예를 들어 젊은 고려인들은 고려말을 모른다. 그래서 잘 아시다시피 «모국어»라는 용어는 학문적으로

사용하기에는 불편하다. 또 이처럼 접촉학에 서도 «외국어»라는 용어는 그리 편하지 않다. 예를 들면 카자흐스탄에 살고 있는 고려인에게는 카자흐스탄에 살고 있는 다른 민족의 언어는 모국어가 아니지만 외국어도 아니다.

이러한 용어의 어려움을 극복하기 위해 접촉학에서는 «첫째 언어» 나 «둘째 언어»라는 용어가 아니면 «제 1 차 언어» 혹은 «제 2 차 언어» 라는 용어를 사용한다. 이러한 용어의 구별은 «모국어 -외국어» 용어에 있는 사회적인 뜻을 피할 수 있는 것이다.

첫째 언어 (L1)와 둘째 언어 (L2)

첫째 언어는 개체가 태어날 때부터 바로 주변에 있는 개체한테서 배우는 언어이다. 둘째 언어는 사람이 자기 주변에서 배우는 것이 아니고 일반학교에서나 대학교에서 배우는 언어를 말한다.

개체가 몇 가지 언어를 알 경우에 그 언어는 사용자의 중요성에 따라 순서가 정 해진다.

2. Diglossia - 상호작용하는 언어의 사회 신분에 따라서 2 개 언어 사용하는 것을 학자들은 **Bilingualism** 과 **Diglossia** 로 나눈다.

Diglossia 는 어떤 단체가 같은 언어이지만 방언보다 좀 더 높은 지위를 가진 2 가 지의 표준어 체계를 사용하는 것을 말한다. **Bilingualism** 과 **Diglossia** 라는 용어의 차이는 페르규손 박사(6, Ferguson, 325-340)가 처음 사용하였고 현재 많은 언어 학자들 이 인정하고 있다.

표준어와 방언은 다른 기능 분야에서 사용하는 자립적인 언어 제도이다. 표준어는 공식적인 분야에서 사용하고, 방언은 집안 생활에서 사용한다. **Diglossia** 라는 것은 **Bilingualism** 에 반대되는 것으로 생각하면 좋을 것이다. **Bilingualism** 의 경우가 사람이 다양한 언어의 표준어 2 개 혹은 2 개 이상을 알고 있는 것을 뜻한다면, **Diglossia** 의 경우는 같은 언어의 표준어와 방언을 알고 있는 것을 말한다. 고려인들은 고려말도 사용하고 한국어 표준어도 사용하기

때문에 Diglossia 적 특징을 보이고 있다. 어떤 사람들은 기능적인 분야가 다른 두 언어 체계를 사용하기도 한다.

3. *Amboglossia* -라틴어 *ambo* ("둘다")와 그리스어 *glossa* ("언어")로 구성된 이 용어는 같은 언어의 2 가지 방언이 서로 상호작용하는 언어 체계의 특별한 형태이다. *amboglossia* 는 아직 언어학적으로 충분히 연구되지 못한 분야이며 특정 문화 조건에서 형성되는 방언의 연구로 새로운 것이다. 특정한 조건이 새로운 교체 체계를 형성한다. *amboglossia* 의 한 경우는 같은 언어의 하부 체계 사이에 일어난 접촉의 결과로 두 가지 방언의 특성이 혼합되었기 때문에 통용어라는 새로운 언어 체계를 형성한다. 예를 들면 고려말은 육진방언과 명천방언이 섞이면서 러시아어와 카자흐어가 주변에 있는 조건에서 *koine* 가 된 것이다.

Amboglossia 는 두 가지 방언이 교체하면서 지역 *koine* 가 국어 차원에서 사용되는 것이 보통이다. 예를 들면 독일의 중앙프랑크 *koine* 와 동색슨 (현재 독일 표준어의 기본) *koine* 가 잘 알려져 있다.

그러므로 육진이라는 방언에 언어 상호작용과 관련된 많은 요인이 영향을 주게 되었다. 역사적으로 육진방언은 표준어(*diglossia*)와 다른 방언(*amboglossia*)과 러시아어와 카자흐어라는 다른 언어(*bilinguism*)와 상호 작용하였다고 볼 수 있다.

3. 언어 상호작용 과정

이 부분에서 우리가 언어 접촉 결과로부터 추정할 수 있는 언어의 상호작용 문제를 살펴보도록 한다. 언어의 상호작용의 결과는 말이나 언어에서 나타난다. 이렇게 나눈 것은 한편으로는 «언어(*langue*) - 말 (*parole*)» (7, Saussure)이라는 이분법 관계로, 다른 한편으로는 «공시성-통시성»의 관계로 생각하고 있다. «언어 말의 - 경우에는 상호작용이 공시성 수준에서 이루어져 언어의 변화가 언어 체계에 영향을 주지 않는다. 이 현상은 말의 변화라고 한다.

«공시성 - 통시성»의 경우에는 변화가 바로 언어 체계에서 이루어진다. 이것은 상호작용 시 통시성 과정을 연구할 필요가 있다. 이 현상은 확산(Diffusion)이라고(Karlinski, 14-20) 하는 데 좀 더 자세히 살펴 보도록 하자.

1) **말의 변화** - 말의 변화는 이중언어자가 2개 언어를 사용할 때 통시적인 상호 작용의 결과다. 언어에 미치는 영향의 방향에 따라서 말의 변화를 간섭(Interference)과 삽입(Intercalance)으로 나눈다.

간섭은 언어 접촉의 결과로 일어나는 LI의 영향 하에 L2가 이중언어 구사에서 언어규범으로부터 파생되는 것이다. LI와 L2의 영향을 주는 것은 다양한 언어 수준에서 반영된다. 예를 들면 음운, 어휘, 문법뿐만 아니라 어형변화(Paradigma)와 의미의 단위(Sintagma)에서도 반영된다. 간섭은 이중언어의 말이나 LI에 비교되는 L2의 문장에서 나타난다. 위와 같이 육진방언(L1)과 명천방언(L2)이 접촉한 결과로 고려 말이라는 언어(koine인 L3)가 생겼다. 그러므로 고려인이 방언 2개의 방언(명천과 육진) 가운데 하나를 잘 알고 고려말도 사용해서 이중언어자가 되었다.

이중언어자(bilingual)라는 용어의 뜻은 한 언어의 2-3개의 이중 사용자도 포함해서 고려한다.

간섭(Interference)의 예로는 2개 언어를 사용하는 고려인이 «놓는다», «니블이», «넙는다»라는 단어에 «ㄴ»음을 앞에 사용하는 것인데 육진방언의 특징이다.

다른 예는 육진방언 사용자가 «지낸다»라고 하지 않고 «기낸다»라고 하거나 «칠이» 대신 «길이»라고 하는 것이다.

삽입은 언어 접촉의 결과로 L2의 영향 아래 LI이 이중언어 구사에서 언어규범 으로부터 파생되는 것이다. 음운과 어휘에 영향을 미치며 LI을 사용할 때 L2가 영향을 미치는 것은 연구에서 밝혀진 규정에 따른다.

육진방언 사용자의 말에 명천방언 단위가 들어간 예는 «미내» «совсем, совершенно», «거저» «просто так» 등의 어휘다. 육진방언 사용자의 말에 명천방언의 어휘

단위도 포함되는데 러시아어와 카자흐어의 어휘 또한 포함되어 있다.

2) 언어의 확산. 상호 작용과 동시에, 말에서 한 언어가 다른 언어의 영향을 받아 통시적으로 언어에 작용한 간섭과 삽입이 공시적 작용과 함께 전이(Transference) 와 전도(Transcalance)가 구별된다.

전이란 LI 이 L2 의 언어체계에 영향을 준 결과이다. 그 결과는 이중언어자의 말에 나타난 결과뿐만 아니라 L2 의 언어 체계에 나타난 결과를 말하며 L2 의 언어 단위와 사용법에 반영된다. 사라지는 언어들이 다른 한 언어나 여러 언어들과 (이 경우 육진방언과 명천방언의 상호 작용) 상호작용하는 동시에 음성 수준에서 작용 되는 확산은 주로 한 쪽으로 나타난다. 그것이 전도이다.

전도는 2 개 국어를 사용하는 사람의 말을 통하여 2 가 LI 의 언어 체계에 준영 향과 관련되어 있다.

전도를 연구하는 것은 언어들의 상호작용의 역대성 관점과 그와 관련된 언어 역사에서 볼 수 있는 언어 변화를 살펴보는 것을 가능케 할 것이다.

앞에서 말했듯이 사라지는 언어들은 (그 중에 육진방언과 명천 방언 같은) 다수 사용자들을 갖고 있는 언어의 영향을 받아 동화한다. 육진방언에서 제일 많이 나타나는 변화는 명천방언의 자음 체계에서 볼 수 있다. 육진방언에서 자음 (ㅌ)이 모음 (1) 앞에서 자음 (ㄷ)으로 대체된다: (틴다 - 친다), (가티 - 가치). 어휘적으로 보면 육진방언 사용자가 러시아어와 카자흐어에서 들어온 많은 외래어를 쓰며 그 외래 어가 육진방언 체계에 들어오게 되었다: spichki, shapka, sapogi (러시아어); airan, dastarhan (카자흐어) 등 (8, Hassanov, 200).

간섭이 언어숙달의 정의에서 심리적 문제와 관련이 있다면 전도는 사회적인 이유와 상호 작용하는 언어들의 사용 적재량 차이로 자극을 받는다. 이러한 말의 현실은 일정한 조건에서 상호 작용하는 언어 체계에서 살펴볼 수 있으며 언어의 확산이 현실화 될 수 있다. 육진방언의 경우에 외래어는 음성과 문법 분야에서 다른 언어의 요소들을

살펴볼 필요가 있으며 그것은 바로 언어가 사라지는 원인이 될 수 있다.

전이와 전도를 연구하는 것은 발생적인 면에서 서로간에 관련된 언어의 새로운 여러 가지 형태가 발생하는 것에 대한 문제와 또는 새로운 언어 체계가 어떻게 생기고 없어지는가에 대한 것을 설명할 것이다. 즉, 구체적인 언어 재료 (육친과 명천 방언)를 통해서 전이와 전도를 연구하는 것은 고려말(koine)의 새로운 언어 체계가 어떻게 생겼는가를 설명할 것이다.

실제 말이 실제 언어로 변형하는 작용은 장기간에 걸쳐 이루어진다고 강조할 수 있다. 그러한 작용은 한 세기에만 존속되는 것이 아니다. 하지만 상호 작용하는 동안 예로부터 있었던 특징과 취득한 특징이 공존할 수 있다. 이것은 언어의 모든 것과 관련이 있다. 고려말을 한 예로 들 수 있다. 고려말의 형성은 조건상 19세기 후반에 시작했다고 말할 수 있다. 하지만 현재까지도 고려말은 확고한 형태를 갖고 있지 않다.

참고 문헌

1. <http://edu.gov.kz>
2. Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. М., 2005. С. 44.
3. Пак Н.С. Проблемы языка корейской диаспоры: состояние и перспективы//Корееведение в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы, 2004. С. 59.
4. Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York. 1953. 146 p.
5. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата Карунский А.Е, 1990. С.22.
6. Ferguson С.А. Diglossia in «Word» 15, 1959, p. 325-340.
7. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики//Труды по языкознанию. М., 1977.
8. Хасанов Б.Х. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. Алма-Ата, 1976. С. 200.

인문학연구원 국제학술회의 발표논문집. 서울대학교.
2007년 9월.

ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ ВЫМИРАЮЩИХ ЯЗЫКОВ

В данной работе описаны принципы и методы документирования и описания вымирающих языков, к числу которых относится диалект Юкчин корейского языка, функционирующий в Казахстане.

Проблема документации и описания языков, находящихся под угрозой вымирания, как было отмечено выше, еще не получила должного развития в лингвистике. Имеющиеся описания не вполне удовлетворяют, по мнению Лемана, требованиям полноты и адекватности (1, Леман, 180-191). Под требованиями полноты имеется в виду описание не только субстанциональных свойств языка, но и функциональных. Однако даже и в плане субстанциональных свойств язык не рассматривается как системно-структурное образование, а описываются обычно только отдельные уровни (фонологический либо морфологический). Что же касается функциональных свойств, то отмечается отсутствие информации исторического и этносоциологического характера о языке.

В нашем исследовании мы исходим из признания необходимости учета всех названных факторов. Изначально на первичном этапе документирования мы принимаем во внимание социальные и исторические условия, оказавшие влияние на формирование и функционирование изучаемого нами диалекта Юкчин корейского языка, а при описании его рассматриваем все уровни языка.

Методы внешней лингвистики

Функциональные свойства диалекта изучаются нами методами психолингвистики, социолингвистики и этнолингвистики (2, см. Карлинский 2, 67).

2.1.1. Методы и приемы психолингвистики

Одной из основных целей психолингвистики является выявление сущности отношений "язык — человек" и связано с использованием экспериментальных методов анализа речевой деятельности индивида. Одним из активных методов познания речевой деятельности является метод

психолингвистического эксперимента, предполагающего привлечение информанта, для которого изучаемый язык является родным. Основным приемом психолингвистических исследований служит тест, от качества составления которого зависит в значительной степени и результат эксперимента. Достоверность результатов эксперимента зависит и от количества и качества информантов.

2.1.2. Приемы и методы социолингвистики

Социолингвистика изучает отношения "язык — общество". Используются активные и пассивные методы социолингвистических исследований. В качестве приемов анализа используются тест, интервью, анкета. Одним из важнейших способов сбора информации служит опрос, а анкета и интервью — основные формы опроса. Методы социолингвистических исследований позволяют выявить языковую ситуацию в корейской диаспоре Казахстана, функциональную нагрузку языка диаспоры, состояние языка.

2.1.3. Приемы и методы этнолингвистики

Этнолингвистика изучает отношения "язык — культура". Культура народа, его своеобразие в мироощущении и миропонимании отражается в лексических средствах языка. В частности, многие реалии, особенности материальной культуры отражаются ярко в номинативных средствах корейского языка. При этнолингвистических исследованиях можно идти двумя путями: от явлений культуры к языку и от языка к культуре. И в зависимости от этого используются контактные и дистантные методы. Сведения о культуре можно получить при контактном методе через интервью или прямой опрос информантов, а при дистантном методе — через анкетирование, изучение письменных источников, телефонное интервью.

Методы внутренней лингвистики

Диалект и литературный язык имеют различия не только территориального, функционального и социального характера, как было уже отмечено, но и структурного. Они обусловлены спецификой ряда черт на всех уровнях языка, носящих системный характер. Так, в диалекте Юкчин корейского языка многие фонологические, морфологические, а также

лексические признаки не свойственны литературному языку, что позволяет рассматривать диалект как отдельную коммуникативную систему.

К изучению субстанциональных свойств языка как системно-структурного образования предпринят системный (таксономический) подход, предполагающий описание трех уровней диалекта: (фонологического, грамматического, лексического) и двух планов: (парадигматического и синтагматического).

Парадигматические отношения представляют собой отношения между классами элементов, объединенных на основе сходства признаков.

Кроме того, элементы парадигматического ряда могут находиться между собой по степени сложности в иерархических отношениях, т.е. когда единицы одного уровня входят в класс единиц более крупного уровня.

Синтагматические отношения реализуются в правилах сочетаемости элементов трех уровней между собой в линейной последовательности. Так, на фонологическом уровне изучается фонемная сочетаемость, на грамматическом уровне — сочетаемость грамматических единиц, а на лексическом уровне — сочетаемость лексическая.

Субстанциональные свойства диалекта изучаются посредством методов внутренней лингвистики в синхронии и диахронии: сопоставительного метода (сравнения с Сеульским стандартом современного корейского языка), дескриптивных методов (анализа по непосредственно составляющим и дистрибутивного анализа). Для объяснения исторических изменений, а также причин этих изменений современное состояние диалектной системы сравнивается с данными письменных источников и монографических исследований.

Методика документации языков, находящихся под угрозой вымирания

Документация языка как первая стадия познания языка — это деятельность по сбору, фиксации, обработке и анализу полученных данных определенного языка с целью дать максимально полное представление о структуре языка, т.е. о

единицах всех уровней и о возможностях его функционирования. Документация не должна сводиться к механическому сбору сырой информации. В этом смысле документация и описание есть взаимосвязанные процедуры, которые осуществляются параллельно.

Основным методом сбора информации о неописанных языках является полевой. Большой опыт практической полевой работы накоплен в лингвистике в связи с изучением диалектов и бесписьменных языков. Сильные традиции в лингвистической полевой работе сложились в ряде стран: в России, Германии, Америке и др. Многие крупные лингвисты проводили исследования в полевых условиях, Это М.А. Кастрен, П.К. Услар, В.Г. Богораз, И.А. Бодуэн де Куртене, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др. Из зарубежных языковедов Ф. Боас, Л. Блумфилд, Э. Сэпир, Б. Уорф, К. Пайк, Е. Найда и др.

Следует упомянуть и о пионерских исследованиях немецких диалектов Венкера и французских - Жильерона. Однако несмотря на накопленный опыт полевой работы, обобщающих трудов по названной тематике немного. (См. Кибрик (3), Smarin (4), Lounsbury (5), Fieldwork (6).

Полевая работа состоит из нескольких этапов.

Первый этап. Наиболее важной частью является предварительная подготовка к полевому исследованию — «нулевой цикл», от решения которого зависит качество собранного материала. (О «нулевом цикле» в полевой работе см. Кибрик (7), 31-64). Он включает в нашем случае:

1. Разработку анкет и тестов, определение тем для беседы. Анкета содержит данные информанта: ф.и.о., год рождения, место рождения, год и местность переселения из Дальнего Востока и переселения предков из Кореи. Темы для беседы должны быть близкие для носителей языка. Это история переселения с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию, традиции, обычаи корейского народа, соблюдаемые в местности проживания, автобиографии, истории из личной жизни, об известных людях того времени, знаменательных событиях того периода.

2. Выбор информантов. Главным требованием к информанту должна быть хорошая языковая компетенция, поскольку не всякий носитель диалекта может быть хорошим информантом. От него требуется комплекс самых различных качеств, важных для полевой работы. Но самым необходимым качеством информанта должно быть, прежде всего, осознание специфичности своей диалектной разновидности. А такие носители, особенно в условиях вымирания языков, встречаются крайне редко.

3. Выбор языка общения. Одним из необходимых условий для эффективной работы с информантами должен быть выбор рабочего языка. Это может быть язык — объект, либо иной язык-посредник. В нашем случае: либо русский, либо корейский. Из двух вариантов предпочтение следует отдать языку-посреднику, т.е. русскому, если информант двуязычен. Иногда языковой престиж языка-посредника, как например, Сеульский стандарт корейского языка по отношению к его диалектам, может влиять на речь информанта, и он начинает подстраиваться под речь исследователя, т.е. под литературный корейский.

Второй этап включает работу с информантами.

Метод прямого и обширного интервьюирования должен сочетаться с другими методами для корректировки полученных данных и адекватного описания языка. Чтобы изучить процессы языковых изменений недостаточно фиксации синхронного среза современного состояния языка только одного поколения. Необходимые данные такого рода не могут дать традиционные методы. Поэтому мы дополняем его методом «восстановления». Диалектные особенности, свойственные носителям старшего поколения, сохранились не во всех позициях. Такие черты, как ш-канье, т-канье диалекта Юкчин относятся к исчезающим. В нашем исследовании выявлены диалектные различия между двумя диалектами Юкчин и Менчхэн на основе данных, полученных из устной речи информантов. Факты речи можно получить на основе воспоминаний информантов о том, как произносили то или иное слово в семье двумя поколениями (поколением родителей и поколением дедушек). В результате данного метода мы имеем возможность воспроизвести состояния

языка двух поколений и получить данные языкового развития на протяжении как минимум 100 лет.

По сути, данный способ работы с информантами представляет собой своего рода реконструкцию диалекта более древнего его состояния и позволяет выявить фонетические, морфологические и лексические особенности диалекта Юкчин, а также адекватно описать его как целостную систему. В работе осуществляется подход, при котором, с одной стороны, уделяется внимание каждому отдельному факту речи, и с другой, осуществляется исследование каждого факта на языковом уровне во всех его сложных системных отношениях.

Третий этап включает анализ полученного материала, выявление фонетических, грамматических и лексических особенностей диалекта.

Четвертый этап. Тестирование. На этом этапе выявленные особенности во время полевой работы проверяются на достоверность. Тестирование проводится двумя способами: в устной и письменной форме. Письменная форма представлена в виде вопросника, содержащего ключевые слова или формы, которые сопоставляются с данными, полученными от информанта. Устная форма проводится в форме телефонного интервью или непосредственно с информантом. Исследователь читает предложение-задание на языке-посреднике (в нашем случае — на русском языке) и фиксирует ответ на диалекте. В каждое предложение включается только одно языковое явление, подлежащее изучению. Этот этап допускает также повторный опрос одного и того же информанта.

Пятый этап. Анализ письменных источников на диалекте Юкчин. Выявление архаичных черт путем сопоставления их с современным состоянием диалекта.

Шестой этап. Сравнение результатов анкетирования с телефонным интервью и магнитофонными записями информантов дали возможность проверить метод на точность.

Предлагаемая методика позволяет дополнить данные устной речи информантов данными письменных источников (при наличии таковых), которые отражают исконное состояние диалекта предшествующего периода, в отличие от

ряда работ такого рода, где исследователи основываются на данных только интервью и магнитофонных записей. В нашем распоряжении такие источники имеются. Использование предлагаемого комплекса методов документирования и описания позволяет увидеть языковые процессы в динамике, в диахронии, на протяжении определенного отрезка времени. В программу предварительной подготовки к полевому исследованию входит составление тестов, вопросников, анкет. Объем и количество должны быть достаточны для выявления всех фактов, существенных для построения модели языка-объекта.

Перед началом работы с информантом используется краткий вопросник для выявления того, на каком из двух корейских диалектов он говорит. Всего ставится два вопроса: как называют на вашем диалекте "платок" (или "арбуз")? Как будет на диалекте "зуб"? Если при первом вопросе последует ответ *шугэни* (или *шубаги*), то информант-носитель диалекта Юкчин. Если же в ответе вместо ожидаемого /u/ слышим *сугэни* (*субаги*), то перед нами носитель диалекта Менчхон. То же самое и во втором примере. Для Юкчин характерно употребление /n/ в начале слова [*ниппари*], для Менчхэн — отсутствие его (8). Таким образом, анкета ориентирована на установление фонетических различий между диалектами. Следует подчеркнуть, что крайне важным в полевой работе является умение производить идентификацию звуков диалекта, а также разработать средства для письменной их фиксации. Мы используем транскрипцию, разработанную на основе русской графики в советском корееведении. Для полноценной транскрипции важна разработка знаков, необходимых для передачи всех просодических свойств языка-объекта. Умение слышать звуки чужого языка может приобретаться путем специальной фонетической тренировки, осуществляемой системно по определенным классификационным признакам. Только в результате долгих тренировок лингвист способен идентифицировать тончайшие звуковые различия.

Другой тип анкет был ориентирован на выявление грамматических фактов диалекта. Особое место занимают активные методы получения информации. Способы опроса

информантов должны быть скорректированы в соответствии с конкретными задачами исследования. В задачу полевого лингвиста входит выработать такие средства активного управления способностью информанта к языковой деятельности, которые давали бы желаемый результат. В процессе работы нам приходилось часто повторно обращаться к информантам для уточнения того или иного факта, поскольку качество описания языка обеспечивалось путем длительной работы с одними и теми же информантами, путем многократного повторения одного и того же явления через определенный промежуток времени. Известно, что качества описания в работах такого рода можно достичь лишь при условии, если исследователь владеет лингвистической теорией и данным языком, потому что сбор материала не есть механический процесс, и количество материала еще не обеспечивает надежность для адекватного описания. В данном исследовании мы стремились учесть эти условия. Поскольку автор настоящего исследования является носителем диалекта Юкчин.

В работе осуществляется подход, при котором, с одной стороны, уделяется внимание к каждому отдельному факту речи, и с другой, каждый отдельный факт исследуется на языковом уровне во всех его сложных системных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леман К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания//ВЯ, 1996, №2. С. 180-191).
2. Карлинский А.Е. Принципы, методы и приемы лингвистических исследований. Алматы, 2003.132с.
3. Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. М.. 1972.
4. Samarin W. Field Linguistics. A guide to linguistics field work. Holt, Rinehart and Windston.1967, P.3
5. Lounsbury F.Field methods and techniques in linguistics. In: A.L.Kroeber et al "Antropology today". Chicago.1953
6. Linguistic Fieldwork. Ed.dy Newman P. and Ratiliff M.Cambridge

University Press, 2001. 281 p.

7. Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. М., 1972. С. 31-64.

8. Приведенные слова для тестирования введены моим коллегой, докторантом Гарвардского университета Россом Кинг во время совместной полевой работы с информантами.

*Новые информац. технологии в образовании: Мат. 4-ой
Международ научно-практич конференции. Алматы, 2003.
С.125-130.*

О ТЕОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ ПРИ БИЛИНГВИЗМЕ

Проблема взаимосвязи и взаимодействия языков и двуязычия, в частности, уходит своими корнями в глубокую древность. Однако научный интерес к проблемам двуязычия обозначился ярко лишь в начале 19 в. Он был вызван не только развитием лингвистики и методов исследования, но и успехами смежных наук: психологии, социологии, этнографии.

Основы современной теории взаимодействия языков, отмечает А.Е. Карлинский, заложены У. Вайнрайхом [1]. Основные понятия и положения этой новой отрасли языкознания были четко сформулированы в монографии «Языковые контакты», вышедшей в 1953 году. Однако основы теории языковых контактов и билингвизма и сами идеи были заложены в предшествующие периоды в трудах ряда лингвистов разных стран. В первую очередь, в работах Е.Д. Поливанова, В.А. Богородицкого, Л.В. Щербы и др., которые он учел при работе над своей монографией.

Конец 20-го века отмечен повышенным вниманием к вопросам взаимодействия языков. Более того, были установлены существенные недостатки в концепции У. Вайнрайха. Большинство ученых (Е. Верещагин, Ю. Розенцвейг, Э. Хауген и др.) опирались в своих исследованиях на основные понятия У. Вайнрайха, но с серьезными уточнениями и дополнениями. Появилась потребность в обобщении накопленных знаний и приведение их в определенную систему, систему непротиворечивых и строго определенных понятий и терминов. Несмотря на то, что число работ, посвященных проблеме взаимодействия языков при билингвизме, огромно, они носят преимущественно описательный характер. В связи с чем ощутилась необходимость создания интегрированной теории билингвизма и языковых контактов, которая позволит совершенствовать любую теорию, в т.ч. и теорию языковых контактов.

Термин «Языковые контакты», в том значении, в котором он используется в современной лингвистике, как известно, принадлежит У. Вайнрайху: «Два или более языков

находятся в контакте, если они попеременно используются одним и тем же человеком». Такое толкование термина, наряду со многими другими пониманиями, оказалось наиболее популярным. Чем объяснить такую популярность? Языковые контакты он понимал очень широко как в отношении участников контакта, т.е. взаимодействие может быть между языками, диалектами одного языка, а также между языками и диалектами, так и в отношении факторов, влияющих на это взаимодействие – он рассматривал во всех аспектах: лингвистическом, психолингвистическом и социолингвистическом. Несмотря на непротиворечивость концепции У. Вайнрайха, в понятия и выражающие их термины могут быть внесены, как и в любой теории, уточнения и дополнения.

Что касается другого термина – билингвизма, то у Вайнрайха понятия языковые контакты и билингвизм почти не различаются: языковые контакты – это попеременное использование двух языков одним и тем же человеком, а билингвизм – это практика попеременного использования двух языков.

Двуязычие (билингвизм) А.Е. Карлинский трактует как «Практику попеременного использования двух языков одним и тем же индивидом или группой индивидов в целях коммуникации» [2, 22].

В данном определении содержатся два существенных дополнения:

- 1) указание на способности использовать два языка (или более) в целях общения;
- 2) указание на способности использовать два языка (или более) одним или группой индивидов. В этом дополнении учитывается социально-психологический аспект.

Неоднозначное толкование основных терминов свидетельствует о том, что уточнение и разграничение их является актуальным. Не касаясь различных толкований основных терминов, рассмотрим внесенные А.Е. Карлинским уточнения в понимании основных терминов «языковые контакты» и «билингвизм», а также понятия «взаимодействие языков», которое не нашло однозначного толкования в специальной литературе.

1. Определение термина «языковые контакты». Языки находятся в контакте, если порождаемая речь (текст) возникает в результате взаимодействия языковых элементов, принадлежащих к двум разным системам А и Б, или элементы одного языка А проникают в систему другого языка Б. Результатом такого взаимодействия (контакта) являются интерференция, наблюдаемая в речи (тексте), и интеграция, обнаруживаемая в языке (системе). Таким образом, термин «языковые контакты» предлагается использовать в чисто лингвистическом смысле для характеристики любых видов взаимодействия языков, причем не только в связи с текстом, как это предлагает Е. Верещагин, но и в связи с системой.

2. *Билингвизмом* называется практика попеременного использования двух языков в процессе речевой деятельности одним и тем же человеком, принадлежащим к одной языковой общности. Таким образом, определение У. Вайнрайха незначительно модифицировано, включив в него понятие речевой деятельности и языковой общности, а это значит, что термин «билингвизм» приложим ко всем фактам взаимодействия языков, связанным с речевой деятельностью билингва, специфика которой определяется психолингвистическими и социолингвистическими, т.е. экстралингвистическими факторами.

3. *Под взаимодействием языком* следует понимать любые процессы взаимного влияния языков с учетом лингвистических (языковых контактов) и экстралингвистических (билингвизм) факторов.

Таким образом, понятие взаимодействие языков включает в себя как языковые контакты, так и билингвизм, которые в совокупности отражают разные аспекты этого взаимодействия. Из этого следует, что языковые контакты и билингвизм – это понятия, отражающие две стороны одного и того же объекта [там же].

Понятие билингв относится также к фундаментальным понятиям. По Вайнрайху, билингв – человек, который пользуется попеременно двумя языками. Однако, по мнению А.Е. Карлинского, не учтена степень владения двумя языками. Без учета этого фактора, к билингвам нужно отнести только некоторых переводчиков и учителей. А между тем сотни

миллионов двуязычных, не владеющих в равной степени двумя языками, окажутся неохваченными этим понятием. Так каковы границы понятия двуязычия?

Билингвом следует называть человека, использующего в своей речевой деятельности два языка и способного понимать и порождать новые высказывания на втором языке без учета их языковой правильности и сложности. При таком определении человек, в совершенстве владеющий вторым языком, также охватывается понятием «билингв». Таким образом, часть языкознания, исследующая взаимодействие языков во всех его проявлениях, будет состоять из двух разделов: теории языковых контактов, или лингвистической теории взаимодействия языков в системе и тексте и теории билингвизма, или экстралингвистической теории взаимодействия языков. Теория билингвизма объединяет все проблемы, связанные с двуязычным индивидуумом и обществом.

Разработке основ комплексной теории взаимодействия языков посвятил свою научную деятельность Аврам Ефремович в стенах нашего университета, и она представлена в его докторской диссертации и монографии «Основы теории взаимодействия языков» [3].

Главной задачей в работе было – разграничить аспекты теории взаимодействия языков и определить ее место в современной лингвистике, а также увязать все аспекты в пределах одной общей теории, устранив имеющиеся противоречия.

При определении объекта исследования А.Е. Карлинский исходил из Аристотельского учения об универсальных свойствах любых объектов окружающего мира, в том числе и лингвистических, о так называемых внутренних (субстанциональных) и внешних (функциональных) признаках предметов и явлений. Внутренняя лингвистика рассматривает язык как замкнутую в себе систему безотносительно к тому, как ею пользуется человек и общество. Она изучает также свойства элементов, образующих систему, и отношения между ними. Внешняя лингвистика изучает язык с точки зрения функциональных

свойств, т.е. отношения к нелингвистическим объектам. Это отношения «язык-человек» в самом широком смысле слова.

Каково же место теории взаимодействия языков в науке о языке? Эта дисциплина находится на стыке внутренней и внешней лингвистики, а местом взаимодействия языков является человек с двумя и более языками в целях общения. Таким образом, на основе изложенного можно разграничить внутрилингвистический и внешнелингвистический аспекты данного явления.

Та часть *взаимодействия языков*, которая занимается функциональными свойствами этих языков безотносительно к тем, кто ими пользуется, названа *теорией билингвизма*, а та, предметом которой являются субстанциональные свойства взаимодействующих языков – *теорией языковых контактов*.

Предмет теории билингвизма

Основными аспектами исследования билингвизма являются: социолингвистический и психолингвистический. Социолингвистический аспект изучает отношения «билингвизм – общество», начиная от социальных причин возникновения билингвизма до возникновения и функционирования языков межнационального общения, сознательного вмешательства общества в языковые процессы (яз.ситуация и яз.политика в много нац. обществе) , соц.причин смены языков и пр.

Психолингвистический аспект теории билингвизма охватывает проблематику «билингвизм – индивид»: особенности восприятия и порождения речи на Я2 билингвом, влияние билингвизма на личность, особенности усвоения Я2 в детском и зрелом возрасте и т.д.

Предмет теории языковых контактов связан с лингвистическим подходом к фактам языкового взаимодействия, основанным на учете функциональных свойств взаимодействующих языков.

Лингвистический аспект проблемы предполагает рассмотрение результата языкового контактирования. Этот результат может проявляться либо в речи билингва на любом из двух языков, либо в языковой системе. Первое явление А.Е. Карлинский называет мутацией, а второе – диффузией.

Подобное разграничение позволяет кардинально осветить проблемы языкового взаимодействия в системе отношений «речь – язык», «синхрония-диахрония». В первом случае речь идет о чисто синхронном взаимодействии, не затрагивающем языковую систему, во втором – о языковом изменении, связанном с проникновением иноязычных элементов в языковую систему.

В связи с направлением языкового влияния следует различать при языковой мутации интерференцию и интеркаляцию, а при языковой диффузии – трансференцию и транскаляцию. Таким образом, выделяются четыре внутрилингвистических аспекта взаимодействия языков.

А теперь рассмотрим более подробно основные понятия и процессы, связанные с взаимодействием языков при билингвизме на конкретном примере, на примере языка корейской диаспоры Казахстана. Теория взаимодействия языков была положена в основу исследования языка корейской диаспоры, позволившая однозначно и непротиворечиво описать коре мар как объект внутренней и внешней лингвистики, т.е. его лингвистические свойства и функциональные.

Какие же типы взаимодействия языков различаются в современной лингвистике? В зависимости от социального статуса взаимодействующих языков различаются три типа – билингвизм и диглоссия и введенный нами еще один тип – амбоглоссия [4].

1. Билингвизм.

Билингвизм – взаимодействие двух и более языков при попеременном использовании, имеющих равнозначный статус.

Все носители этого языка коре мар являются билингвами.

Двуязычие бывает двух видов: устойчивое и динамическое. Многие языки, несмотря на малое число носителей, стойко сохраняются при определенных социальных условиях. В качестве примера приведем тофаларский язык – язык одного из малочисленных тюркоязычных народов – тофов, проживающих в одном

селении. Все они двуязычные. При динамическом двуязычии индивиды теряют свой язык Я₁ и переходят на Я₂.

Такое двуязычие ведет к смене языка.

2. *Диглоссия.*

Практика использования двух формы одного языка, когда в рамках одного языкового коллектива сосуществуют две языковые системы: диалекты и кодифицированная, занимающая более высокое социальное положение форма литературного языка, трактуется как диглоссия. Различие между билингвизмом и диглоссией впервые было отмечено Фергюсоном [5] и в настоящее время признается многими лингвистами.

Литературный язык и диалект – это две самостоятельные языковые системы, применяемые в разных функциональных сферах: одна форма используется в официальной среде, другая форма – в домашнем общении. Справедливо рассматривать диглоссию как явление противоположное билингвизму. При билингвизме или многоязычии индивидум владеет двумя или более разноструктурными литературными языками, при диглоссии – двумя вариантами одного и того же языка: литературным и диалектом. Диглоссийная ситуация характерна и для корейской диаспоры, наряду с коре мар функционирует и литературный стандарт корейского языка. Есть лица, которые пользуются обеими языковыми системами, функциональные сферы которых распределены (мы различаем двуязычие межъязыковое и внутриязыковое. Под вторым мы имеем в виду одновременное владение кодифицированным (литературный язык) и некодифицированным (диалект, просторечие) вариантами одного языка.).

3. *Амбоглоссия* (лат. Ambo «оба» + греч. Glossa «язык») (термин введен Пак Н.С.). Как особый тип языкового взаимодействия следует рассматривать амбоглоссию, когда диалекты одного языка взаимодействуют друг с другом. Этот тип взаимодействия языковых систем в лингвистике еще не рассматривался и является новым подходом к изучению диалектов, функционирующих в особых социо-культурных условиях, отличающихся от условий функционирования стандартного языка. При амбоглоссии в результате контакта

между подсистемами одного языка происходит смешение диалектных черт двух и/или более диалектов одного языка, ведущего к образованию новой языковой системы – койне. Так, взаимодействие диалектов юкчин и менчхон в условиях функционирования русско-казахского языкового окружения привело к формированию койнезированной разновидности корейского языка – *коре мар*.

Следует отметить, что амбоглоссия характерна и для внутригосударственных процессов, когда в результате взаимодействия диалектов возникает региональное койне. Так, в Германии известны центрально-франкское койне, восточно-саксонское койне (основа современного литературного немецкого языка).

Таким образом, можно утверждать, что на структуру диалекта юкчин влияли целый ряд факторов, связанных с взаимодействием языков. В силу своей исторической судьбы диалект юкчин взаимодействовал через своих носителей: с литературным корейским языком (диглоссия), с другим диалектом корейского языка (амбоглоссия) и с другими иноструктурными языками: русским и казахским (билингвизм).

Какие процессы происходят при взаимодействии языков?

Рассмотрим лингвистический аспект проблемы взаимодействия языков, предполагающий рассмотрение результата языкового контакта. Этот результат проявляется либо на уровне речи, либо на уровне языка. Такое разграничение учитывает отношения в дихотомии «язык – речь», с одной стороны, и с другой – «синхрония – диахрония». В первом случае взаимодействие происходит на синхронном уровне и языковые изменения не затрагивают языковую систему. Данное явление называется речевой мутацией. Во втором случае изменения происходят в самой языковой системе, ведущие к ее перестройке. Он предполагает изучение диахронических процессов при взаимодействии. Это явление называется языковой диффузией [2, с. 14-20]. Рассмотрим их более подробно.

1. *Речевая мутация*. Под языковой мутацией понимается результат синхронного взаимодействия языков, проявляющийся в речи билингва на любом из двух языков,

которым он пользуется в целях коммуникации. в зависимости от направления языкового влияния различаются два вида речевой мутации: интерференция и интеркаляция.

Интерференция – это случаи отклонения от нормы в речи билингва на Я₂ под влиянием Я₁, возникшего в результате языкового контакта. Специфика влияния Я₁ на Я₂ обнаруживается на различных уровнях языка - на фонологическом, лексическом и грамматическом и разных планах – парадигматическом и синтагматическом. Она обнаруживается в речи билингва или в тексте на Я₂, который сравнивается по отношению к Я₁. Как было ранее отмечено, что в результате взаимодействия двух контактирующих диалектов ДЮ (Я₁) и ДМ (Я₂) возник койнезированный язык коре мар (Я₃). Таким образом, члены корейской языковой общности становятся двуязычными (билингвами), они владеют одним из двух диалектов (менчхон и юкчин) и коре мар. Под термином «билингв» мы подразумеваем и владение вариантами одного языка. Речь носителя коре мар подвержена интерферирующему влиянию диалекта.

Интеркаляция – это случаи отклонения от нормы в речи билингва на первом языке (Я₁) под влиянием второго языка (Я₂). Она проявляется и на фонетическом и на лексическом уровне и связана с изучением закономерностей влияния Я₂ на речевые произведения Я₁.

2. **Языковая диффузия.** Наряду с процессами интерференции и интеркаляции, представляющие собой отклонение от нормы одного языка под влиянием другого на уровне речи при синхронным взаимодействии языков, различаются процессы при диахроническом взаимодействии – трансференция и транскаляция.

Трансференция есть результат влияния Я₁ на систему Я₂, который обнаруживается уже не в речи билингва, а в языковой системе Я₂, что отражается в наборе языковых единиц и правил их функционирования. Для вымирающих языков при их взаимодействии с другим языком или языками, в данном случае при взаимодействии ДЮ и ДМ, процесс диффузии на фонетическом уровне имеет преимущественно одну направленность – транскаляцию.

Транскаляция связана с влиянием Я₂ на языковую систему Я₁ через речь двуязычного индивида. Изучение транскаляции позволит рассмотреть диахронический аспект взаимодействия языков и связанных с ним языковых изменений, имевших место в истории языков. Как было отмечено, умирающие языки, каким является ДЮ, ассимилируются под влиянием языков с большим числом носителей, т.е. ДМ.

Если интерференция связана с чисто психологическими проблемами переноса навыка, то интеркаляция стимулируется социальными причинами и различиями в функциональной нагрузке взаимодействующих языков. Эти чисто речевые факты могут при определенных условиях проникать в языковые системы взаимодействующих языков и становиться фактами языковой диффузии. Для диалекта юкчин, иноязычные явления в области лексики (заимствования) могут стать причиной проникновения чужих элементов и в области фонетики и грамматики, что как раз и стимулирует отмирание языка.

Изучение трансференции и транскаляции поможет объяснить, как возникают новые варианты языков, связанных генетически, а также как расщепляются и образуются новые языковые системы. Так, изучение трансференции и транскаляции на конкретном языковом материале (диалектов юкчин и менчхон) даст возможность объяснить, как возникла новая языковая система – койне (коре мар).

Следует отметить, что процесс превращения фактов речи в факты языка длительный. Он может длиться не одно столетие. Однако в период взаимодействия приобретенные и исконные черты могут сосуществовать. Это касается всех уровней языка. Так, начало формирования коре мар можно условно отнести ко второй половине XIX века. Однако и в настоящее время он еще не приобрел устойчивых форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. 1953.
2. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата, 1990. 181 с.

3. Карлинский А.Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. Алматы, 2011. С. 41.
4. Пак Н.С. Корейский язык в Казахстане: проблемы и перспективы. Алматы, 2005. 303 с.
5. Ferguson С.А. Diglossia in "Word" 15, 1959. P.325-340.
Материалы международной научной конференции «Язык и общество», посвященной 95-летию проф. А.Е. Карлинского. Алматы, 2018. С. 18-25.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОЙ ВИТАЛЬНОСТИ (ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ)

Вопросы витальности языков как никогда актуальны в наши дни. Мы наблюдаем, как на наших глазах быстро меняется мир, как ускоренно развиваются в нем все процессы в обществе. Это коснулось и глоттогонических процессов, когда исчезают одни языки, появляются новые.

В данном сообщении я затрону вопрос жизнеспособности языков, при каких условиях выживают или могут выжить языки. Понятно, что наименее витальными являются миноритарные языки, т.н. языки малочисленных народов. Однако в неблагоприятном положении могут оказаться и языки со сравнительно большим числом носителей. В то же время есть примеры устойчивости миноритарных языков. Так, К 1900 году относится высказывание В.И. Йохельсона о том, что юкагирский язык может исчезнуть через несколько десятков лет. Однако в ту пору большинство языков с малым числом носителей в России оставались устойчивыми и было еще мало вымирающих языков. В период освоения царской Россией Сибири и Дальнего Востока контакты "инородцев" с русскими в тех регионах были незначительными, поскольку заселение шло постепенно. Хотя вымирание языков уже шло, но оно затрагивало хозяйственно более развитые районы [1, Алпатов 2000:32].

Языки исчезают двумя путями. Одни – естественным путем, другие неестественным. Естественным путем исчезают языки в результате:

- дифференциации, когда единый язык расщепляется и образуются новые языки или диалекты, а язык - основа исчезает (латинский, старославянский, древнеперсидский);
- ассимиляции, когда язык адаптируются, утрачивает свои исконные черты и приобретает свойства Я2. Таким образом, происходит смена языка. Неестественным путем языки исчезают вследствие различных причин экстралингвистического характера (распад и уничтожение племенных языков, сопровождавших колонизацию Нового Света, и другие социально-исторические факторы).

Естественным путем исчезают языки, как правило, неустойчивые. Однако это происходит при определенных условиях. А теперь рассмотрим условия, ведущие к вымиранию языков.

1. Положение языка в обществе (непрестижный язык). Одной из основных причин вымирания языков является игнорирование языками, считающимися непрестижными. Это относится, как правило, к миноритарным языкам, когда наряду с ними функционирует язык или языки более престижные с высоким социальным и политическим статусом.

2. Отсутствие письменной традиции. Письменная традиция позволяет не только передавать речевую информацию на расстоянии, но и закреплять во времени, т.е. передавать от одного поколения к другому. Именно мастера слова в художественных текстах на данном языке способствуют сохранению и развитию любого языка. Что касается диалекта юкчин, то при наличии многовековой традиции корейского письма отсутствует традиция фиксации диалектной речи.

3. Ограниченная сфера функционирования (не преподается в школе, не используется в СМИ (печать, радио, телевидение). Функционирование один из признаков, по которому дифференцируются язык и диалект. Диалект, как известно, функционально ограничен. Однако подобное ограничение диалекта в миграции как миноритарного языка имеет более серьезные последствия, оно приводит к его угасанию. Дело в том, что язык и диалект находятся в отношении взаимодополнительности, они взаимовлияют и взаимоподдерживают друг друга, а миноритарный диалект лишен поддержки со стороны литературного языка. В этой ситуации находится диалект юкчин.

4. Не передается младшему поколению. Утрата родного языка неизбежна, если он не передается из поколения к поколению. Язык находится на начальной стадии разрушения, если первое поколение не может общаться с третьим поколением на родном языке, т.е. если дедушки и бабушки не могут говорить с внуками на родном языке. Данная ситуация характерна для всей корейской диаспоры Казахстана.

Вместе с тем, наряду с рассмотренными выше условиями угасания языков, очень важно также учесть и качественную специфику языков (диалектов), находящихся под угрозой исчезновения, на всех уровнях системы. Пристального внимания заслуживает специфика номинативной системы языка (лексика, фразеология) особенно с учетом иноязычного влияния. Дело в том, что именно лексика и фразеология являются зеркалом культуры народа и 80% сведений о внешнем мире (языковая картина мира) можно получить именно через номинативные единицы.

Как известно, Причиной исчезновения миноритарных языков являются не особенности их структуры, а чисто внешние факторы (социально-демографические условия их функционирования).

Рассмотрим факторы, ведущие к вымиранию миноритарных языков. Среди отрицательных факторов, создающих угрозу существованию языку, выделенных при оценке жизнеспособности языков малочисленных народов СССР, проведенной при помощи специального социолингвистического анкетирования ведущих экспертов-специалистов, назовем следующие:

1. Численность этнической группы и говорящих на языке этой группы.
2. Возрастные группы носителей языка.
3. Этнический характер браков.
4. Воспитание детей дошкольного возраста.
5. Место проживания этноса.
6. Языковые контакты этноса.
7. Социально-общественная форма существования этноса.
8. Национальное самосознание.
9. Преподавание языка в школе.
10. Государственная языковая политика [2, см. Кибрик 1992: 8-10].

В качестве основных факторов, воздействующих на сохранение или потерю своего языка этнической общностью в диаспоре, Ким Юань-фу выделил следующие:

- 1) длительность пребывания в иноязычном окружении;

- 2) степень изолированности от окружающей этнической среды;
- 3) компактность проживания данного этнического сообщества;
- 4) интенсивность связей с основной частью этноса;
- 5) функциональная ценность и престижность языка данного этнического сообщества, находящегося в диаспоре, для его иноязычного окружения;
- 6) функциональная роль, ценность и престижность языка окружающей среды;
- 7) политическое положение этнического сообщества в диаспоре;
- 8) социально-культурное положение этнического сообщества в диаспоре;
- 9) социально-экономическая структура этнического сообщества в диаспоре [3, Ким Юань-фу 1993: 14-17].

Каждый из факторов оказывал свое влияние на социолингвистические процессы, происходящие в корейской диаспоре. Однако наиболее важными следует считать: изменение места проживания, особенно в результате принудительного переселения, некомпактность проживания, длительность пребывания в иноязычном окружении, ослабление интенсивности связей с основной частью этноса [4, см. Кибрик 1991: под п. 5, Ким 1993 пп.1-4]. Следует назвать еще один из отрицательных, причем решающих, факторов, повлиявших на жизнеспособность диалекта юкчин, – это численное преобладание другого диалекта – менчхон. Именно эти факторы имели губительные последствия для диалекта юкчин, в результате влияния которых диалект юкчин можно отнести к исчезающим.

Каковы же критерии определения степени витальности (жизнеспособности) языка

В проблематику нарождающегося нового научного направления должны войти, прежде всего, такие важные вопросы, как определение четких критериев, при которых язык считается находящимся под угрозой вымирания.

Известно, что язык живет до тех пор, пока есть люди, использующие его в целях общения. Минимальное количество людей, необходимое для обмена мыслями и чувствами для коммуникации равно двум. Именно они способны обеспечить трансформацию "говорящий – слушающий". Один человек, даже хорошо владеющий языком, не может реализовать свои языковые потенции. Определив нижний предел использования языка (два человека), необходимо определить их верхний предел.

При каком количестве говорящих следует причислить язык к вымирающим? В литературе приводятся примеры, когда шанс на выживание имеют языки с количеством говорящих более 500 человек [5, Кристал 2002:11]. Большинство лингвистов связывают опасность сохранения языка с количеством говорящих на данном языке в общине в 500 и менее человек [6, см. Ямамото 1997:16]. Он приводит пример языковой общины в Бразилии, говорящей на каритиана. Процент говорящих составляет 96 %, т.е. практически все члены языковой общности, хотя численность говорящих всего 191 человека. Существуют и другие цифры. Так, В. Видрайн, исследуя языки Африки, рассматривает язык как вымирающий, если количество говорящих составляет 20.000 [7, Видрайн 1998:17]. Дело в том, что в Западной Африке совершенно иная языковая ситуация. Там происходит интенсивно процесс креолизации на основе английского и французского, из-за чего местные языки тоже находятся под угрозой исчезновения. Важно отметить то, что эти языки являются не вторыми, а первыми. Уместно ли считать их вымирающими?

Количественный критерий нельзя признать достаточным для определения степени витальности (жизнеспособности) языка. В решении данной проблемы большую роль играют и социальные вопросы (функциональная нагрузка, роль государства, *отношение со стороны титульной нации*, наличие образования, письменности на данном языке и т.п.). Так, например, люцбургский язык (Lutzeburgisch) в Люксембурге (фактически рейнско-люзельский диалект немецкого языка) является официальным наряду с Hochdeutsch и французским

при общем количестве населения в 400 тыс. С другой стороны, в Швейцарии ретороманский язык (0,8 % всего населения) также является официальным, наряду с немецким, французским и итальянским. И на других континентах (особенно в Австралии и Океании) имеются самостоятельные государства с малым количеством населения, язык которых, однако обладает довольно прочной степенью витальности. Приведем для сравнения Западное Самоа с населением 33 тыс. жителей, официальные языки самоанский и английский; Науру – 8, 5 тыс. жителей, официальные языки – наруанский и английский; Тонга – 97 тыс. населения, официальные языки – тонганский и английский и др.

Исходя из приведенных примеров, мы можем в качестве критериев, ведущих к вымиранию, признать:

1. Функционирование данного языка только в сфере быта и фольклора.
2. Количество говорящих в процентном исчислении относительно всей совокупности этноса.
3. Является ли язык первым или вторым.

С точки зрения процессов жизни и смерти языков все языки мира можно разбить на три группы:

1. Живые жизнеспособные языки.
2. Угасающие языки.
3. Мертвые языки (о вышедших мы ничего не знаем).

Живой язык – коммуникативная система, которая используется в устной (и письменной) форме представителями данного этноса во всех жизненно важных сферах общения (семейная жизнь, домашнее хозяйство, религия (верования), фольклор, школа и т.д.) [8, см. Дешериев 1997: 246].

Мертвый язык – язык, вышедший из употребления и известный нам только в письменных памятниках.

Угасающие языки в динамическом плане располагаются между живыми и мертвыми. Вместе с тем интенсивность угасания этой группы языков может быть различной. Это языки: 1-го типа (с ограниченным числом говорящих), 2-го типа (находящихся под угрозой вымирания) и 3-го типа (языки, близкие к вымиранию).

Первой группе языков нет угрозы исчезновения. Число говорящих достаточно велико. Сюда относятся все национальные языки.

Ко второй группе (к 1-му типу с ограниченным числом говорящих) относятся многие языки тунгусо-маньчжурской семьи, некоторые автохтонные языки Северной и южной Америки, Африки, Океании и др. Язык функционирует только в пределах сообщества.

На языках, находящихся под угрозой вымирания (тип 2), говорят достаточное количество людей для его выживания, но это возможно только в благоприятных условиях и при поддержке языкового сообщества. Это еще живые языки, но с ограниченной сферой функционирования. Примером служит гэльский язык в Новой Шотландии. Он употребляется лишь в приветствиях, шутках и в целях секретности.

Другой подтип 'близкий к вымиранию, почти исчезнувший язык' находится за чертой возможности выживания, так как исконных носителей остались единицы в последнем поколении. К ним можно отнести язык сусуами в Новой Гвинее. Число носителей осталось в 1980 г. 50 человек, а спустя 10 лет – около дюжины. К этому типу относится и диалект юкчин корейского языка.

И, наконец, последний тип. Последние бегло говорящие умерли и нет никаких признаков его выживания. Так, в 1996 году умер последний носитель языка катамба, принадлежавшего к семье индейских языков сиу. Есть и другие примеры исчезновения языков на исходе 20 века. Это язык яха, айнский язык в Японии и др. многие из которых так и не изучены [9, Стивен Мэттьюс, Мария Полински 1998:19, 212].

Следует отметить, что при наличии письменности исчезнувший язык имеет шанс на возрождение, как например иврит, который возрожден через 17 веков, и стал сегодня государственным языком Израиля, на котором говорят более 3 миллионов человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917-2000. М., 2000. С. 32.
2. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 8-10.
3. *Ким Юань-фу П.Л.* Народ в диаспоре: языковая ориентация//Известия в Казахстане и Средней Азии. №3. Отдел корееведения НАН РК. Алматы, 1993. С. 14-17.
4. *Кибрик А.Е.* О факторах, отрицательно влияющих на жизнеспособность языков малочисленных народов//Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Тезисы докладов Научно-практич. конф. Л., 1991. С. 8-10.
5. Кристал 2002:11].5. *Krystal D.* Language Death. Cambridge. 2002. P.11.
6. *Yamamoto A.* A survey of endangered languages and related recourses // Newsletter of the Foundation for Endange red Languages 5. 1997. P. 16.
7. *Vydrine V.* Kagoro: a language transforming into a dialect? // Ogmios 8. 1998. P. 17.
8. *Дешериев Ю.Д.* Социальная лингвистика. М., 1977. С. 246.
9. *Стивен Мэттьюс, Мария Полински.* Исчезнувшие и возродившиеся языки//Происхождение и развитие языков во всем мире. 1998. С. 212.

О РАБОТЕ НАД СОСТАВЛЕНИЕМ «РУССКО-КОРЕЙСКИХ РАЗГОВОРОВ» И «ОПЫТА КРАТКОГО РУССКО-КОРЕЙСКОГО СЛОВАРЯ», ИЗДАННЫХ ПРАВОСЛАВНЫМ МИССИОНЕРСКИМ ОБЩЕСТВОМ В КАЗАНИ В 1904 Г.

Данный документ был обнаружен мною в 2006 году в библиотеке Казанского университета. Сами источники изданы Православным Миссионерским Обществом и имеются в библиотечных фондах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани. Однако черновой вариант его, где отражен непосредственно процесс работы над ними, как мне представляется, мало кому известен. Рассматриваемый источник содержит описание процесса работы над двумя источниками под названиями «Русско-корейские разговоры» (в дальнейшем «Разговоры») и «Опыт краткого русско-корейского словаря». Первый труд включает 10 диалогов (названные здесь разговорами): О дороге, О деревне, В деревне, О семье, Приказание и вопросы, На базаре, Закупка продовольствия, О деревне, занятой японским войском, О неприятеле, Взятие в плен, а в конце - слова и выражения к первым двум диалогам. Диалоги составлены на русском языке с параллельным переводом на корейский. Вторая работа - «Опыт краткого русско-корейского словаря». Напомним, что рассматриваемые материалы («Русско-корейские разговоры» и «Опыт краткого русско-корейского словаря») относятся к числу письменных источников, так называемых Казанских материалов, которые привлекли особое внимание корееведов, начиная с 90-х прошлого века. Дело в том, что в них отражены речевые особенности диалекта юкчин языка советских корейцев – коре мар, ставшего предметом специального исследования в диссертационных работах Росса Кинга, защищенной в Гарвардском университете в 1991 году, Квак Чхун Гу - в Корее в 1992 году и Н.С. Пак - в Казахстане в 2004 году. Сами тексты стали сегодня бесценным источником информации о состоянии диалекта в прошлом веке, т.е. почти 120 лет тому назад.

Имея перед собой столь уникальный материал, передо мной стояла задача –выяснить, как рождались первые

письменные источники на коре мар, представляющие сегодня бесценный материал для исследователей. Отметки на полях с указанием исправлений позволяют восстановить процесс работы над его созданием. На полях мы можем прочесть замечания следующего характера. В записи от 9 февраля 1904 г. отмечено, «Союзы, предлоги и местоимения, которые остается вставить: *а, да, но, некто, нечто, о/об, около, на, между* и т.д.». В записи от 10 февраля указывается, что в качестве образца в распределении слов «для первоначального учебника русского языка для корейцев» может послужить составляемый список слов. Поскольку предлоги не были включены в список, то было принято решение их включения. Видимо, для семинаристов определение падежа, с которыми употребляются предлоги, представляло определенную сложность, то в записи от 11 февраля указывается: «спросить, с каким падежом соединяются перечисленные для словаря предлоги». Далее следует указание о том, что отрицания не нужно приводить в трех видах: *ани, марара, мот* + кит *му*. На 54 стр. занятие велось с В. Огаем. Вопросы к В. Огаю и А.К. Хану. Они служили, как видно, информантами. Например, В. Огай произносит [шэк, шэги] вместо [сэк, сэги]. Особое внимание обращалось на ударение. Выявлено, что основной падеж узнается по мн. числу. 13 февраля и 16 февраля выясняется правописание слова в предложении [муриры мора кадзигу таеньгиги]. 17 февр. отнесены в типографию Ключникова слова на буквы А,Б,В,Г предполагаемого «Краткого русско-корейского словаря». Здесь же дано письменное указание о том, что следует выписать 2 книги через Дубровина и карту Северной Кореи. Далее следует, что при составлении географического словаря всю карту можно печатать буквами и по произношению Г. Шегая. Словарь расположить в азбучном порядке согласно произношению и чтению К.Ф. Кана.

На 1 странице «Разговоров», датированной 19 марта 1904 годом, написано Н. Хану, что означало, что данный черновик адресован ему для исправления отмеченных опечаток. Здесь содержится лишь одно исправление – Рус.-кор. Разговоры, где исправлена заглавная буква *К* на

маленькую. На 2 и 3 страницах нужно убрать тире и поставить точку.

Данные пособия составлены при участии слушателей Казанской учительской семинарии К.Ф. Кана, А.А. Хана и Н.П. Хана, родом из Тизинхе, Г.П. Шегаем из Сидими, В.В. Огаем из Фаташи, А.К. Ханом из Нижнего Янчихе, приехавших на учебу из корейских поселений российского Дальнего Востока. Они изданы в 1904 году. В пособии не указаны имена лиц, составивших диалог на русском языке, поэтому можно предположить, что слушатели семинарии переводили тексты с русского языка на диалект юкчин корейского языка и поэтому в них отражены особенности названного диалекта.

Одним из составителей «Разговоров» был К.Ф. Кан - воспитанник 3 класса названной семинарии при участии его товарищей по семинарии. Звуки корейской речи записаны в «Разговорах» К.Ф. Каном «по его собственному произношению», а в основу записи звуков речи в «Опыте краткого русско-корейского словаря» положено произношение А.К. Хана из Нижнего Янчихе. При печатании словаря с 65-й страницы и предисловия участие принимал Лян Моисей Павлович из села Нагорное Янчихинской области. Известно, что местность, откуда родом учащиеся семинарии, была освоена первыми переселенцами из региона Юкчин Северо-Хамгенской провинции Кореи, и они являлись носителями одноименного диалекта. Вследствие этого в записи отражены особенности речи диалекта юкчин. Следует подчеркнуть, что тексты переданы в русской транскрипции.

Однако более ценная и подробная информация о судьбах участников-составителей «Разговоров» и целях составления подобных пособий получена мною из других источников: 1. Епископ Хрисанф. К вопросу о переводах на иностранные языки. Казань, 1904//Известия по Казанской Епархии от 29 октября 1904. 2. Епископ Хрисанф. Еще раз к вопросу о переводах на иностранные языки. Казань, 1904//Известия по Казанской Епархии от 7 декабря 1904.

Кто же были эти студенты и как они попали в Казань? В предисловии к «Разговорам» и «Опыту» сказано: «В Казанскую Иностродческую Учительскую Семинарию прибыли

с Дальнего Востока несколько человек корейцев для изучения корейского языка. Они узнали, что есть простой способ изучить корейский язык с помощью русского алфавита. Стали появляться печатные переводы на корейский язык в русской транскрипции». Далее Хрисанф пишет: «Когда я прочитал подобную заметку, то был удивлен, обнаружив совершенное незнание корейцами своего родного языка и его алфавита онмун», который, как считает автор, является «одним из самых идеальных, существующих на белом свете. Изобретать для него транскрипцию с массой надстрочных и подстрочных знаков – значит без малейшей к тому нужды создавать иероглифы новой формации. Они почти не знают корейского языка и если говорят в своих семьях на родном языке, то на весьма испорченном и извращенном привнесением в него многих исковерканных русских слов. Язык Уссурийских корейцев – язык пока еще формирующийся, неустойчивый и зыбкий. Они не имеют никакого практического применения» (там же).

Дело в том, что в этих источниках отражен язык советских корейцев – коре мар, имеющий существенные отличия от литературного корейского языка. Эти особенности содержатся на всех уровнях языковой структуры, а также масса заимствований из русского языка.

Написанная статья в «Известиях по Казанской Епархии от 7 декабря 1904 г.» является ответом Епископа Хрисанфа на реакцию директора Казанской семинарии Н.А. Бобровникова «по вопросу об инородческих переводах», опубликованной Хрисанфом.

В тексте Епископа Хрисанфа «К вопросу о переводах на инородческие языки» от 29 октября 1904 г. автор подверг критике систему обучения инородцев в России Николая Ивановича Ильминского. «Как вам известно, впервые русская транскрипция для инородных языков была разработана впервые Н.И. Ильминским». Хрисанф выразил в опубликованных статьях крайне негативное отношение к системе Ильминского, во-первых, в отношении использования русского алфавита вместо онмун, и во-вторых, в отношении составления пособий для корейцев, проживающих в Уссурийском крае.

Научная концепция, лежащая в основе системы Н.И. Ильминского, была концепция учителя Н.А. Бобровникова.

Сущность его системы заключалась в следующем. Прежде всего, по мнению Хрисанфа, эта система вылилась в форме христианской любви. Н.И. Ильминский готов сделать и делал все доброе для меньшей братии, ровно, как и меньшая братия делал все для того, чтобы идти навстречу той «системе», которой они уже жили и которую разумели своим сердцем. В этом сущность и секрет успеха системы Н.И. Ильминского.

По мнению Хрисанфа, инородческие переводы могут быть изданы на русский язык в том случае, если инородцы не имеют своего алфавита, или имеют, но труднее, чем русский. Ни того, ни другого нельзя сказать о корейцах. Онмун же не только легче русского, но и считается самым простым и совершенным из существующих алфавитов. Следовательно, если издавать переводы, то издавать их нужно непременно онмуном. Н.И. Ильминский же отзывался только на истинные запросы и нужды народа. Обрусение корейцев шло через школы. Вводить изучение корейского языка в русских школах среди корейцев Уссурийского края, или тем или иным способом поддерживать его – это значит не понимать законных и глубоких желаний этого народа, идти в разрез делу обрусения корейцев, навязывая им то, чего они сами не хотят. Хрисанф был против появления в свет «корейских книжек», это отрицательно повлияет делу просвещения корейцев, считал он

Несколько слов о Русской Православной Миссии в Корее. Она начала существовать в Сеуле с 1900 года. Была Православная Миссия и в Японии. Здание для Миссионерской школы (церкви) было построено в 1900 г, в нем до 1903 г. помещалась школа (иностранных миссионеров). Н.А. Бобровников советовал организовать хор из корейцев и петь на корейском языке. Хрисанф намеревался построить для школы национальное корейское здание.

Судьба семинариста Лян Моисея. Н.А. Бобровников отправил Ляна М. в Сеульскую Миссию к Епископу Хрисанфу в качестве псаломщика после смерти И. Левченко. Но Лян оказался неспособным к ведению псаломнической службы: он

не мог ни петь, ни читать, т.к. у него не было ни слуха, ни голоса. В церковь перестали ходить не только корейцы, но и русские, жаловался Хрисанф. Так как Лян из-за отсутствия слуха не мог управлять хором в церкви, Хрисанф оставил его учителем при Миссии.

Учитель Сеульской школы М. Лян, отправляясь в августе месяце 1903 г. из Уссурийского края к месту своей службы в Сеул, взял с собой, не имея на то согласия Храсанфа, двух учеников Янчихенской школы. По-русски оба говорят очень хорошо. Мальчиков он оставил у себя в качестве келейников. В Миссинерской школе корейцы состояли в течение 4 месяцев келейниками. После начала военных действий все они выехали из Сеула в Шанхай. В Сеульской Миссионерской школе мальчики не учились ни одного дня: они учились в Янчихенской школе и попали к нему, Хрисанфу, по недоразумению.

И не предвидя скорой возможности возвратиться в Сеул, Хрисанф забрал их из Шанхая и предложил Ляну, что если пожелают мальчики, то он может отправить их в Россию и оказать содействие поступить в русские школы при условии – по окончании курса отдать себя на служение Сеульской миссии. После того, как было получено согласие, он устроил им поездку из Шанхая в Петербург. Поездку в Петербург не удалось устроить, поэтому он отправил их в Казань – в свой монастырь. Итак, Лян попал в Казань из Шанхая через Хрисанфа.

Однако по приезде в Казань их пути разошлись: двое мальчиков, по решению Ляна и Бобровникова, отправились в деревню с каким-то студентом, где они будут учить корейскому языку. Сам Лян остался с Бобровниковым.

Почему возникло непонимание между Бобровниковым и Хрисанфом?

Бобровников обвинял членов Миссии в незнании и в нежелании заниматься корейским языком. Хрисанф владел литературным корейским языком, а Бобровников – корейским языком, на котором говорили дальневосточные корейцы, которых Хрисанф называл полуграмотными. Он считал бесспорным, что он лучше владеет корейским языком, чем Бобровников, ибо авторитет восточного института выше

самого Бобровникова со всеми окружающими его полуграмотными корейцами.

Это разные языки, о которых дискутируют Хрисанф и Бобровников. Последний опирался на язык, на котором говорили корейцы российского Дальнего Востока, а второй – на литературном корейском языке, поэтому были столь жаркие споры.

«Точному филологическому разбору корейские переводы Бобровникова подлежать не могут, ибо это переводы на такой язык, который неведом никому, кроме г. Бобровникова и его сотрудников. Да и сотрудники невысокого мнения об этих переводах. Тот самый Лян, будучи в учительской семинарии, неоднократно в Сеуле и в Казани весьма искренне выражал удивление, - для чего это Бобровникову понадобилось тратить столько денег, издавая никуда негодные переводы; а присланные Бобровниковым в Сеул для проверки и исправления рукопись корейских переводов, он, за невозможностью подвергнуть их какому-либо исправлению, так и отправил обратно». Дело в том, что Лян владел диалектом, однако будучи в миссионерской школе в Сеуле и слыша речь на литературном корейском, понимал насколько велики различия между диалектом и литературным корейском языком, стал сомневаться в полезности выполняемых в Казани переводов.

Приведенный архивный материал приведен в данной работе статье близко с первоисточнику, без большой редакции. Он, как видим, свидетельствует о сложной ситуации с обучением корейскому языку переселенцев с Корейского полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Предисловие к «Русско-корейским разговорам». Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1904 г.
2. Предисловие к «Опыту краткого русско-корейского словаря». Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1904 г.

3. Епископ Хрисанф. К вопросу о переводах на инородческие языки. Казань, 1904//Известия по Казанской Епархии от 29 октября 1904.

4. Епископ Хрисанф. Еще раз к вопросу о переводах на инородческие языки. Казань, 1904//Известия по Казанской Епархии» от 7 декабря 1904.

5. Хрисанф – Щетковский Христофор Петрович (1869-1906) был викарием Херсонской епархии. 12.02.1900 прибыл в Сеул заведовать миссией с псаломщиком, несколько лет провел миссионером в Корее (1899-1904). www.pravoslavie.ru

Материалы межд.конф. «115 лет с начала преподавания кор.языка в СПбГУ». СПб., 2012.

О КОРЕЙСКОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТНОЙ ЛИТЕРЕ

Одним из величайших достижений человечества признано считать изобретение книгопечатания, а его быстрое распространение, особенно в Европе, связано с появлением печатного станка. С изобретением книгопечатания с использованием металлических подвижных шрифтов начинается новая эра в истории человечества. История книгопечатания в современном смысле этого слова начинается с того момента, когда стали изготавливать металлические, подвижные, выпуклые буквы, вырезанные в зеркальном отображении. Из них набирали строки и с помощью прессы оттискивали на бумаге.

Широко известно, что в Европе впервые с помощью наборного шрифта на металлической основе была издана в 1452-56 гг. «Библия» на латинском языке немцем Иоганном Гутенбергом, который и был признан автором изобретения. Однако честь изобретения книгопечатания оспаривали многие народы на Западе. «Наиболее убедительно отстаивали свои притязания голландцы, ссылающиеся на изобретение книгопечатания Лоренсом Янсзоном Костером. У итальянцев Памфилио Кастальди в Фельтре считался изобретателем подвижных букв: как рассказывают, он не придавал своему изобретению никакого значения, уступил его Фусту, который с товарищами воспользовался им, учредив типографию в Майнце. Однако до нас не дошло ни одной строчки, напечатанной Кастальди, которая могла бы подтвердить достоверность этого рассказа» [см.1]. Большинство же источников приписывают честь изобретения одному Гутенбергу. Так, «в 1472 году Вильгельм Фише, ректор Парижского университета, в письме к Роберту Гагену говорит: «Передают, что недалеко от города Майнца был некто Иоанн Бонемонтан (Гутенберг), который первый выдумал искусство книгопечатания». Матвей Пальмерий, в продолжении «Хроники» Евсевия, напечатанном в 1483 году в Венеции, указывает, что «искусство печатать книги было изобретено в 1440 г. Гутенбергом в г. Майнце». Наконец, Иоанн Шеффер, сын Петра Шеффера, в посвящении к

переводу Тита Ливия 1505 года указывает на Гутенберга как на первого печатника, хотя в других местах приписывает это изобретение Фусту» [там же].

Длительные споры в Европе о первенстве изобретения говорят о незнании того факта, что задолго до этого открытия впервые металлические печатные шрифты были изобретены в Восточной Азии, а на Западе появились гораздо позже. Данный пробел наблюдается и в некоторых современных источниках. Так, в солидной монографии «Культура, коммуникации, медиа» авторы пишут «Изобретение Гутенбергом типографского шрифта на металлической основе (наборного шрифта), а следом и печатного станка во второй трети XV века исследователи называют великой коммуникативной революцией в культуре, хотя эксперименты с использованием деревянных блоков, аналогичных китайскому книгопечатанию, проводились в Европе в течение 14-15 веков» [2,с.94], не упоминая о первых изобретателях металлических печатных литер.

Впервые подвижной шрифт из обожженной глины изобрел китаец Би Шэн около 1040 г. во времена империи Сун. А первые в мире металлические подвижные литеры для печатания были изобретены в Корее Чон Юн Ёем в 1234 г. во времена правления династии Корё.

Это изобретение облегчило процесс печатания, сделало его более эффективным, а также повысило уровень грамотности, которая рассматривалась китайскими путешественниками как одним из важных аспектов человеческой жизни. Позднее эту систему подвижных литеров приняла на вооружение и Монгольская империя, которая распространилась далеко в глубь Центральной Азии. Существует гипотеза о том, как изобретение Чона повлияло на типографский станок Иоганна Гутенбурга: когда монголы вторглись в Европу, то вместе с ними были привнесены некоторые технологии, изобретённые в Азии [1].

Первые книги, напечатанные металлическим шрифтом, как бывает часто в истории, не сохранились. Однако имеются записи, где говорится, что в 1232 и 1234 гг. была напечатана книга с помощью металлического шрифта, в других

источниках говорится о книге, напечатанной в 1297 году, однако сами книги не сохранились.

Важным доказательством появления в Азии более ранней печатной продукции, чем в Европе является сохранившийся источник, напечатанный в 1377 г. в Корее, это Чикчи — старейшая из существующих книг, напечатанных при помощи металлических подвижных литер. Нужно отметить, что распространение этих первых систем подвижных литер было ограниченным: они были дорогими и требовали больших трудовых затрат.

Данный факт получил официальное признание, после того, как было оглашено, что в Парижской Национальной библиотеке хранится корейский сборник буддийских сутр «직지심경». В предисловии этой книги говорится, что она напечатана с использованием металлического шрифта в 1377 году в Корё, в храме «흥덕사».

Существует и доказательство изобретения металлического печатного шрифта в Корее уже в 12 веке, т.е. ранее названного 1377 года. Во время правления династии Корё изготавливались шрифты из латуни, из которого сделана металлическая литера иероглифа «複복», хранящаяся в государственном музее страны.

В тот период в Корё имелось центральное ведомство, именуемое «서적점». Оно занималось печатанием книг, изготовлением шрифтов и другими работами, связанными с печатью. И тот факт, что независимо от центрального печатного ведомства, в провинциальном буддийском храме изготавливались металлические шрифты и с их помощью печатались книги, наталкивает на мысль о том, что техника книгопечатания в то время уже достигла хорошего уровня.

Несмотря на то, что в Корее широко использовались металлические литеры, поскольку в корейском алфавите изначально было всего 28 букв, за пределы страны изобретение, видимо, так и не вышло.

Подвижные литеры

Рисунок 1. Наборная касса с литерами

Несколько слов и о других формах и стандартах печатания в мире

Первый наборный шрифт, как было сказано выше, был изобретен китайцем Би Шэн. Он был сделан из обожжённой глины и получил меньшее распространение, чем ксилография, поскольку изготовление наборного шрифта было слишком трудоемким вследствие большого количества иероглифов в китайской письменности.

Ксилография

Следующим этапом печатания была ксилография, когда тексты вырезались ножом на деревянных досках. Оно было известно в большей части Восточной Азии до 11 века и вырезание табличек для Буддийского канона на китайском языке было явлением почти революционным. В древней Корее уровень печатания этим способом был достаточно высок. Династия Корё выработала план применения печатания в новой форме и в конце правления династии она изготовила 2 набора деревянных печатных дощечек, один из которых хранится в монастыре Хяин. Последний включает

более 80 тысяч печатных дощечек, вырезанных с двух сторон, всего более 160 тыс. страниц. Выпуск печатной продукции в тысячи страниц, содержащих большой объем информации, потребовал высокого уровня технологии изготовления, хотя и в маленьком количестве. Следует признать, что создание в 1011 г. набора деревянных печатных табличек для Буддийского канона во время периода Династии Корё было большим достижением.

Принт первой редакции Трипитаки Кореана, второй в мире Буддийский канон на китайском языке, был составлен в Корею в 1011–1087. В статье, посвященной тысячелетию первой редакции Трипитаха Кореана, говорится, что вторая серия деревянных табличек, выпущенная в 1236-1251 и хранящаяся в монастыре Хяин, внесена во всемирный список памятников ЮНЕСКО, составляющая мировое наследия [3].

Что касается Европы, то древнейшее дошедшее до нас произведение этого искусства, имеющее на себе дату печатания, относится к 1423 году (см. «Библия бедных»). Производилось ли печатание с помощью станка или с помощью щёток — неизвестно; во всяком случае дошедшие книги печатались анопистографически (то есть лишь с одной стороны листа). Из книг, напечатанных этим способом, наиболее известны так называемые «Донаты» (сочинение римского грамматика Элия Доната). Не доказано, что «Донаты» были напечатаны намного раньше изобретения Гутенберга; с другой стороны, известно, что печатными досками пользовались ещё долго после Гутенберга; ксилография также существовала в 1475, в 1482 и даже в 1504 годах [1].

В заключении отметим, что в алфавитных системах письма набор посредством подвижных литер оказался более быстрым и надежным, чем ксилография. Металлические литеры были прочнее, а текст получался более единообразным, что привело к появлению типографии и шрифтового искусства. Считается, что печатный станок и подвижные литеры стали одним из ключевых факторов, ускоривших наступление Ренессанса в Европе [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Википедия. Книгопечатание. Династия Корё.

2. А.Ержанова, Б.Нуржанов. Культура, коммуникации, медиа. Алматы, 2011.

3. Левис Ланкастер, профессор языка и культуры развивающихся стран Азии. Деревянные печатные таблички периода династии Корё: революция книгопечатания//Korean Heritage. Winter 2011. Vol.4. No.4. Page 34-37.

The 5th Annual Conf.of the Int.Society of Korean Applied linguistics & CIS Kor. Studies Conf.2014. Almaty, 2014. P. 200-204

ВКЛАД ПРОФЕССОРА КО СОН МУ В РАЗВИТИЕ КОРЕЕВЕДЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Кореевед, специалист по финно-угорским и тюркским языкам, профессор Хельсинского государственного университета (ХГУ) Ко Сон Му был первым зарубежным ученым, проявившим профессиональный интерес к изучению истории, языка и культуры корейцев Казахстана и Средней Азии, автор первой монографии на английском языке о коре сарам.

Родился 3.12.1947 г. в провинции Чхунчхон-Намдо Кореи. После окончания средней школы в Сеуле в 1967 г. поступил в Хельсинский государственный университет на специальность «Фино-угорские языки» и окончил в 1971 г. В этом же университете окончил магистратуру по двум специальностям: по «Фино-угорским языкам» и по «Тюркологии». В 1987 г. получил звание Государственного (соотв. ваковского) доктора наук.

Профессиональная деятельность. В 1972–1977 гг. и 1980–1987 гг. работал преподавателем корейского языка в ХГУ, а в 1987–1991 гг. - приглашенным профессором ХГУ на кафедре стран Восточной Азии (китайский, корейский, японский языки). В 1991–1992 гг. преподавал корейский язык на кафедре восточных языков в КазГПУ им. Абая в качестве приглашенного профессора. Его основные труды: “Paralipomena of Korean Etymologies”. Хельсинки, 1982 [1]; монография «Корейцы в Советской Центральной Азии. 고려 사람». Хельсинки, 1987 [2]. Он посвятил ее 50-летию переселения корейцев в Среднюю Азию. Книга переведена на многие языки.

Научная деятельность проф. Ко Сон Му обширна и многогранна. Он историк, лингвист и журналист, свободно владел многими иностранными языками: тюркскими, финно-угорскими, языками индоевропейской семьи. Однако научные интересы проф. Ко Сон Му сконцентрировались на изучении истории, языка и культуры советских корейцев.

Впервые появился он в Казахстане в 1987 г. О том, что в бывшем СССР проживает более полумиллионная корейская диаспора, узнал случайно летом 1970 г., будучи в Эстонии. С

тех пор желание узнать об их прошлом и настоящем не покидало его. Однако он столкнулся с проблемой нехватки материала по данной теме. И с начала 1980-х годов начал собирать материал. Ради этого он проехал тысячи километров, встречался с сотнями людей, собрал уникальный документальный материал о советских корейцах. За 4 года пребывания в Алматы проф. Ко Сон Му объездил Россию и всю Среднюю Азию.

Он отдал более 20 лет изучению истории, языка, культуры советских корейцев, возрождению исторической памяти народа, оказавшемуся волей судьбы в Казахстане и Средней Азии. Как никто другой он понимал причины, сформировавших самобытность языка и культуры советских корейцев, уникальных по своей сути и представляющих большой интерес для корееведения. Они объясняются тем, что на протяжении длительного периода корейцы СССР находились вдали от своей исторической родины и от остальной части корейской диаспоры. Это оказало влияние на формирование особенностей в языке и культуре коре сарам.

Упорная подвижническая деятельность Ко Сон Му в Казахстане дала зримые результаты.

Было открыто корейское отделение, где положено начало обучению корейскому языку в Казахстане, он был первым зарубежным корееведом, начавшим преподавать корейский язык в университете.

По его инициативе создано «Общества корееведов Казахстана» (ОКК). Оно было вызвано стремлением содействовать исследованиям, связанными с возрождением языка, культуры, корейцев СССР. Одной из основных задач Общества является исследование процесса развития и условий функционирования коре мар, чрезвычайно важных и ценных для диалектологии и истории корейского языка. Он осознавал, что всестороннее изучение коре мар не только восполнит пробел в диалектологии, но и внесет существенный вклад в корееведение.

26 марта 1992 г. состоялось учредительное собрание, на котором были приняты Устав ОКК, где определены цели, задачи и формы деятельности, права и обязанности членов общества, структура, средства, правовой статус общества,

Декларация учредителей ОКК. На учредительном собрании присутствовали: Ким Герман Николаевич, Ким Мира Ревиновна, Ким Олег Герасимович, Ко Сон Му, Ли Анатолий Алексеевич, Пак Нелли Сергеевна, Пан Светлана Борисовна, Тэн Анна Николаевна, Тянь Юрий Васильевич, Югай Константин Алексеевич, Югай Роберт Алексеевич. Первый бюллетень ОКК вышел в мае 1992 г. [3].

Следующим этапом в этом направлении было создание научного корееведческого центра в Казахстане. Первым шагом на этом пути стали подготовка и проведение научной конференции, для которой научный потенциал и задел уже имелись.

23–26 октября 1992 г. в Алматы в Центре востоковедения была проведена Международная конференция по корееведению. Это было крупное событие для научной жизни не только Республики. О ее масштабах говорит сам факт - в ней приняли участие ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Южной Кореи, Китая, Японии, Франции, США, Бельгии, Австрии, Нидерландов. Тема конференции: «Универсализация корееведения» [4]. Большое внимание было уделено теоретическому и методологическому обоснованию исследований, включая проблему сопоставительного изучения языка, истории, культуры корейской диаспоры в разных странах мира. Открыл конференцию проф. Ко Сон Му. С приветственным словом обратился Президент НАН РК У.М. Султангазин, выступили также академик НАН РК Ж.М. Абдильдин, директор Центра востоковедения д.ф.н. Е.З. Кажибеков. В заключении было принято решение создать на базе ЦВ НАН РК отдел корееведения. Создание отдела корееведения в структуре Национальной Академии наук Казахстана – это важный этап в становлении и развитии корееведения и серьезная заявка на фундаментальный подход к науке. За период с января 1993 по июнь 1993 было выпущено 4 номера «Известий о корееведении в Казахстане и Средней Азии» [5]. Профессор Ко Сон Му был и составителем, и редактором всех номеров. Он является также основателем журнала «Коре сарам», издававшегося в Ленинграде (издано 5 номеров).

Новую область его научных интересов – корейцы Центральной Азии – подарила ему судьба в 1970 году в Эстонии, о чем было сказано ранее. А выход монографии «Корейцы в Советской Центральной Азии. 고려 사람» дала ему возможность получить грант и приехать в места обитания коре сарам – в Центральную Азию. Кратко о самой книге.

Книга «Корейцы в Советской Центральной Азии. 고려 사람» вышла в 1987 г. Это первое монографическое описание, посвященное истории, культуре, языку советских корейцев и написанное зарубежным ученым. Первый вариант этой книги как результат его исследования на основе собранного материала был неполным. Английская полная версия легла в основу диссертации на степень доктора наук и была защищена в 1987 г. в ХГУ. Данная версия после доработки и предлагается широкому кругу читателей.

В ней отмечается, что работа охватывает почти полуторавековой период в жизни корейцев, чья судьба связана с русским Дальним Востоком. В основу положен богатый фактический материал, выявленный из большого количества источников. Он снабжен богатым иллюстративным материалом.

Автор рассматривает историю переселения коре сарам на Дальний Восток и Среднюю Азию, вопросы этнической культуры, процессы развития и функционирования языка корейской диаспоры – коре мар, о корейском театре и корейской литературе. Относительно истории переселения корейцев автор отмечает, что благодаря легализации архивных материалов обнаруживаются все новые факты, которые требуют переосмысления ряда положений в освещении причин переселения корейцев с Дальнего Востока. К бесспорным достоинствам книги относится то, что она содержит ряд интересных выводов. В частности, о том, что лексика коре мар содержит несколько этимологических пластов: к первому автор относит исконно корейскую лексику, ко второму - тунгусо-маньчжурский субстрат и к третьему – русские и тюркские заимствования.

Не менее ценным для изучения языка корейцев Центральной Азии и других стран СНГ представляется и первая монография “Paralipomena of Korean Etymologies”

проф. Ко Сон Му. Остановимся на ней подробнее. О самом термине Paralipomena. Слово Paralipomena произошло от греч. «пропускать», «пробелы». Paralipomena – это книги, которые служат дополнением к предшествующим книгам, или книги о пропущенном. «Паралипоменон» греч. название 1 и 2 книг Библии, означающее у евреев «Летопись» [6].

К сожалению, эта книга почти неизвестна советским лингвистам-корееведам, столь необходимая особенно тем, кто занимается историей корейского языка. Она представляет собой докторскую диссертацию, написанную профессором в ХГУ под руководством Пентии Аалто, ученика Г. Рамстедта. Прошло более 30 лет со времени публикации знаменитого труда Г.Рамстедта «Исследования по корейской этимологии» (Хельсинки, 1949 г.), в котором он высказал гипотезу о принадлежности корейского языка к «Атайской семье». Известно, что он собрал около 5000 корейских этимологий, из которых 1900 вошли в названный труд. Несколько лет спустя его ученик проф. Пентии Аалто опубликовал «Дополнения к корейским этимологиям», куда добавил 90 новых этимологий, извлеченных из картотеки Рамстедта. После его смерти картотека была передана Обществу фино-угорских языков, где она хранится и поныне. Более 3000 карточек по корейским этимологиям Рамстедта находится среди этого материала. В дополнение к этим карточкам были сделаны дополнительные замечания к его корейским этимологиям, имеющимся на полях его книги и на отдельных страницах, которые дополнены ко многим карточкам в его личной библиотеке. Весной 1981 г. проф. Пентии Аалто и Харри Хален информировали Ко Сон Му о существовании этого материала и предложили проверить их для того, чтобы определить их научную ценность. После проверки этого материала он открыл, что большинство карточек не включены в «Исследование», вероятно, потому что, по мнению Рамстедта, большинство этимологий были уже включены. Таким образом, проф. Ко Сон Му заново пересмотрел всю картотеку Рамстедта и дополнительно включил этимологии, отсутствующие в списке корейских этимологий в «Исследовании по корейской этимологии» Рамстедта.

Исследование корейских этимологий после публикации книги Рамстедта не получило удовлетворительного развития, хотя временами проводятся дискуссии. Дело в том, что в Корее признается принадлежность корейского языка к алтайской семье без фундаментального исследования. Поэтому проф. Ко Сон Му и его ученики верят, что неопубликованные материалы Рамстедта должны быть опубликованы и как продолжение его «Исследования» и «Дополнения корейских этимологий». Это было единогласное решение учеников Рамстедта и др. членов «Общества фино-угорских языков» - не производить оценки или фундаментальной корректировки материалов Рамстедта. Нужно напомнить, что сам Рамстедт рассматривал большую часть этимологического сравнения как предварительное. С другой стороны, нет сомнения в том, что часть материала, опубликованного в этой книге, содержит очень много важных замечаний по истории корейского языка. Нужно подчеркнуть, что труд Рамстедта представляет большую ценность, независимо от того, рассматривать корейский язык как алтайский или нет. Между прочим, редакторы этого труда относятся скептически об «Алтайской гипотезе», отмечает профессор Ко в своей монографии.

21 сентября 1993 года трагически оборвалась его жизнь. Он погиб в автомобильной катастрофе на одной из центральных улиц Алматы [7]. Ему было 46 лет, из которых 20 лет он посвятил исследованию истории, языка и культуры коре сарам.

27 сентября у здания НАН РК состоялся траурный митинг памяти президента Ассоциации по корееведению, руководителя отдела корееведения ЦВ НАН РК, известного тюрколога-корееведа Ко Сон Му.

Почтить память его пришли представители корейских общественных организаций, посольства РК, студенты АГУ и КазГУ. На траурном митинге, открывшем вице-президентом НАН РК акад. Ж.М.Абдильдиным выступили временный поверенный посольства РК госп. Сон, директор ЦВ НАН РК Е.З. Кажибеков, председатель АККЦ М.В. Хван. Присутствовала его жена Цой Сон Хя. Они отметили особо

его поистине подвижническую деятельность, благодаря которой был создан отдел корееведения в ЦВ.

Он останется для нас добрым, отзывчивым другом и ученым. Жизнь его оборвалась в расцвете творческих сил, не успев реализовать свои научные планы. И в заключении отметим результаты его деятельности за этот короткий промежуток времени:

1. Открытие корейского отделения в Казахском университете им. Абая;
2. Основание «Общества корееведов Казахстана»;
3. Создание отдела корееведения в Центре востоковедения Национальной Академии Наук РК;
4. Проведение Международной конференции по корееведению;
5. Выпуск 4 номеров научного журнала «Известий по корееведению Казахстана и Средней Азии»;
6. Выпуск 5 номеров журнала «Коре сарам».

Всюду в этой области - история, язык, культура советских корейцев и деятельность, связанная с этой областью (вышеназванные мероприятия) - он был первым. Особое внимание и заботу проявлял о молодых начинающих исследователях, связывая большие надежды на возрождение языка и культуры коре сарам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ко Сон Му. Paralipomena of Korean Etymologies. Хельсинки, 1982. 295 с.
2. Ко Сон Му. Корейцы в Советской Центральной Азии. 고려 사람». Хельсинки, 1987. 262 с.
3. Бюллетень «Общества корееведов Казахстана». №1. Алма-Ата, май 1992.
4. Программа 1-й Международной конференции по корееведению и сравнительным исследованиям. 22–26 октября 1992. Алма-Ата.
5. Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. Вып 3. Алматы, май 1993.

6. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические с параллельными местами и приложением. СПб, 2010, с. 428.

7. Некролог в «Казахстанской правде» за 1992, 12 окт. № 214, с. 4.

Корееведение в Казахстане №12. Алматы, 2019.

СУДЬБЫ ПОТОМКОВ ПЕРВЫХ КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Известно, что массовая иммиграция с северных районов Корейского полуострова в Китай началась одновременно с переселением корейцев на российский Дальний Восток по официальным данным после 1863 года. Как же складывались их судьбы в новой среде обитания? Естественно, совершенно по-разному складывались судьбы иммигрантов как в Китае, так и в России. Однако иногда пути некоторых из них пролегли по обеим странам.

В данном сообщении речь пойдет об одной из этих судеб, о Ким Юань-Фу (김원복), с которым мне довелось учиться в Алматинском институте иностранных языков. Он учился на английском факультете на третьем курсе, когда я поступила на первый, окончил в 1962 г. Работал преподавателем английского языка в КазГУ (в то время им. С.М. Кирова) и в Казахском политехническом институте заведующим кафедрой иностранных языков. Его полное имя на русском языке звучало - Петр Леонидович Ким. В институте он вызывал всеобщее уважение и интерес своей внешностью, интеллигентностью, прекрасным владением несколькими иностранными языками не только у студентов, но и у преподавателей. Необычна была и его биография, о которой будет сказано далее.

Отец Ким Петра Леонидовича – Ким Леонид Васильевич (김운길) родился в 1911 во Владивостоке, окончил гимназию. В 1928-30-х годах вместе с матерью переехал в Харбин, где учился в Политехническом институте на подготовительном отделении. Отсюда его послали учиться в Берлин в Политехнический вуз по специальности «Тяжелое машиностроение». После его окончания в 1937 году прожил в Германии еще два года и в 1939 году вернулся в Харбин через Сеул вместе с женой Гердой Порад. Отец умер в Японии в 1941 г., там и похоронен. Мама умерла в 1946 г. Его сыновья - Петр и Конрад-Георгий - вместе с бабушкой выехали из Китая в Казахстан, в Алмату. Был 1956 год. Отец бабушки Петра Леонидовича, т.е. прадед по отцовской линии Цой

Николай Лукич (최봉준) был в числе первых переселенцев в Приморский край российского Дальнего Востока.

Прадед Ким П.Л. был одним из пяти человек (Цой Петр Семенович, Цой Николай Лукич, Хан Елисей Лукич, Хан Василий Лукич и Ким Петр Николаевич), которые побратались в 1885 г. Объединил их Цой Петр Семенович, будучи с 1893 по 1910 г. старшиной Янчихинской волости и занимался коммерцией вместе с двумя родными братьями.

Побратимы были коммерсантами и людьми состоятельными. Их объединяла общая цель – способствовать просвещению корейцев, строительству школ, церквей, благоустройству сёл. Но самый большой след они оставили своей просвещенческой деятельностью среди корейской молодежи. Они приняли решение отправить 100 молодых корейцев на учебу в различные центры просвещения. Это: Москва, Владивосток, Симферополь, Казань, Екатеринбург, Омск, Екатериноград (Новосибирск), Семипалатинск и др. Назовем некоторых из них: Ким Михаил Михайлович, Ким Николай Иванович, Ким Михаил Николаевич, Ким Александр Николаевич, Ким Константин Петрович, Ким Роман Иванович, Ким Яков Андреевич, Ким Василий Иосифович, Ким Владимир Федорович, Ли Михаил Афанасьевич, Лян Василий Кузьмич, Лян Моисей Павлович, Ни Алексей Александрович, Ни Павел Филиппович, Тен Михаил Ефремович, Тим Мефодий Степанович, Тян Михаил Васильевич, Тян Яков Терентьевич, Хан Андрей Абрамович, Хан Петр Елисеевич, Цой Лев Петрович, Цой Петр Николаевич, Цой Петр Петрович, Юн Николай Николаевич и др. В Казанской учительской семинарии обучались следующие студенты: Ким Яков Андреевич (Янчихе), Цой Лев Петрович (Янчихе), Кан Константин Фомич, Хан Никита Петрович (оба из Тизинхе), Шегай Глеб Павлович (Сидими), Огай Василий Васильевич (Фаташи), Хан Андрей Абрамович (Тизинхе), Хан Андрей Константинович (НижнееЯнчихе), Лян Моисей Павлович (Нагорное), Хан Петр Елисеевич, Тян Михаил Васильевич. Это было в конце 19 и начале 20 веков.

Приведенные данные записаны мною во время беседы с Цой Валентином Петровичем в 1994 г. в Алма-Ате. Цой

Валентин Петрович является сыном упомянутого выше инициатора «побратинства» - Цой Петра Семеновича.

Семья прадеда Петра Леонидовича жила в корейском поселении, которое называлось «Новая деревня». О Цой Николае Лукиче имеется запись в путевых заметках известного писателя и путешественника Н.Г. Гарина-Михайловского, которую он сделал во время посещения этой деревни. Прадед Петра Леонидовича был старостой деревни. Он был уже российским подданным и принял православие. Затем переехал во Владивосток и основал фирму «Цой и сыновья». Большую часть своего состояния он потерял в 1919 г. во время аннексии Кореи Японией. Вскоре после этого он умер.

У Николая Лукича было двое детей: сын Петр и младшая дочь Анна (Аи-ра). Они запечатлены на фотографии (1897-98 гг.), где сидят в двуколке перед своим домом во Владивостоке. В 1917 г. во время Октябрьской Революции Петр был в числе защитников Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге, а в 1930-ые годы был арестован и заключен в ГУЛАГ. Дочь Анна (бабушка Петра Леонидовича, 1894-1976) слыла первой красавицей во Владивостоке, она после Революции, как и многие русские на Дальнем Востоке, эмигрировала с сыном в Китай в Харбин, а в 1956 г. вместе с внуками переехала в Казахстан [1, 2].

Описав судьбу одного из потомков первых переселенцев Цой Николая Лукича Ким Петре Леонидовиче, расскажем и о других потомках упомянутых активистов корейской диаспоры, способствовавших становлению корейской интеллигенции на российском Дальнем Востоке.

К их числу можно отнести Ким Михаила Михайловича (одного из подопечных Цой Петра Семеновича), судьба которого подробно описана его дочерью Ким Эльвирой Михайловной – известного журналиста, работавшей главным редактором Семипалатинского областного радиокomiteта и первым зам.редактора областной газеты «Иртыш». Её перу принадлежат шесть книг, выпущенных издательствами Казахстана и Москвы.

Ким Михаил Михайлович родился в 1896 году в селе Тизинхе Посьетского района в многодетной крестьянской

семье. Проявлявшего с детства сильную тягу к знаниям учился блестяще, он проявлял незаурядные способности к учебе и совет старейшин села отправлял его на учебу сначала в учительскую семинарию в Раздольное. Его материально поддерживали односельчане. После окончания работал учителем в школе в селе Сидельниково в Никольск-Уссурийском районе. В 1923 г. после окончания подготовительного класса Владивостокского педагогического института поступает в Дальневосточный университет при поддержке совета старейшин села Тизинхе .

Ким М.М. – известный политический деятель, делегат 27 съезда ВКП(б), один из ярких борцов за установление Советской власти на Дальнем Востоке. Судьба его как о многих корейцев трагична, но достойна уважения и памяти. Погиб в расцвете лет, ему было всего 42 года. Их постигла трагическая участь, он расстрелян в 1938 г.[3]. Реабилитирован посмертно.

Велика роль просвещенской деятельности «побратимов» Цой Петра Семеновича, Цой Николая Лукича, Хан Елисея Лукича, Хан Василия Лукича и Ким Петра Николаевича. Пока их разносторонняя деятельность, в том числе и просвещенческая, в научной литературе недостаточно освещена.

Среди тех, кто был отправлен на учебу в ведущие образовательные центры России того времени, были первые корейские просветители: Хан Елисей Лукич, Ким Яков Андреевич – автор букваря для корейцев. Назовем и другие имена.

Лян Николай Михайлович участвовал в составлении известного словаря «Опыт русско-корейского словаря», составителем которого был М.П. Пуцилло. К настоящему времени вышло репринтное издание этого уникального словаря, подготовленного праправнучкой автора А.М. Муромцевой [4].

Ким Константин Петрович был первым учителем-корейцем в мужской гимназии во Владивостоке.

Когай Евгений (Ко Ен Джун) – первый кореец, получивший образование в Санкт-Петербурге в 1870-х годах. Из Посьета уехал в 1866 г.

Нам Манджук – директор техникума в Никольск-Уссурийске.

Ни Павел Филиппович – зам.директора педагогического техникума в Никольск-Уссурийске.

Ли Михаил Афанасьевич - директор учительской семинарии в Никольск-Уссурийске в 1918-1922 гг.

Лян Владимир Кузьмич – первый священник в Омске. Позднее стал биологом, до переселения занимался семеноводством. Был директором интерната в Панфилове.

Хан Андрей Абрамович – один из первых учителей среди корейцев.

О сложившихся судьбах Ким К.П., Когай Е., Нам Манджук, Ни П.Ф, Лян В.К. и Хан А.А. записаны мною со слов моих родителей Пак С.Н. и Цхай Т.Т. в 1994 г.

Это имена тех, кто способствовал становлению корейской интеллигенции на российском Дальнем Востоке, потомки которых ныне проживают в различных уголках постсоветского пространства и в дальнем зарубежье.

Рисунок 2. Цой Семен Петрович, прадед П.Л. Кима 1900-ые годы

Рисунок 7. Бабушка П.Л. Ким Цой Анна со своим старшим братом в двуколке перед своим домом во Владивостоке. 1897-98 гг.

Рисунок 8. П.Л. Ким второй слева на конференции по корееведению в Алматы, октябрь 1992 год

*Рисунок 9 П.Л. Ким второй слева,
рядом с Ко Сонг Му. 1992 год*

ЛИТЕРАТУРА

1. Peter L. Kim Yuan-Fu. CHOI (Chwe, Tsoy) PONG-JUN (최봉준) ANDHISDESCENDANTS. Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. № 1. Отдел корееведения, Центр востоковедения Казахской академии наук. Алматы, 1993. Январь. С.30-33.
2. Пан Бюнг Юль. Цой Петр Семенович – выдающийся деятель корейцев России. Сеул, 2006.
3. Ким Э.М. Жизнь в стране абсурдов//Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. Алматы, 1993, №3.

4. Пуцилло М.П. Опыт русско-корейского словаря. Ротапринтное издание. Санкт-Петербург, 2014. 731 с.

*Корееведение в Казахстане. Вып 3. Алматы, 2015. С.
298-304.*

ОБ УНИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время в Корее разрабатывается доктрина объединения Кореи на основе конфедерации, т.е. сосуществования двух самостоятельных государств с постепенным объединением по мере выравнивания уровня экономического развития. Она коснулась и гуманитарной сферы.

История Кореи, разделенная после приобретения независимости, представляет собой уникальный материал для лингвистов, культурологов, антропологов, занимающихся проблемами развития процессов в языке и культуре в обществе.

Радикальные перемены в общественной жизни на Корейском полуострове, связанные со сменой социального строя, были незамедлительно отражены в языке. С образованием двух государств, многолетнее противостояние, идеологическая конфронтация привели к тому, что сформировались две формы литературного языка – Пхеньянский и Сеульский стандарты корейского языка, в основу которых положены соответственно Пхеньянский и Сеульский диалекты. К усиливающимся различиям между двумя вариантами одного языка привела и проводимая языковая политика в двух странах [1].

Таким образом, три основные взаимосвязанные факторы усугубили языковые различия Севера и Юга. Во-первых, это фактор почти 65-летней истории взаимной изолированности двух корейских государств. Во-вторых - политические, социально-экономические и идеологические различия двух противоборствующих систем социализма и капитализма. И, в-третьих - разная языковая политика, проводившаяся правительствами Севера и Юга. В КНДР эта политика была направлена на создание *мунхваэ* - "культурного языка", основанного на пхеньянском диалекте, а в Южной Корее в качестве основы для *пхёнчжунэ* - нормированного (стандартного) языка был выбран сеульский говор [2].

Напомним кратко различия в языковой политике двух государств.

С 1949 года Север проводит политику очищения языка от заимствований, в результате этих реформ на Севере были изъяты из употребления иероглифы и заимствования из японского и других языков. На Юге они не только активно используются, но и являются обязательными, в частности китайские иероглифы, для овладения в школьной и университетской программах. В сфере орфографии были также проведены реформы, в результате чего варианты некогда единого корейского языка пошли по пути дивергентного развития, т.е. в северном и южном вариантах стали появляться все больше отличительных черт.

В отличие от Сеульского стандарта, в Пхеньянский вариант литературного языка вошло много диалектных слов, судя по статистике -около четырех тысяч слов. Для южных корейцев они малознакомы и непонятны.

Как и все языки, корейский язык пополняется новыми словами из других языков в результате экономических, политических и культурных связей корейского народа с другими народами. Процесс заимствования слов наблюдается во все периоды развития языка. Особенно большой след в языке корейцев оставило китайское влияние, когда Корея была под сильным влиянием Китая. В течение ряда веков китайский язык считался в Корее официальным языком, на нем издавалась литература господствующего класса. Китайские элементы языка проникали также и в разговорный язык корейцев, в котором и в настоящее время можно встретить массу китайских слов и выражений, произношение которых, однако, отличается от китайского.

Со временем заимствования в любом языке настолько прочно осваиваются в новом языке, что они уже перестают восприниматься как чужие слова. Такие слова, заимствованные из китайского, в корейском языке называются сино-корейскими. Они пишутся на национальном корейском алфавите - хангыль. А те заимствования, которые и пишутся иероглифами, называются просто китайскими заимствованиями.

Японское влияние на корейский язык до XX века было незначительным. С захватом же японцами Кореи проводилась усиленная японизация корейцев и гонение на корейский язык,

с чем связано некоторое количество японских слов в словарном составе корейского языка

В связи с глобализацией, развитием техники, науки, экономики, культуры немаловажное значение в пополнения словарного состава языков имеет процесс заимствования. В пополнении лексики корейского языка через заимствования, значительное место занимает лексика из английского языка. Военное присутствие США в Корее после 1945 г. отразилось на корейском языке появлением множества английских заимствований, которые затем закрепились в языке [3].

Также высок и удельный вес русизмов, но уже в севернокорейском языке. В связи с этим все более актуальной становится проблема освоения заимствованных лексических единиц, включающие, прежде всего, слова-реалии, не имеющие эквивалентов в языке-рецепторе. В варианте Пхеньянского стандарта корейского языка появились такие слова, как коммунизм, социализм, компартия, товарищ и др. С перестройкой и установлением дипломатических связей начался активный диалог между двумя странами, и расширились живые контакты между россиянами и корейцами. Все это привело к взаимным заимствованиям. В русский язык вошли такие слова как тэквандо, кимчхи, хангук, кобуксон, арирань, хангыль, Сеул, Намсан, Ханган и др.

На сегодняшний день стала насущной проблемой для обеих Корей создание унифицированного нормированного, единого корейского языка.

Большая работа проводится Севером и Югом по стандартизации корейского языка усилием лингвистов обоих государств. Создана Комиссия по разработке норм корейского языка. На сегодняшний день обсуждены и приняты решения по унификации алфавита, орфографии, а также созданию большого словаря корейского языка [4]. Последнее имеет своей целью собрать в этот словарь весь лексический состав корейского языка. Данный проект рассчитан на длительный период и требует объединения усилий лингвистов Севера и Юга.

По подсчетам южнокорейских специалистов численность слов, которые употребляются дифференцированно на Севере и Юге страны, составляет уже

с десятков тысяч слов. Что же касается разного рода словосочетаний, выражений, характерных для периодической печати "штампов" и клише, то их количество, которое неуклонно растет, трудно поддается учету. В этой связи профессор Ли Ик Соп считает, что для нормального функционирования языка в масштабе нации и страны, прежде всего, необходима унификация всей системы звуковых, словарных и грамматических средств и введения единого всем понятного и доступного общенационального языка. Людям, общающимися понятным друг другу унифицированным языком, легко дается обмен мнениями, сближение взглядов и позиций, установление близких дружественных отношений. Наоборот, если у людей нет такого важнейшего орудия общения, как нормированный общенациональный язык, то им несравненно труднее найти общий язык. В качестве примера профессор приводит встречи со своими зарубежными соотечественниками, забывшими корейский язык, при которых он невольно испытывал неловкость и отчужденность, как будто они не были единокровными соплеменниками, а людьми иной национальности. Отсюда следует, что во всех сферах жизни общества унифицированный нормированный язык должен быть обязательным языком, ибо он играет историческую роль ускорителя национального объединения [5].

В 1989 году представителями Севера и Юга Кореи обсуждался проект по составлению Большого словаря общенационального корейского языка, включающий более 300 000 лексических единиц. Официально проект запущен 20 февраля 2005 года [там же, 4]. За период деятельности Комиссией выполнен довольно значительный объем работы.

Этот проект потребовал унификации норм правописания, начиная с обсуждения порядка следования букв алфавита.

Порядок следования букв алфавита

Если на Севере гласные следуют после удвоенных кк, тт, пп, сс, чч, то на Юге гласные следуют между с и ч. На Севере за буквой х следуют удвоенные согласные, то на Юге – это последняя буква алфавита. Решением Комиссии

следование букв унифицировано следующим образом: гласные располагаются между с и ч, а удвоенные согласные следуют за буквой х.

Раздельное написание

В Республике Корея (РК) применяется правило раздельного написания, где единицей служит слово. В РК очень редко некоторые слова пишутся слитно и лишь в том случае, если такое написание разрешено, в КНДР же слитное написание используется чаще. С другой стороны, в РК с 1989г. правила изменились в сторону большего использования слитного написания, чем раньше. В КНДР же с 1996 года существовали правила слитного написания, а с 2000 года в некоторых случаях стали использовать раздельное написание, однако в последнее время правила опять сместились в сторону слитного написания.

В РК правила раздельного написания больше всего отличаются в случаях использования пробелов для вспомогательных предикативов, служебных имён существительных, числительных, в составных именах существительных и т.д.

1. Во-первых, правило для раздельного написания вспомогательных предикативов в РК говорит о том, что их надо писать через пробел, однако после окончания ‘ㅇ’ вспомогательный предикатив можно писать слитно. В КНДР все вспомогательные предикативы пишутся слитно. По данному вопросу мнения сошлись на том, что вспомогательные предикативы будут писаться согласно правилам, существующим в РК, т.е. раздельно, кроме слов после окончания ‘ㅇ’, которые следует писать слитно.

2. Во-вторых, правило написания служебных имен существительных в РК говорит о том, что их следует писать раздельно, но разрешено слитное написание для слов, обозначающих последовательность или цифры. В КНДР служебные имена существительные пишутся слитно. В РК пришли к мнению, что существительные обозначающие единицы измерения надо писать слитно, по остальным служебным именам существительным продолжать исследования и обсуждать данную тему для того, чтобы

прийти к оптимальному унифицированному варианту. Унифицировано написание служебных слов: РК – КНДР – единый вариант 24개 - 40개 - 51개.

3. В-третьих, в РК написание таких числительных как 만 (десять тысяч), 억 (100 миллионов), 조 (триллион) пишутся через пробел. В КНДР такие существительные как 백 (сто), 천 (тысяча), 만 (десять тысяч), 억 (100 миллионов), 조 (триллион) пишутся раздельно. В РК пришли к мнению, что 만 (десять тысяч), 억 (100 миллионов), 조 (триллион) следует писать через пробел.

4. В-четвертых, в РК при написании составных (сложных) имен существительных принято использовать пробел после каждого слова, но разрешено слитное написание имен собственных и терминов. В КНДР принято использовать пробел после слов, объединенных по одному понятию, одному объекту. По этому вопросу в РК склонны к тому, что пробел будет ставиться после единиц, объединенных по смыслу, но принято решение, что по каждому разделу обсуждения будут проводиться в процессе составления словаря. Написание имен собственных (организации, объединения, группы и т.д.), термины, обращения и т.д. решили писать раздельно. Комитет по унификации грамматики РК и КНДР приводит следующие примеры.

РК – КНДР – единый вариант

Пишется раздельно, но сразу после ‘-아/-어’ вспомогательные предикативы пишутся слитно с предыдущим словом.

- 가고 있다, 읽게 하였다, 오지 않았다, 먹어버렸다

Пишется слитно.

По правилу пишется раздельно, но в некоторых случаях можно писать слитно.

РК – КНДР – единый вариант

Слитно с предыдущим словом.

- 한개, 두마리, 세명, 한컬레. Пишется слитно.

Пишется раздельно. Но существительные, обозначающие

последовательность или цифры пишутся слитно.

РК – КНДР – единый вариант

Пишутся раздельно ‘만, 억, 조’.

- 이십육억 삼천사백오십육만 칠천팔백구십팔.

‘백, 천, 만, 억, 조’ пишутся раздельно.

PK – КНДР – единый вариант

Слова, включенные в «Кёремаль Кхынсачжон», пишутся слитно, даже если слова не включены в словник, но у них существует связь по смыслу, то два слова можно писать слитно. Сложные случаи будут рассматриваться отдельно.

- 국가 건설 방향 설정/국가건설방향설정 → 국가건설
방향설정

Пишется слитно если есть связь по смыслу.

Если слово не составное (сложное), то пишется раздельно.

PK – КНДР – единый вариант

Пробел ставится после смысловой единицы.

- 서울대학교 사범대학 국어교육과, 사회과학원
언어학연구소

Пишется слитно.

Применяется правило раздельного написания, где единицей служит слово, но можно за единицу взять и смысловую единицу.

PK – КНДР – единый вариант

Пишется слитно

- 김군, 길동님, 홍길동씨, 순희양

Пишется слитно или раздельно.

PK – КНДР – единый вариант

Пишется слитно, если есть связь по смыслу, если слова соединены без частиц и это слово очень длинное и сложное для понимания, то пробел ставится после смысловой единицы.

- 만성골수성백혈병, 급성복막염 / 중증 급성 호흡기 증
후군

Пишется слитно.

Применяется правило раздельного написания, где единицей служит слово, но можно писать и слитно

Грамматические термины

В РК в процессе составления словаря решили использовать следующее написание терминов. Несколько примеров использования правила в РК приведены отдельно.

Орфография

В РК используются другое правило написания окончаний ‘어, 오’ и суффиксов. В КНДР суффикс ‘ㄴ’ пишется как ‘ㄹ’, по данному вопросу стороны не пришли к единому мнению, по остальным вопросам были найдены точки соприкосновения. В настоящий момент, в процессе составления словаря по каждому примеру будут проводиться обсуждения, высказываться мнения. Мнения, по которым приняты решения, приведены отдельно.

Знаки препинания

Наименование знаков препинания в РК, которые отличаются от правил в КНДР. В РК в процессе составления словаря были выделены следующие правила иного использования знаков препинания. В РК применяют: точка посередине строки (·), фигурные скобки ({}). Используемые в КНДР точку с запятой (;) решили не применять. Используемые в РК кавычки и в КНДР знаки обозначающие цитату – оба правила признали, но по их применению ввели ограничения.

В РК двойные кавычки (“”) используют для обозначения прямого диалога в середине текста или для обозначения чужой речи. Одинарные кавычки (‘ ’) используют внутри двойных кавычек (“ ”) для обозначения *меньших единиц*. В КНДР кавычки-ёлочки (《 》) применяют для обозначения первоисточника, а одинарные кавычки-ёлочки (< >) применяют для выделения слова или выражения и для обозначения *меньших единиц* внутри предложения, выделяемого двойными кавычками-ёлочками (《 》).

Ниже даны примеры применения данного правила в РК.

Написание заимствованных слов

Заимствованные слова приходят в корейский язык из других языков и адаптируются под правила нашей фонетической системы, однако правила написания

заимствованных слов не всегда подходят под все заимствованные слова. Поэтому в РК решили просмотреть написание заимствованных слов в словаре «Кёремаль Кхынсачжон» и по каждому примеру провести обсуждение, а затем прийти к единому мнению. В результате проделанной работы предложения от РК и КНДР, которые совпали, признали обеими сторонами, а предложения, по которым мнения не совпали, поделили на три большие группы и предложили варианты унификации.

1 - предложение по унификации от РК; 2 - предложение по унификации от КНДР; 3 - признать предложения обеих сторон и разрешить несколько вариантов написания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пак Н.С. Языковая политика на Корейском полуострове// Корееведение Казахстана. Выпуск 2. Алматы, 2014. С.281-288.
2. Культурно-исторические предпосылки проникновения английских заимствований в корейский язык// Сборник статей. М., 2001.
3. Гогук сосик. Сеул, 2002.
4. History and future plans for Gyeoremal-keunsajeon. Seoul, 2005.
5. Ли Ик Соп. Нормированный язык и его функциональная направленность. Сеул, 2003.

*Актуальные проблемы совр. востоковедения,
посвящ. 60-тию проф. С. Абдулло. Алматы, 2015.
Медународная научно-практическая конференция. 8 апр.*

Научное издание

Пак Н.С.

Избранные труды по корейской лингвистике

Сборник трудов

Ответственный редактор Курманбекова В.А.
Тематический редактор Пак Н.С.

Оформление и верстка Курманбекова В.А.

Подписано в печать 21.10.2022

Формат 62x84^{1/16}

Уч.изд. л. 17,8

Тираж 200 шт.

Издательство «Полилингва» Казахского
университета международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
e-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru